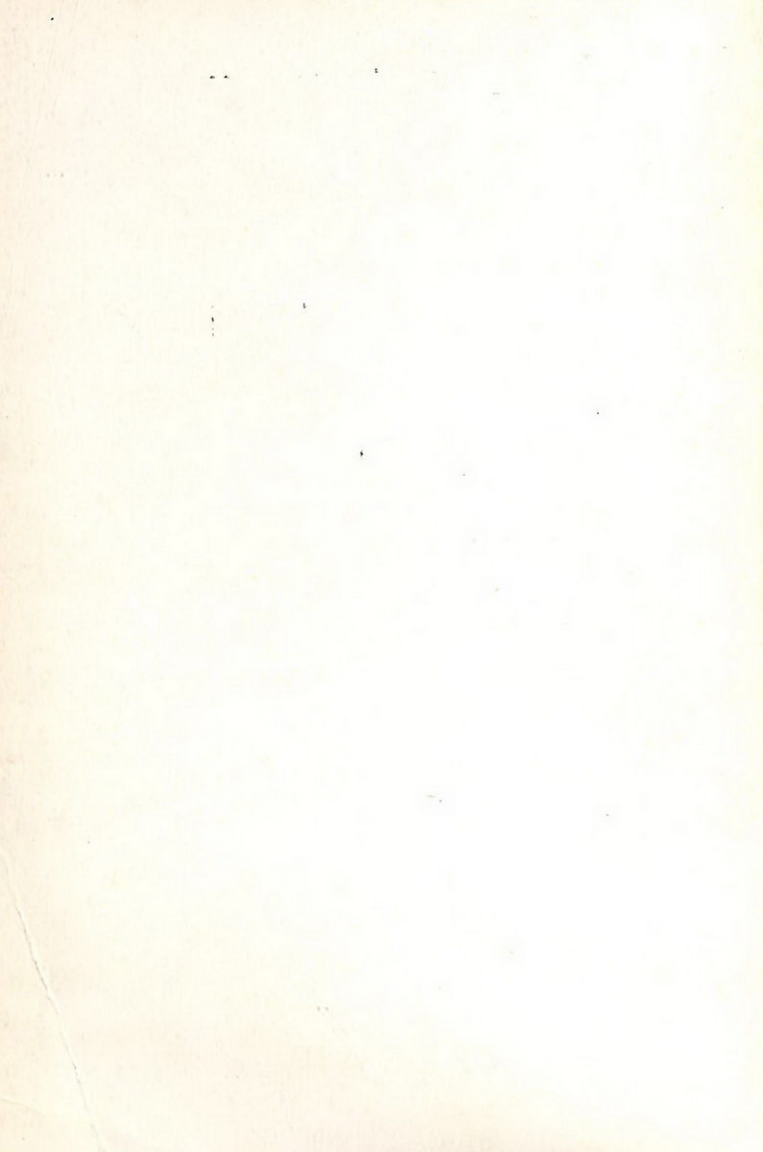

А.Г. СТАМБОЛЦЯН

ВНУТРЕННЯЯ
ПОЛИТИКА
ПРАВИТЕЛЬСТВА
НАЦИОНАЛЬНОЙ
БУРЖУАЗИИ ИРАНА
1951 - 1953 гг.

ЕРЕВАН

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ԱՐԵՎԵԼԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Ա. Գ. ՍՏԱՄԲՈՒՅՅԱՆ

ԻՐԱՆԻ ԱԶԳԱՅԻՆ ԲՈՒՐԺՈՒԱԶԻԱՅԻ
ԿԱՌԱՎԱՐՈՒԹՅԱՆ
ՆԵՐՔԻՆ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ
(1951—1953 թթ.)

ДУБЛЕТ

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А. Г. СТАМБОЛЦЯН

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА
ПРАВИТЕЛЬСТВА НАЦИОНАЛЬ-
НОЙ БУРЖУАЗИИ ИРАНА

(1951—1953 гг.)

532192

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1984

ББК 66.2(5 Ирн)
С763

Печатается по решению ученого совета Института востоковедения
АН Армянской ССР

Ответственный редактор доктор ист. наук Г. М. ЕГАНЯН

Книгу рекомендовали к печати рецензенты: доктора ист. наук
О. Г. ИНДЖИКЯН и В. А. БАЙБУРТЯН

Стамболцян А. Г.

С763 Внутренняя политика правительства национальной буржуазии Ирана (1951—1953 гг.)/Отв. ред. Г. М. Еганян.—Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1984. 136 стр.

В работе исследуются сущность, принципы и тенденции политики правительства Мосаддыка в разных сферах внутренней жизни страны, а также его взаимоотношения с шахом и политическими силами Ирана. Внутриполитический аспект деятельности правительства национальной буржуазии рассматривается на фоне сложных взаимоотношений Ирана с Англией и США.

Книга адресована востоковедам-иранистам.

С 0506000000 34—82
703(02)—84

ББК 66.2(5 Ирн)
V

© Издательство АН Армянской ССР, 1984

ВВЕДЕНИЕ

В результате национально-освободительной борьбы, развернувшейся в Иране после второй мировой войны, 29 апреля 1951 г. к власти пришло правительство национальной буржуазии во главе с лидером Национального фронта Мохаммедом Мосаддыком.

Период правления национальной буржуазии Ирана (1951—1953 гг.)—один из важнейших этапов национально-освободительного движения иранского народа в послевоенные годы. Всесторонний и обстоятельный анализ событий этого периода имеет большое значение для выявления характера движения, правильной классификации его движущих сил и освещения истинных причин его поражения.

Этот чрезвычайно важный и вместе с тем сложный, противоречивый период новейшей истории Ирана привлекал внимание исследователей преимущественно с точки зрения нефтяной проблемы. Подробному анализу процесса осуществления закона о национализации нефтяной промышленности, а также ирано-английских и ирано-американских взаимоотношений, связанных с возникшим между Ираном и Англией нефтяным конфликтом, посвящены обширные и серьезные исследования целого ряда советских и зарубежных авторов¹.

Рассматривая осуществление закона о национализации нефтяной промышленности в качестве решающего условия обеспечения экономической и политической независимости Ирана и объявив его основной целью своей деятельности, правительство национальной буржуазии одновременно проводило довольно примечательную внутреннюю политику, анализ которой необходим именно для полного освещения и уяснения упомянутых выше проблем.

Однако до настоящего времени внутренняя политика правительства национальной буржуазии не только комплексно не изучена, но и отдельные ее аспекты редко становились предметом специального исследования.

Освещение внутренней политики правительства национальной буржуазии Ирана приобретает особую важность и актуальность в настоящее время, после победы иранской революции и свержения монархического режима, так как во многом способствует правильному восприятию внутривластного курса правительства республиканского Ирана. В частности, причины, препятствовавшие в свое время проведению Мосаддыком радикальных преобразований при сохранении буржуазного общества (представителем которого он являлся), становятся ныне определяющими и для внутренней политики Исламской Республики Иран. Изучение внутренней политики правительства национальной буржуазии помогает также выявлению причин перестановки классовых сил в последующей борьбе иранского народа.

Целью настоящего исследования является раскрытие характера внутренней политики правительства национальной буржуазии, в значительной мере предопределившей его судьбу, выявление принципов, основных аспектов и тенденций ее развития, а также обусловивших эту политику важнейших факторов.

Объективное выяснение вопросов, касающихся внутренней политики правительства национальной буржуазии, имеет целью также опровергнуть выдвинутую некоторыми буржуазными авторами и нашедшую распространение в ирановедческой историографии ложную точку зрения, пытающуюся отрицать своеобразие сущности и политики правительства Мосаддыка и полностью уподобить его предшествующим и последующим правительствам.

В работе, с другой стороны, делается попытка противостоять тем авторам, которые считают, что политика правительства Мосаддыка носила совершенно независимый и самостоятельный характер.

Рассматривая и представляя внутреннюю политику правительства как прямое выражение экономических и политических принципов иранской национальной буржуа-

зии и самого Мосаддыка, невозможно обойти молчанием наличие следующих очень важных обстоятельств, ограничивших его деятельность: после фактического захвата власти национальной буржуазией шах продолжал сохранять господствующие позиции в политической жизни Ирана и возможность самого активного вмешательства в управление страной, в то же время проамериканская ориентация шаха обеспечивала присутствие в Иране США, что позволило им вмешиваться во внутренние дела Ирана и даже во многих случаях диктовать и направлять политику иранского правительства.

Одна из основных целей работы—показать диалектику в политике правительства национальной буржуазии Ирана, постепенные сдвиги, происшедшие в ней в процессе развития, без учета которых невозможно познать ее реальную сущность.

Важной задачей работы является также рассмотрение внутренней политики Мосаддыка в историческом контексте, выявление ее тесной зависимости от сложных взаимоотношений Ирана с Англией и США, а также от межимпериалистических противоречий.

Буржуазная историография в ложном свете представляет обстоятельства гибели правительства национальной буржуазии. Вследствие этого одной из задач работы становится выявление подлинных причин падения правительства.

Внутренняя политика правительства национальной буржуазии Ирана рассматривается на методологической основе трудов классиков марксизма-ленинизма, программных документов КПСС и Народной партии Ирана. Важное значение для нас имели положения В. И. Ленина о сущности национальной буржуазии, изложенные, в частности, в труде «Развитие капитализма в России»², данная им характеристика национальной буржуазии, ее особенностей, ее места и роли в национально-освободительном движении.

Основным источником при изучении различных аспектов внутренней политики Мосаддыка явились программы и тексты законов его правительства, опубликованные документальные материалы иранского меджлиса, сборники документов и статистических материалов,

доклады, речи, выступления и интервью самого Мосаддыка и членов его кабинета.

Важным источником для освещения ряда сложных теоретических вопросов служат исследования лидеров Народной партии Ирана, отдельные издания НПИ³, материалы, опубликованные в органе ЦК НПИ журнале «Донья». Особенно примечательно в этом плане исследование Роушана «Национальная буржуазия колониальных, полуколониальных и отсталых стран»⁴, в котором содержится материал, необходимый для определения состава национальной буржуазии этих стран и, в частности, Ирана, для разграничения ее различных группировок, выяснения взглядов и целей каждой из них и т. д. В этой связи чрезвычайно полезными были также материалы дискуссии о роли национальной буржуазии в национально-освободительном движении стран Азии, Африки и Латинской Америки, проведенной в 1959 г. в Институте всеобщей истории Лейпцигского университета⁵.

В советской историографии разработан ряд важных проблем национально-освободительного движения иранского народа в период и после второй мировой войны и, в частности, этапа всенародной борьбы за национализацию иранской нефти, освещены политика Англии и США в Иране и межимпериалистические противоречия, развитие и основные тенденции внешнеполитического курса правительства национальной буржуазии Ирана и т. д.

В исследованиях М. С. Иванова⁶ и С. М. Алиева⁷ представлена общая характеристика периода правления национальной буржуазии Ирана, выявлены основная направленность и важные аспекты политического курса правительства Мосаддыка, дана правильная оценка его деятельности. Внутренняя политика правительства национальной буржуазии в общих чертах рассматривается также в работах С. Л. Агаева⁸, Е. А. Орлова⁹ и др.

Рядом советских исследователей освещаются отдельные вопросы внутренней политики правительства национальной буржуазии. Более подробно изучена экономическая политика правительства. Непосредственно

анализу экономической деятельности Мосаддыка посвящена кандидатская диссертация А. Г. Самеди¹⁰, отдельные части кандидатских диссертаций Д. Кандымова¹¹ и Д. К. Белошапкина¹².

В трудах советских авторов подробному анализу подвергается аграрное законодательство Мосаддыка¹³, являющееся основной частью его экономической политики и наиболее четко отражающее сущность экономических принципов иранской национальной буржуазии вообще.

В советской исторнографии рассматриваются также проблемы, связанные с рабочим движением в Иране в период правления национальной буржуазии, раскрываются социально-экономические и политические факторы, обусловившие его возникновение и развитие¹⁴.

Безусловный интерес представляет исследование Р. А. Сеидова¹⁵, посвященное анализу важной проблемы зарождения и формирования иранской буржуазии как класса. В работе дана объективная характеристика социально-экономического положения и особенностей иранской буржуазии, определяющих основные внутриполитические концепции разных ее частей.

При рассмотрении сложных проблем периода правления национальной буржуазии весьма полезными оказались монографии, статьи и коллективные исследования А. З. Арабаджяна, С. М. Алиева, А. И. Аванесяна, С. Л. Агаева, М. М. Бади, А. В. Башкирова, Е. А. Дорошенко, Г. М. Еганяна, М. С. Иванова, И. М. Коробейникова, А. К. Лаврентьева, М. Нишанова, Р. А. Сеидова и др.

В иранской исторнографии, относящейся к различным аспектам изучаемой темы, преобладают работы авторов, приверженцев шахского режима, в которых излагаемые проблемы и события освещаются преимущественно с реакционных позиций, умышленно искажается и открыто фальсифицируется историческая действительность¹⁶.

Авторами этих работ в основном заимствованы тенденциозные концепции шаха, изложенные в его книге «دستاوریت برای وطنم»¹⁷, выступлениях и интервью.

Характерной особенностью многих работ иранских авторов является апологетичность, отсутствие объек-

тивного, научного критерия при анализе излагаемых событий. Увлеченные стремлением превозносить и восхвалять деятельность шаха и выставлять его «заслуги» перед иранским народом в наиболее выгодном свете, эти авторы считают целесообразным рассматривать «мудрую» политику шаха в сопоставлении с «безрассудной» политикой Мосаддыка, утрируя при этом негативные стороны его политики, а зачастую и фальсифицируя, с определенной целью, ее сущность.

В угоду принципам прозападного «позитивного национализма» шаха в иранской буржуазной историографии развивается и утверждается концепция, направленная против применения Ираном принципа нейтрализма и, в частности, против курса «нейтрального равновесия» Мосаддыка, против антиимпериалистического аспекта его политики, ярким выражением которого явилось осуществление национализации нефтяной промышленности. Иранский автор Ф. Сахедджам, к примеру, пишет: «Только Запад мог бы спасти Иран, о чем шах всегда говорил... В свете недавнего прошлого (имеется в виду период правления Мосаддыка.—А. С.) великая мечта иранского нейтрализма представляется утопией: в силу своего географического расположения, своей истории и своего происхождения, столь отличающих эту нацию от многих ее соседей, Иран не мог и не должен был оставаться нейтральным»¹⁸.

Именно этой концепцией во многом и обусловлена другая отличительная черта иранской историографии—подчеркнутый проамериканизм, стремление отрицать империалистическую сущность внешней политики США и преследование ими определенных политических и экономических целей в Иране в период и после национализации нефти.

Мохаммед Реза Пехлеви в своей упомянутой книге не в состоянии скрыть личных симпатий к Соединенным Штатам и не жалеет красок, изображая США сердобольным другом Ирана, искренне обеспокоенным положением дел в Иране и заинтересованным в его политической стабильности и экономическом развитии.

Нетрудно догадаться, что подобное восхваление политики США в Иране, почти дословно повторяющееся в работах многих иранских буржуазных авторов,

имеет определенные цели. Оно, в частности, направлено на то, чтобы отрицать какую-либо причастность США к кризисной ситуации, сложившейся в Иране после принятия закона о национализации нефтяной промышленности, и возложить всю вину на «негативную и упрямую»¹⁹ политику Мосаддыка в вопросе «решения» нефтяной проблемы. Подобная манипуляция облегчается наличием таких правдоподобных аргументов, как, скажем, безосновательность убежденности Мосаддыка в легком сбыте национализированной нефти, или же тем, что принципы национализации нефтяной промышленности были разработаны поспешно, без учета политических и экономических обстоятельств²⁰.

Оригинально трактует политику США в Иране Ф. Рухани. Соглашаясь с тем, что США при всей своей «готовности защищать слабые нации»²¹ не помогли Ирану в разрешении нефтяной проблемы (не обмолвись, однако, о том, что они, напротив, мешали Ирану), Рухани тем не менее пытается найти мотивы, оправдывающие подобную позицию США. «Общность этнических, языковых, культурных признаков и политических и экономических интересов,—пишет он,—принудила Америку выступить на стороне Англии»²².

Рухани находит это обстоятельство совершенно естественным, закономерным и, следовательно, оправданным. Он считает вполне логичной и понятной и другую вескую причину подобной политики США в отношении Ирана, а именно: нежелание США противопоставить себя мощным нефтяным картелям, настроенным крайне негативно к акту национализации иранской нефти.

Признавая в какой-то мере, что именно эта позиция Соединенных Штатов сыграла впоследствии существенную роль в гибели правительства национальной буржуазии, Рухани, тем не менее, не расценивает этот факт как недопустимое вмешательство во внутренние дела Ирана, как образец подлинной империалистической политики.

Руководствуясь все той же тенденцией преднамеренно скрыть империалистическую сущность политики США, а также стремясь завуалировать ее истинные цели в Иране, Рухани изображает бескорыстными и иск-

ренными друзьями Ирана отдельных политических деятелей Соединенных Штатов, в частности, посла США в Иране Генри Грейди²³, тогда как в действительности вся деятельность последнего в Иране была непосредственно направлена на осуществление американской политики, цели которой были более чем очевидны.

Как бы то ни было, здесь уже не слышно тех тривиальных утверждений и заверений в том, что в споре, возникшем между Ираном и Англией по поводу национализации нефтяной промышленности, Соединенные Штаты были совершенно беспристрастным, скромным посредником, заинтересованным лишь в объективном его разрешении. Таким образом, Рухани фактически отказывается от той, опять же довольно распространенной в буржуазной историографии версии, согласно которой в разрешении нефтяной проблемы Соединенные Штаты якобы не имели своих собственных интересов и выгод, и Англия сумела подчинить их своему влиянию и настроить против правительства национальной буржуазии.

Интересна трактовка Рухани неудачи нефтяной политики правительства. Не отказываясь от принятого в буржуазной историографии мнения о «порочной» политике Мосаддыка, Рухани, тем не менее, смягчает ситуацию, выдвигая основной причиной нефтяного фиаско не сам факт претворения в жизнь закона о национализации нефтяной промышленности, а невозможность осуществления желаний Мосаддыка, в частности эфемерность его надежд на то, что США в нефтяном конфликте выступят в защиту интересов Ирана²⁴.

Иранские буржуазные авторы не упускают случая осудить внутреннюю политику правительства Мосаддыка, исказить истинный характер его взаимоотношений с общественно-политическими силами страны. Они обвиняют Мосаддыка в том, что его политика якобы стала причиной возникновения в Иране беспрецедентного социального и экономического хаоса и довела страну до катастрофы. Они придерживаются того мнения, что своей политикой Мосаддык фактически поощрял иностранную активность в Иране, создавал благоприятные условия для распространения иностранного

влияния, поставив тем самым под угрозу независимость страны.

Откровенную цель дискредитировать правительство национальной буржуазии и принизить его деятельность преследует и А. Малек в своей книге «Краткая история Национального фронта». Преднамеренно преувеличивая и акцентируя недостатки в деятельности Мосаддыка, Малек высказывает убежденность, что выдвижение на пост премьер-министра кандидатуры Мосаддыка было со стороны Национального фронта роковой и непростительной ошибкой, поскольку, как показало ближайшее будущее, «лицемерный демагог и карьерист»²⁵ Мосаддык за все время своего правления не только «не предпринял никаких шагов для обеспечения покоя и благосостояния иранского народа»²⁶, но своей политикой еще более ухудшил состояние страны.

Рассматривая, в частности, взаимоотношения Мосаддыка с другими лидерами НФ, Малек преподносит существование разногласий между ними и отход некоторых из них от Мосаддыка в основном как следствие его порочной, бездумной и диктаторской политики. Малек обвиняет Мосаддыка также в подстрекательстве раздоров и трений между членами НФ²⁷.

Многие из иранских авторов пытаются скрыть главные причины падения правительства национальной буржуазии и намеренно подменяют их второстепенными или же явно сфабрикованными обстоятельствами. Цель этих авторов одна: всячески замаскировать решающую роль шаха и иностранных империалистов в свержении правительства национальной буржуазии.

В одной из упорно повторяющихся концепций крупнейшей ошибкой Мосаддыка и одновременно основной причиной падения его правительства признается осуществление им закона о национализации нефтяной промышленности, с его «негативными», «погубными» для страны последствиями. Не менее распространенной является также точка зрения, согласно которой крах правительства Мосаддыка приписывается его неправильному внешнему и внутреннему политическому курсу.

Крайней тенденциозностью и субъективностью отличаются мемуары иранских реакционных деятелей—

генерала Х. Арфа²⁸ и Х. Арсанджани²⁹. Имея сугубо описательный характер, при полном отсутствии сколько-нибудь серьезного анализа событий, эти книги от начала до конца пропитаны враждебностью к Мосаддыку и к его деятельности. Будучи очевидцами, в какой-то мере даже участниками описываемых событий, а потому и претендуя на их объективное воспроизведение, авторы этих книг на самом деле грубо фальсифицируют историческую истину.

Для американских и английских авторов, которые в той или иной мере касаются периода правления Мосаддыка, характерна тенденциозная трактовка ситуации в Иране, а также проблем внешней и внутренней политики правительства³⁰.

Придерживаясь официального курса дипломатии и политики своего правительства, американские авторы прежде всего стараются противопоставить политику США в отношении Ирана политике Англии, изобразить США бескорыстным другом и покровителем Ирана. Обращаясь, в частности, к посредничеству США в нефтяном конфликте между Ираном и Англией, они в один голос категорически отрицают какую-либо заинтересованность США в этом вопросе³¹.

Для того, чтобы скрыть истинные намерения чрезвычайно активной деятельности Соединенных Штатов в Иране, американские авторы неоднократно обращаются к избитому тезису о «возрастающей коммунистической угрозе», выдуманному самими же империалистами, и неприкрытое вмешательство США во внутренние дела Ирана пытаются представить лишь как осуществление «благородной миссии» спасения Ирана от «коммунистической угрозы».

Американской историографии свойственно и приписывание альтруизма традиционной американской политике «помощи», которая в действительности проводилась с целью обеспечения экономического и политического присутствия США в ряде «нуждающихся» стран, в том числе и в Иране.

Американские авторы, как правило, либо полностью пренебрегают деятельностью Мосаддыка в экономической и административной сферах, либо, в лучшем случае, расценивают ее как комплекс порочных мероприя-

тий, еще больше усугубивших кризисное состояние страны. К примеру, провозглашенный Мосаддыком принцип временной «экономики без нефти», ставший на определенном этапе основой его внутривнутриполитической деятельности, характеризуется ими как крайне нерезонная идея, как «доктрина иррационального фанатика»³².

Прикрывая основные мотивы постоянной антиправительственной деятельности ряда депутатов меджлиса прошахской и проамериканской ориентации, американская буржуазная историография рассматривает ее преимущественно как реакцию на незаконные и противоречащие конституции действия правительства.

В исследованиях американских авторов камуфлируется отношение Мосаддыка к шаху. Оно в большинстве случаев трактуется как политика, конечной целью которой было якобы установление в стране республики.

Касаясь взаимоотношений Мосаддыка и НПИ, эти авторы обвиняют Мосаддыка в его крайне лояльном отношении к Народной партии и в создании в стране благоприятных условий для ее деятельности, что и стало, по их мнению, причиной возникновения упомянутой «коммунистической угрозы».

Стремясь приккрыть деятельное участие и решающую роль Соединенных Штатов в организации и осуществлении государственного переворота в Иране, они без устали измышляют различные версии, объясняющие причины падения правительства национальной буржуазии: в одном случае, что Мосаддыка довела до катастрофы его неразумная внутренняя политика³³, в другом—что Мосаддык стал жертвой «отсутствия конструктивных целей в рамках негативного национализма»³⁴. А чаще всего подчеркивается факт ухудшения в последний период правления взаимоотношений Мосаддыка с шахом, с целью подтвердить, что отстранение Мосаддыка от власти было осуществлено лишь силами внутренней реакции.

В американской историографии часто в качестве компаньона местной оппозиции выдвигается английский империализм, чтобы доказать, что августовский государственный переворот в Иране был осуществлен их

совместными усилиями, и вновь исключить какую-либо причастность США к этому акту.

Английская буржуазная историография, проявляя наибольший интерес к процессу англо-иранского нефтяного спора и к сопутствующим ему проблемам (трактуемым ею весьма субъективно), редко обращалась к другим аспектам политики правительства Мосаддыка.

Отрицая грабительскую деятельность Англо-иранской нефтяной компании в Иране и представляя ее лишь как торговое, выгодное для экономики Ирана и, одновременно, выполняющее благотворительную миссию предприятие, английские авторы в большинстве случаев пытаются создать впечатление, будто от ликвидации АИНК пострадали интересы самого же Ирана. Для подтверждения правдивости этой точки зрения они по любому поводу напоминают и перечисляют те известные обстоятельства и факторы, которые, по их мнению, в данных условиях делали нецелесообразным и даже неосуществимым претворение в жизнь закона о национализации нефтяной промышленности. Р. Гре-хем, к примеру, пишет: «... Иранский опыт (национализации нефти—А. С.) был совершенно преждевременным и неудачным. Решение национализировать АИНК в мае 1951 г. не было тщательно запланированным действием. Вернее, это было неизбежным следствием влияния премьер-министра Мохаммеда Мосаддыка...»³⁵.

Имея целью полностью отрицать факт вмешательства английских империалистов во внутренние дела Ирана, английские авторы крах правительства национальной буржуазии также преимущественно стараются объяснить политическим бессилием Мосаддыка, его абсолютной некомпетентностью в тонкостях экономических вопросов и ошибками, допущенными им в разных сферах деятельности.

Преподаватель Кембриджского университета П. Эйври в исследовании «Современный Иран», где обсуждению важных проблем, связанных с периодом правления национальной буржуазии, посвящена отдельная глава, выражает мнение, что гибель правительства национальной буржуазии была следствием лишь неправильной внешней и внутренней политики Мосаддыка и

создавшейся в стране в результате этого атмосферы всеобщего недовольства и недоброжелательства³⁶.

Стремясь смягчить явную антииранскую политику Англии и основным врагом Ирана выставить США, английские авторы иногда невольно разоблачают подлинную сущность и цели американской дипломатии и политики в Иране и, в частности, роль ЦРУ в свержении правительства Мосаддыка.

В работах ряда буржуазных авторов содержится богатый фактический материал, который, безусловно, способствует освещению сложной и противоречивой обстановки, сложившейся в Иране в период правления Мосаддыка, а также разных аспектов его политики.

* * *

При изучении проблем внутренней политики правительства Мосаддыка особенно полезными оказались материалы иранской демократической прессы, в частности органа НПИ—газеты «Бесу-йе аянде» и органа Общества борьбы с империализмом—газеты «Шах-баз».

Нами широко использованы также материалы официоза «Рузнаме-йе расми-йе кешвар-е шахеншахи-йе Иран» и органа Национального фронта газеты «Бахтар-е эмуруз», отражающих точку зрения правительства национальной буржуазии по проблемам внутренней и внешней политики и его практическую деятельность.

Иранская буржуазная печать, в частности газеты «Этталаат», «Кейхан», «Дад», «Сетаре» и др., представляет возможность выявить политические и экономические принципы господствующих кругов Ирана, различных партий и группировок, а также их позиции по отношению к правительству национальной буржуазии.

В работе привлечены также материалы как советской, так и американской и английской прессы.

ГЛАВА 1

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИРАНА В КАНУН ПРИХОДА НАЦИОНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ К ВЛАСТИ

После второй мировой войны экономическая и политическая экспансия Англии и США в странах Ближнего и Среднего Востока, и в частности в Иране, максимально усилилась. Две мощные империалистические державы стремились обеспечить свое присутствие в Иране, превратить эту страну в рынок сбыта своих товаров, в объект капиталовложений и источник дешевого сырья, использовать ее территорию в качестве плацдарма против СССР, а также предотвратить усиление и распространение возникшего в стране национально-освободительного движения.

Послевоенный период характеризуется трансформацией позиций Англии и США на Ближнем и Среднем Востоке. В силу ряда факторов Англия была вынуждена ограничить свое почти беспрепятственное господство во многих странах этого региона и уступить приоритет Соединенным Штатам. Вследствие национально-освободительного движения, развернувшегося в колониальных странах, Англия лишилась некоторых своих колоний, потеряла около 1/3 своих иностранных капиталовложений¹, что очень тяжело отразилось на ее экономическом положении. Для частичного восстановления своей расстроенной экономики Англия была вынуждена обратиться за помощью к США².

В сложившейся международной ситуации исключительную важность для Англии приобретало сохранение и дальнейшее усиление своего влияния в экономической и политической жизни Ирана.

В послевоенные годы английское правительство посредством Англо-иранской нефтяной компании (АИНК) продолжало грабить основное богатство страны и получать колоссальные сверхприбыли. В течение 50 лет своей деятельности АИНК вывезла из Ирана более 300 млн. т нефти³, выручив от ее продажи 800 млн. фунтов стерлингов⁴, в то время как правительству Ирана была уплачена ничтожная часть прибыли—лишь 50 млн. фунтов стерлингов⁵.

Нефтяные ресурсы Ирана фактически перешли в распоряжение Англии с 1901 г., когда промышленник Д'Арси получил концессию на эксплуатацию иранской нефти сроком на 60 лет (до 28 мая 1961 г.)⁶.

Концессия сохраняла за Д'Арси право предпринимать любые действия, связанные с добычей, транспортировкой и обработкой нефти на всей территории страны, за исключением пяти северных провинций—Азербайджана, Гиляна, Мазандарана, Астрабада и Хорасана⁷. Территория, включенная в концессию, охватывала 1 235 тыс. кв. км площади⁸.

На основе концессии Д'Арси в 1909 г. была организована Англо-персидская⁹, впоследствии Англо-иранская нефтяная компания, которая первоначально имела лишь 2 млн. фунтов стерлингов капитала¹⁰. Нещадно эксплуатируя богатые нефтяные ресурсы страны, компания систематически увеличивала добычу нефти и доходы от ее продажи. К 1932 г. АИНК получила от иранской нефти 171 млн. фунтов стерлингов прибыли, тогда как доля Ирана составила лишь 11 млн. фунтов стерлингов¹¹.

27 ноября 1932 г. правительство Ирана аннулировало концессию 1901 г.¹² Однако Англия не была намерена отказаться от столь прибыльной иранской нефти. Длительные переговоры, в течение которых Англия не переставала оказывать различного рода давления на иранское правительство, завершились подписанием 28 апреля 1933 г. между АИНК и правительством Ирана нового, крайне невыгодного для Ирана договора¹³. Срок концессии продлевался еще на 32 года (1961—1993 гг.). Согласно 4-й статье договора, компании безвозмездно предоставлялись «принадлежавшие правительству все те необрабатываемые земли, которые ком-

пания сочтет необходимыми для своих действий в Иране...»¹⁴. Компания получала право строить на этой территории железные дороги, телеграфные и телефонные линии (статья 5). По 6-й статье компании предоставлялась льгота на беспошлинный вывоз иранской нефти и ввоз в Иран разных товаров. Согласно договору, иранское правительство получало с каждой тонны нефти 4 шиллинга. Концессионные платежи Ирану определялись в размере 20% прибыли компании (статья 10).

Договор, в принципе, полностью сохранял зависимость Ирана от компании, в то время как АИНК предоставлялись неограниченные права и привилегии, открывшие перед ней просторную арену деятельности и широкие перспективы для дальнейшего ограбления страны.

Вскоре договор был ратифицирован меджлисом 9-го созыва¹⁵.

Англо-иранская нефтяная компания создала на концессионной территории фактически свое отдельное государство. Она имела в своем распоряжении крупные нефтеперерабатывающие заводы, нефтепроводы, нефтеналивные суда, железные дороги и шоссе, жилые дома, школы, собственную полицию.

Компания оказывала большое и решающее влияние на политику местных властей. Экономическая и политическая жизнь южных районов Ирана находилась под строгим контролем компании. В Хузистане, к примеру, все высокие посты назначались лишь с согласия, а часто и по указанию главного представителя АИНК¹⁶. Компании удалось распространить свое влияние на традиционно оппозиционному центральному правительству вождей южных племен. При их содействии АИНК неоднократно оказывала давление на центральное правительство, угрожая нарушить территориальную целостность Ирана отделением южных районов и созданием «Федерации Южного Ирана»¹⁷.

Положение рабочих, занятых на предприятиях компании, было невыносимо тяжелым. Они подвергались жесточайшей эксплуатации со стороны руководства АИНК, были лишены элементарных трудовых прав и бытовых условий. «... Политика руководителей компа-

нии в отношении своих работников заключалась в том,—пишет М. Фатех,—чтобы пользоваться их услугами по самой низкой цене и расходовать минимальные средства на их благосостояние»¹⁸.

Действительно, рабочая сила, используемая на предприятиях компании, была очень дешевой. Абаданский нефтяник, к примеру, за один рабочий день получал 12—20 риалов¹⁹, а зачастую и того меньше. По заявлению депутата Мовагара, из 35 тыс. рабочих нефтяных промыслов Абадана жильем были обеспечены только 5 тыс.²⁰. Остальные ютились в самодельных жалких лачугах и палатках. По свидетельству комиссии, изучающей жизненные условия рабочих на предприятиях АИНК, положение было не лучше и в других местах²¹. В своих впечатлениях, переданных корреспонденту газеты «Эттелаат» в Ахвазе, представитель комиссии сообщал, что большая часть рабочих семей, обитающих вдали от городов, в пустынных местностях, лишена также свежей воды и освещения²². На низком уровне находилось и медицинское обслуживание рабочих. Согласно данным Х. Пирния, на 68 254 постоянные рабочие компании приходилось всего 450 больничных коек²³.

Иранцы, составлявшие большую часть рабочих предприятий компании (ср. иностранцы: 1950 г. — 7,3 %) ²⁴, подвергались жестокой дискриминации со стороны руководства АИНК. Руководящие должности в АИНК занимали, как правило, английские специалисты²⁵. Иранцы, в основном, являлись чернорабочими²⁶. Причем, зарплата рабочего-иностранца почти в два раза превышала зарплату рабочего-иранца той же квалификации²⁷.

Деятельность АИНК особенно активизировалась во время второй мировой войны и в послевоенные годы, когда потребность капиталистических стран в нефти резко увеличилась в связи с их переходом к политике интенсивной милитаризации. В результате добыча нефти в Иране с 6,6 млн. т в 1941 г. возросла к 1945 г. до 16,84 млн. т, а к 1950 г.—до 31,75 млн. т²⁸. Только в Хафт Геле добыча нефти с 1946 по 1950 гг. увеличилась на 11,5 млн. т (в 1946 г. было добыто 4 млн. т, а в 1950 г.—15,5 млн. т)²⁹. Значительный прогресс наблюдался также в Абадане, Масджед-е Сулеймане, Ла-

ли, Ага Джари и в других нефтяных центрах компании³⁰. От продажи вывезенной только в течение пяти послевоенных лет (1945—1950 гг.) нефти АИНК получила 313,1 млн. фунтов стерлингов прибыли³¹.

Иранская нефть играла большую роль в торговом балансе Англии. В 1948 г. она составила 63,3% всей нефти³², вывезенной в Англию со Среднего Востока, а в 1950 г. ее доля во всем нефтяном импорте Англии достигла 24,88%³³. Иранская нефть была для Англии чрезвычайно прибыльной, в первую очередь благодаря ее относительно низкой экспортной стоимости.

Опасаясь размаха национально-освободительного движения иранского народа в послевоенные годы, а также возрастающего соперничества США, английские империалисты в 1949 г. предприняли очередную попытку упрочить свое влияние в Иране. 17 июля между АИНК и иранским правительством был подписан договор, известный под названием Дополнительного соглашения, или Соглашения Гесс-Гольшайна³⁴, который оставлял позиции АИНК в Иране по существу неизменными.

Однако на этот раз планы Англии потерпели фиаско. Меджлис 15-го созыва отказался утвердить договор³⁵, и дальнейшее обсуждение его было перенесено в меджлис 16-го созыва. Чтобы обеспечить ратификацию договора, был поставлен у власти, при непосредственном содействии компании, генерал Размара³⁶, которого вскоре убили именно из-за его позиции к вопросу о нефти. Возмущение, вызванное новым договором почти во всех слоях общественности Ирана, оказалось настолько сильным, что правящие круги страны не могли не по считаться с требованием его немедленной отмены. В 1950 г. в 16-м созыве меджлиса была создана комиссия в составе восьми человек, возглавляемая лидером организации Национальный фронт Мохаммедом Мосаддыком, которой было поручено рассмотреть Дополнительное соглашение по существу. В декабре комиссия представила свое заключение: договор не обеспечивает прав Ирана³⁷, следовательно, совершенно неприемлем.

Таким образом, договор не был ратифицирован и меджлисом 16-го созыва.

В послевоенный период при сложившейся международной обстановке и при новом соотношении сил одним из основных направлений политики США стало стремление к максимальному укреплению и расширению своих позиций в странах Ближнего и Среднего Востока, что полностью соответствовало общей тенденции послевоенного внешнеполитического курса США. Изменение традиционных интересов США в странах этого региона и превращение этих стран в объект беспрецедентной политической активности США были вызваны не только их удобным географическим положением и способствующими осуществлению империалистических планов США определенными социально-экономическими условиями, но и огромной стратегической ролью их нефти во время войны.

Для проникновения в эти страны и обеспечения своего экономического и политического присутствия Соединенные Штаты разработали различные программы и мероприятия. В марте 1947 г. была провозглашена «доктрина Трумэна»³⁸, специально направленная якобы на сохранение независимости и неприкосновенности Греции и Турции. Подлинной же ее целью было утверждение полного контроля США над этими странами путем предоставления экономической и военной помощи, а также использование их в антисоветских планах Соединенных Штатов. Именно с этой точки зрения Иран был весьма подходящим объектом для применения «доктрины». В ознаменование своей новой политики в январе 1948 г. США предоставили Ирану кредит в 26 млн. долларов—для приобретения американского оружия и транспортировки его в Иран³⁹. Еще в октябре 1947 г. между США и Ираном было подписано соглашение⁴⁰, предусматривающее отправку в Иран военной миссии США. Судя по его содержанию, действительной целью миссии явилось не «повышение эффективности иранской армии»⁴¹, как было сформулировано в соглашении, а полное подчинение ее контролю миссии. Ирану запрещалось в период действия соглашения приглашать военных советников из других стран без договоренности между правительствами США и Ирана

(статья 24). Каждый из членов американской миссии получал право исключительного превосходства над иранскими офицерами того же ранга и неограниченные привилегии (статья 10).

США навязали Ирану также «помощь» по программе «4-го пункта Трумэна»⁴², широко пропагандируемой апологетами американской империалистической политики в качестве лучшего способа спасения Ирана и других нуждающихся стран от бедности и истинного проявления американской добрососедской традиции.

В речи, произнесенной в связи с избранием на пост президента, Трумэн, объясняя сущность «4-го пункта», сказал: «Мы должны приступить к новой, смелой программе по использованию наших научных достижений и промышленного прогресса с целью содействовать развитию отстающих районов... Мы должны помочь им осуществить свои стремления к лучшей жизни»⁴³.

19 октября 1950 г. правительство Соединенных Штатов из бюджета «4-го пункта» выделило Ирану 500 тыс. долларов⁴⁴.

М. Фатех, касаясь послевоенной политики США в Иране, представляет положение дел таким образом, будто, уступив убедительным просьбам иранцев, Соединенные Штаты протянули им «руку помощи»,—так же, как после окончания войны «великодушно» «...оказали большую помощь... даже воевавшим против них Германии, Японии, Италии»⁴⁵.

Известно, что такую «руку помощи» США протянули и своему главному конкуренту—Англии, одолжив ей крупную сумму, якобы для восстановления пострадавшей в результате войны экономики. Однако известно также, что подобная демонстрация «гуманности» вовсе не исходила из благотворительных намерений США, а имела целью поставить в экономическую и политическую зависимость и тем самым подчинить себе Англию и другие страны, что и Соединенным Штатам в некоторых случаях действительно удалось осуществить.

Характерным выражением принципов политики США в отношении Ирана является так называемый Семилетний план развития Ирана⁴⁶, составленный американской компанией «Морисон Надсен Интернейшнл»

в 1947 г., и ратифицированный иранским меджлисом 15 февраля 1949 г. На осуществление плана отводился 21 млрд. риалов⁴⁷. 25% ассигнований (5,25 млрд. риалов) предусматривалось на развитие сельского хозяйства, 23% (5 млрд. риалов)—на строительство военно-стратегических объектов—железных дорог, шоссе, портов, аэропортов и т. д., и при этом лишь 14,3 % (3 млрд. риалов)—на промышленность⁴⁸. План должен был финансироваться за счет прибылей, получаемых от АИНК и американских займов⁴⁹.

Очевидно, что этот план, который со стороны его инициаторов преподносился как начинание, призванное обеспечить экономическое развитие Ирана и гарантирующее его благополучие⁵⁰, на самом деле был рассчитан на сохранение в Иране и в будущем условий, столь благоприятствующих проведению империалистической политики США. При таком положении вещей по меньшей мере насмешкой звучат следующие строки из статьи председателя правления «Оверсис Консалтантс» Дж. Лотза «...Явная концепция плана и решимость правительства его осуществить указывают на то, что правительство осознает международные условия и нужды страны, желающей сохранить свою независимость и поднять жизненный уровень своего народа. План является смелым и конструктивным шагом для достижения этой цели»⁵¹.

В послевоенные годы США заняли доминирующие позиции также в торговле Ирана. Уже в 1949—50 гг. доля США в импорте Ирана составляла 42,1%, тогда как Англии—лишь 24,4%⁵².

В торговле с США неэквивалентность экспорта и импорта принимала для Ирана катастрофические размеры. Так, например, в 1950 г. Иран импортировал из США товаров на сумму 43 млн. долларов, между тем как экспортировал в США лишь на 12 млн. долларов⁵³ (дефицит—31 млн. долларов).

* * *

Послевоенная политика Англии и США в Иране, а также прозападный, антинародный политический курс иранских правительств крайне негативно отразились на

его социально-экономическом положении и на жизненном уровне народных масс.

Пришла в упадок и без того слабо развитая промышленность. Местные фабрики и заводы, продукция которых не могла конкурировать с товарами, ввозимыми из США и Англии, закрывались или сокращали свое производство, лишая работы тысячи рабочих и специалистов. В 1950 г. общее число безработных в Иране достигало 500 тыс.⁵⁴

Депрессивное состояние отечественной промышленности и вытекающие отсюда прямые последствия породили тревогу и беспокойство почти во всех слоях иранской общественности. Широкие народные массы и газеты разных направлений выступали с осуждением политики иностранных империалистов и местных продажных властей.

«Несколько дней тому назад «Эттелаат» сообщала,—писал редактору газеты один из читателей,—что в течение одного месяца в эту страну вошли тридцать пять кораблей, груженных пшеницей, сахаром и другими товарами... Это известие потрясло, поразило и встревожило патриотов... Зачем нам такое колоссальное количество товаров? Не заплатили ли мы за это еще чем-то, кроме фунта и доллара?»⁵⁵

«Эттелаат» от 24 января 1950 г. в своей редакционной статье писала: «...Трудно найти какую-либо другую страну, которая с такой готовностью распахнула бы свои двери перед иностранными товарами, как Иран, не уделяя при этом ни малейшего внимания развитию собственной промышленности... Несмотря на жалобы промышленников на то, что из-за конкуренции с иностранными товарами продукция местных предприятий скапливается, замирает торговля, и если ситуация не изменится, то закроются заводы—лишив большое число рабочих работы... положение по-прежнему остается неизменным и безразличие к этому вопросу продолжается...»⁵⁶

О тяжелом состоянии экономики Ирана свидетельствует и тот факт, что в течение лишь первых трех месяцев 1950 г. в Иране было зарегистрировано 35 крупных банкротств⁵⁷.

В послевоенные годы кризиса не избежало также сельское хозяйство. Расстроенная местная промышленность сократила свои потребности в сельскохозяйственном сырье и огромные земельные площади оставались необработанными.

Значительно снизилась урожайность важнейших сельскохозяйственных культур—зерновых, хлопка, риса, сахарной свеклы⁵⁸. Нехватка продуктов создала благоприятную почву для распространения и процветания спекуляции. «Поскольку перевоз зерна из города в деревню запрещен,—писала «Эттелаат»,—группы людей контрабандным путем переправляют зерно в деревню и там продают его по повышенным ценам. Бедный земледelec же, жизнь которого находится в опасности, вынужден любой ценой покупать контрабандную пшеницу... Он продает свое жалкое имущество, орудия труда и земледелия и, приобретя горстку зерна ради утоления голода, пополняет карманы кучки спекулянтов-контрабандистов»⁵⁹.

Огромные массы голодных крестьян из всех районов страны покидали свои деревни и в поисках работы переезжали в большие города.

Вследствие деградации национальной промышленности и сокращения выпуска местной продукции экспорт Ирана в послевоенные годы сильно уменьшился, что сопровождалось, с свою очередь, неминуемым увеличением пассива во внешнеторговом балансе страны⁶⁰. Растущая инфляция повлекла за собой резкое повышение цен на продукты питания и на товары широкого потребления. Снижился жизненный уровень населения⁶¹.

В 1950 г. дефицит государственного бюджета Ирана достиг 1 млрд., а в 1951 г.—1,2 млрд. риалов⁶².

* * *

В конце 40-х годов общенародное движение в Иране, зародившееся еще в годы войны, получило мощный размах, приобрело ярко выраженный антиимпериалистический характер и направилось, в основном, против

Англо-иранской нефтяной компании и английского империализма.

На этом этапе демократической, антиимпериалистической борьбы решительным и самоотверженным бойцом выступил рабочий класс Ирана⁶³. Сохранившиеся в экономике страны в результате реакционной политики правящих кругов и иностранных империалистов феодальные и полуфеодальные отношения и деградация местной промышленности имели тяжелые последствия, в первую очередь, для рабочего класса.

На всех промышленных предприятиях страны по-прежнему отсутствовали нормальные условия производства, охрана труда и техника безопасности. Плата иранского рабочего за 13—14-, а зачастую и 16-часовой напряженный труд была так ничтожна (в 1946 г., например, средняя ежедневная заработная плата не превышала 30 риалов)⁶⁴, что не могла удовлетворить даже минимальным потребностям рабочего и его семьи. Под давлением рабочего движения правительство Ирана вынуждено было принять в 1947 г. закон о минимуме заработной платы, согласно которому ежедневная зарплата рабочих в Хузистане устанавливалась в 40 риалов, а в других районах страны—не менее 34 риалов⁶⁵. Однако закон этот имел формальный характер. На подавляющем большинстве промышленных предприятий заработная плата рабочих продолжала уступать установленному минимуму. Рабочие исфаганской ковроткацкой фабрики, к примеру, в 1950 г. за 10—11-часовой труд получали 20 риалов в день, а несовершеннолетние—и того меньше⁶⁶. Реальная зарплата рабочих была еще более низкой в условиях непрерывной денежной инфляции и повышения цен на продукты питания и товары широкого потребления. Согласно официальной статистике, в 1950 г. в Тегеране килограмм хлеба стоил 6 риалов, сахара—21—25 риалов, баранины—28—40 риалов⁶⁷.

На притеснения со стороны местной реакции и иностранных империалистов рабочий класс Ирана отвечал упорной, непрекращающейся борьбой, массовым забастовочным движением, многолюдными демонстрациями и выступлениями. Организатором и руководителем антифеодальной, антиимпериалистической борьбы

иранского рабочего класса была Народная партия Ирана (НПИ)⁶⁸, созданная в период подъема народного движения в Иране—в 1941 г. Ее основные задачи заключались в следующем: осуществить демократические преобразования в политической жизни страны, стимулировать развитие национальной промышленности и торговли, раздать помещичьи земли крестьянам, ликвидировать Англо-иранскую нефтяную компанию и обеспечить независимость Ирана, установить дружественные отношения с СССР и с другими странами социалистического лагеря, добиться политических и правовых свобод для широких народных масс⁶⁹.

Деятельность НПИ, направленная на осуществление этих целей, обеспечила для нее большую популярность. Партия имела свои организации в разных городах страны, на предприятиях АИНК, проводила огромную работу по созданию крестьянских, молодежных и женских демократических организаций и вовлечению рабочих в профсоюзы. По непосредственной инициативе НПИ было организовано также Национальное общество борьбы против АИНК (в дальнейшем—Национальное общество борьбы против иностранных нефтяных компаний, а начиная с 1951 г.—Национальное общество борьбы против колониализма). В 1949 г. членами НПИ состояло 100 тыс. человек⁷⁰.

С целью подорвать авторитет НПИ среди народных масс и приостановить ее демократическую и антиимпериалистическую деятельность, правящие круги Ирана 4 февраля 1949 г. организовали провокационное покушение на шаха, объявив НПИ инициатором и организатором покушения⁷¹. Партия была объявлена вне закона, многие из ее деятелей были арестованы⁷². Был наложен запрет на издание прогрессивных газет⁷³. Партия, вынужденно ушедшая в подполье, лишилась возможности активной деятельности и в период подъема всенародного движения не смогла стать его руководителем.

Именно этот факт позволил некоторым иранским и западным буржуазным авторам умалить заслуги НПИ во всенародной борьбе против Англо-иранской нефтяной компании и английского империализма.

В послевоенные годы в Иране сохранялись феодальная структура аграрных отношений и жестокая эксплуатация крестьянских масс. Не менее 95% обрабатываемых земельных площадей страны принадлежало крупным помещикам, государству (земли халисе), религиозным институтам (вакуфные земли), шахскому двору и вождям кочевых племен. На долю крестьян приходилось лишь 5% земли⁷⁴. Помещики-землевладельцы, составлявшие лишь 1% землевладельцев страны, сконцентрировали в своих руках 56% земельных площадей⁷⁵.

Крупные землевладельцы всячески препятствовали развитию капиталистических отношений в деревне, так как ведение хозяйства отсталыми, примитивными методами позволяло им предельно эксплуатировать почти даровой труд крестьянина и получать огромные прибыли. «Единственным стремлением крупного землевладельца,—писала «Эттелаат»,—является обеспечение для себя спокойной и безмятежной жизни и сохранение своих прибылей... Какая ему забота, что крестьянин не имеет ни жилья, ни одежды, ни пищи»⁷⁶.

60% крестьянских семей в Иране были полностью безземельными⁷⁷ и арендовали землю у помещика на условиях издольщины⁷⁸ (для посева землевладелец предоставлял крестьянину не более 3 га земли)⁷⁹. Доход безземельных крестьян от земледелия был настолько мизерным, что для минимального удовлетворения своих нужд крестьянин вынужден был искать другие источники. Характеризуя положение иранского крестьянства в послевоенные годы, А. Ламбтон пишет: «...их наиболее стабильная проблема—нищета»⁸⁰.

Тяжким бременем ложились на крестьянина широко распространенные в разных провинциях страны (особенно в Хузистане, Азербайджане, Курдистане, Фарсе, Кермане) многочисленные подати и традиционные повинности. Землевладелец постоянно унижал арендатора-крестьянина, обращался с ним как ему заблагорассудится. «Землевладелец рассматривал крестьянина как раба, единственной функцией которого было обеспечение для него прибыли...»⁸¹,—пишет А. Ламбтон. В газете «Эттелаат» под рубрикой «Общественные мысли и мнения» один из читателей писал: «...В деревне Ход-

лан... я встретил крестьян, которые в один голос жаловались на притеснения, насилие и вымогательство землевладельцев. По их словам, один из землевладельцев... порол их плетью, запирали в хлеве... привязывал к хвостам ослов и коров»⁸².

Из-за отсутствия удовлетворительного медицинского обслуживания среди крестьян были широко распространены малярия, трахома, тиф⁸³. Особенно высока была детская смертность⁸⁴.

Крайняя нищета заставляла крестьян переселяться в города в надежде раздобыть средства для существования. «Эттелаат» от 17 января 1950 г. писала: «Около сорока-пятидесяти тысяч крестьян Азербайджана, преимущественно из областей Мараге, Ардебил и Арасбарана, покинув свои деревни и поля для того, чтобы найти работу, направляются в города. Пять-шесть тысяч из них пришли в Тегеран, около четырех-пяти тысяч идут в сторону Решта, а остальные—в близкие и далекие города Азербайджана. Они находятся в жалком состоянии»⁸⁵.

По всей стране не прекращались антифеодальные выступления недовольных своим положением широких крестьянских масс. Руководимые НПИ и демократическими организациями, они вскоре приобрели и антиимпериалистический характер, превратившись в часть национально-освободительного движения иранского народа.

В конце 40-х годов в национально-освободительную борьбу включилась и стала во главе антиимпериалистического движения национальная буржуазия⁸⁶.

При определении состава национальной буржуазии Ирана основным критерием является связь с национальной промышленностью и внутренним рынком.

В национальную буржуазию Ирана входила та часть буржуазии, чьи капиталы были внедрены в местную промышленность и торговлю, и которая, естественно, была максимально заинтересована в развитии национальной промышленности и расширении внутреннего рынка.

Национальная промышленная буржуазия Ирана состояла в основном из мелких и средних промышленников⁸⁷ и занимала в экономике страны весьма слабые

позиции. В Иране, подобно другим странам со слабо-развитой промышленностью, национальный капитал преимущественно вкладывался в торговую сферу, обеспечивающую в существующих условиях большой простор для деятельности.

Крупная торговая (компрадорская) буржуазия Ирана сотрудничала главным образом с иностранным финансовым капиталом. С местным рынком были непосредственно связаны интересы средних и мелких слоев иранской торговой буржуазии, составлявших преобладающую часть иранской национальной буржуазии.

Исследование социально-экономического положения иранской национальной буржуазии позволяет выявить обстоятельства, обусловившие ее антиимпериалистические и антифеодальные тенденции.

Национальная буржуазия Ирана испытывала постоянное давление со стороны иностранного империализма. Политика обширного ввоза иностранных товаров в Иран способствовала вытеснению с внутреннего рынка местной промышленной продукции и сдерживала, тем самым, рост национальной экономики, что предельно ограничивало деятельность национальной буржуазии и препятствовало ее развитию.

Национальная буржуазия Ирана была заинтересована в экономическом прогрессе страны, в интенсивном развитии капиталистических отношений в национальной экономике. Однако местный феодализм, который по своей сущности был ярким противником любого прогресса и стремился сохранить в Иране устраивающую его социально-экономическую и политическую структуру, всеми силами задерживал возможность развития экономики страны, осуществление стремлений национальной буржуазии.

Подавляемая деятельностью иностранного империализма и местного феодализма, но тем не менее занимая определенные позиции в экономике и торговле страны, национальная буржуазия Ирана в конце 40-х годов являла собой общественную и политическую силу, способную и готовую бороться за приобретение возможности беспрепятственной экономической деятельности и за обладание внутренним рынком.

Признавая безусловное участие национальной буржуазии Ирана во всенародном национально-освободительном движении, следует, в то же время, учитывать обусловленные спецификой ее социально-экономического и политического статуса особенности и тенденции, как-то: ограниченность целей в национально-освободительной борьбе, двойственность характера, неустойчивость, склонность к компромиссам и т. д., которые, в частности, ярко проявились во внешней и внутренней политике национальной буржуазии Ирана в период ее правления в 1951—1953 гг.

При освещении вопросов, касающихся сущности и тенденций национальной буржуазии Ирана, особенно важно разграничение ее довольно четко выраженных правой, средней и левой частей.

Правая часть национальной буржуазии Ирана, состоящая из ее наиболее обеспеченных слоев⁸⁸, в национально-освободительной борьбе преследует весьма ограниченные цели. При расширении всенародного движения она, как правило, переходит в лагерь врагов и активно сотрудничает с силами реакции. Именно так поступили многие из бывших сторонников Мосаддыка — представители правого крыла Национального фронта в период его правления. Характерным для этой части национальной буржуазии является ее антидемократическая настроенность и сопротивление проведению в стране демократических преобразований.

Средняя часть национальной буржуазии Ирана включает представителей средней и мелкой буржуазии, а также часть интеллигенции⁸⁹. Своеобразие социально-экономического положения придает ее характеру определенное сходство как с правой, так и с левой частями национальной буржуазии. В соответствии со сложившейся ситуацией она ориентируется то на одну, то на другую из этих частей, что и делает ее более нестабильной и непоследовательной в вопросах внешней и внутренней политики. Эта часть национальной буржуазии принимает активное участие в национально-освободительной борьбе, однако после достижения своих целей стремится приостановить дальнейшее развитие всенародного движения. Несмотря на относительную умеренность по отношению к демократическим силам стра-

ны, а иногда и сотрудничество с ними, средняя часть иранской национальной буржуазии одновременно препятствует их деятельности и осуществлению в стране позитивных мероприятий.

Более последовательной и устойчивой силой в национально-освободительном движении является левая часть национальной буржуазии, в состав которой входят представители мелкой буржуазии и прогрессивной интеллигенции⁹⁰. Она заинтересована в достижении экономической и политической независимости и установлении демократических принципов во внутренней жизни страны.

Готовая по необходимости сотрудничать с демократическими силами, она, в то же время, проявляет тенденцию ограничения всенародного движения в рамках своих интересов.

В 1949 г., в период резкого обострения отношений с АИНК, накануне выборов в меджлис 16-го созыва была создана политическая организация национальной буржуазии Ирана—Национальный фронт (НФ) под руководством д-ра Мохаммеда Мосаддыка⁹¹.

Первоначальной целью Национального фронта было прекращение недопустимого вмешательства правительства генерала Размара в избирательную кампанию и проведение в стране свободных выборов, а также борьба против антидемократических акций правительства, в частности, против ограничения свободы печати, введения военного положения и т. д. «Поскольку все были сторонниками свободных выборов, свободы печати и преобразования закона о военном положении, Национальный фронт... с каждым днем усиливался и надежды на успех увеличились»⁹²,—пишет Малек.

Проблема нефти была объявлена главным пунктом программы НФ лишь после того, когда его кандидаты добились успеха на выборах в меджлис 16-го созыва. Национальный фронт сыграл важную роль во всенародной борьбе против Дополнительного соглашения, категорически требуя возвращения Ирану его нефтяных богатств. Позиция НФ к нефтяным концессиям определялась экономическими и политическими мотивами: Мосаддык и его сторонники рассматривали национализацию нефтяной промышленности как единственное

средство, которое позволит восстановить разрушенную экономику страны, освободить Иран от влияния английского империализма вообще и создать реальные условия для самостоятельного развития. Политическая программа Национального фронта нашла широкий отклик среди иранского народа, обеспечила его симпатию к национальной буржуазии и готовность оказать ей помощь и поддержку. Не случайно, что в период захвата политической власти в стране главной опорой национальной буржуазии были народные массы.

НФ был неоднородным. В его рядах находились представители мелкобуржуазных партий и групп, а также отдельные деятели. В состав Национального фронта с самого начала его образования входила буржуазно-националистическая партия «Иран» — бывшая ассоциация инженеров, реорганизованная в партию в 1943 г.⁹³. Партия выражала интересы средней части иранской национальной буржуазии, оказывала на Мосаддыка большое влияние и поддерживала его. Членами этой партии были в основном представители иранской буржуазной интеллигенции и государственные служащие, заинтересованные в обеспечении независимости страны и выступавшие за проведение социально-экономических реформ и установление демократических принципов. Лозунгом партии было: «Труд, справедливость и братство»⁹⁴. Признанными деятелями партии «Иран» были Аллаяр Салех и ближайший соратник Мосаддыка, авторитетный специалист по нефтяной промышленности Касем Хасиб.

В 1952 г. в состав Национального фронта вошла мелкобуржуазная, правонационалистическая Партия трудящихся Ирана (Хезб-е захматкешан-е Иран)⁹⁵, однако довольно скоро отошла от него из-за принципиальных разногласий, возникших между лидерами партии Мозаффаром Багаи и Мосаддыком по вопросам внешней и внутренней политики.

Партия трудящихся Ирана была организована в 1951 г.⁹⁶ и объединяла в своих рядах в основном представителей буржуазной молодежи, некоторых слоев рабочих и ремесленников. Она выступала против коммунистического движения вообще и, в частности, против Народной партии Ирана. Общеизвестны тесные связи

Партии трудящихся с иностранным империализмом и та большая роль, которую она сыграла в государственном перевороте 19 августа 1953 г.

С 1952 г. и до конца правления Мосаддыка в составе организации находилась партия Третья сила (Ниру-е севвом)⁹⁷, под руководством бывшего члена НПИ, ренегата Халила Малеки. Борьба партии, называвшей себя «социалистической», была направлена одновременно и против влияния Запада, и против коммунистов.

С НФ сблизилась также клерикально-националистическая группа «Поборники ислама» («Федаян-е ислам»), возглавляемая Сеидом Наввабом Сафави. «Федаян-е ислам» состояла из немногочисленных, но «вспыльчивых, фанатичных и ревностных»⁹⁸ представителей духовенства. Ее главной целью была борьба с противниками ислама, с иностранным влиянием и с покровителями их политики внутри страны. Основной формой борьбы «Федаян-е ислам» был террор. (В ноябре 1949 г. ее представителями был убит премьер-министр Хажир, а в марте 1950 г. — премьер-министр Размара за иностранную ориентацию и за сопротивление национализации нефтяной промышленности). «Федаян-е ислам» была известна также своей антикоммунистической направленностью. Она считала, что ислам и коммунизм несовместимы⁹⁹. Подобно другим организациям и деятелям правонационалистического толка, группа «Федаян-е ислам» начиная со второй половины 1952 г. стала постепенно отходить от Мосаддыка и во время антиправительственного переворота 1953 г. окончательно перешла на сторону реакции.

Видными деятелями Национального фронта были аятолла Абол Касем Кашани, избранный в 1952 г. председателем меджлиса, Хосейн Макки, Хосейн Фатеми, Хаери-заде, Матин-Дафтари и др.

Благодаря атмосфере, сложившейся накануне национализации нефтяной промышленности вокруг Национального фронта, последнему удалось провести своих кандидатов в меджлис 16-го созыва. Несмотря на пестроту состава НФ и на разногласия между ее отдельными группами и деятелями, в период подъема национально-освободительного движения Ирана Национальный

фронт был той организацией, которая относительно верно отражала общественное мнение.

Как уже отмечалось, правительство Ирана, опираясь на мнение нефтяной комиссии, денонсировало Дополнительное соглашение, заключенное между Ираном и АИНК. В резолюции, принятой по этому поводу меджлисом, комиссии предлагалось обсудить предложения депутатов по решению нефтяного вопроса и представить в меджлис в двухмесячный срок доклад, в котором была бы сформулирована позиция иранского правительства по этому вопросу¹⁰⁰. Самым радикальным из поступивших в меджлис 67 предложений¹⁰¹ оказался проект лидера НФ Мосаддыка, в котором предлагалось национализировать нефтяную промышленность Ирана по всей стране, передать правительству Ирана исключительное право на все операции, связанные с разведкой, добычей и обработкой нефти¹⁰².

15 марта меджлис опубликовал проект закона о национализации нефтяной промышленности (состоящий из одной статьи)¹⁰³, который сенат утвердил 20 марта¹⁰⁴. Уже в апреле в меджлис был внесен расширенный проект закона о национализации, в девяти статьях которого подробно излагались условия проведения национализации нефтяной промышленности¹⁰⁵. 28 апреля 1951 г. этот закон был утвержден меджлисом единогласно¹⁰⁶.

Принятие закона о национализации нефтяной промышленности явилось для Ирана актом огромного значения, поскольку ликвидировался оплот английского империализма в Иране—АИНК и прекращалось долгое, ничем не ограниченное и беззастенчивое владычество английского империализма в стране. На этом же заседании меджлис утвердил 73 голосами (12 против) предложение о назначении лидера НФ Мохаммеда Мосаддыка на пост премьер-министра Ирана¹⁰⁷. 29 апреля это решение меджлиса утвердили также сенат и шах¹⁰⁸.

Приход национальной буржуазии к власти был обусловлен следующими основными факторами:

Своей упорной, самоотверженной борьбой за ликвидацию иностранной концессии—АИНК националь-

ная буржуазия обрела помощь и поддержку широких кругов иранской общественности.

Реакционные круги Ирана и, в частности, шах не воспротивились приходу Мосаддыка к власти. При предельном накале антиимпериалистической, антифеодальной борьбы иранского народа единственно рациональным выходом из создавшегося положения для реакционных кругов было установление власти Мосаддыка, что успокоило бы народные массы и приостановило бы дальнейшее развитие народного движения.

Приход Мосаддыка к власти поддерживали Соединенные Штаты, заинтересованные в прекращении влияния Англии в Иране и надеявшиеся с помощью Мосаддыка в дальнейшем еще больше укрепить свои позиции в этой стране.

ГЛАВА 2

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА НАЦИОНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ

3 мая 1951 г. Мосаддык представил в меджлис программу своего правительства. «Нынешнее правительство,—сказал он,—без излишних обещаний, исходя из сложившейся в стране ситуации, ограничивает свою программу следующими двумя задачами:

1. В соответствии с законом о национализации нефтяной промышленности от 9 ордибехешта 1330 г. (28 апреля 1951 г.—А. С.) по всей стране осуществить национализацию нефтяной промышленности—для укрепления экономической мощи страны и обеспечения всеобщего благосостояния и спокойствия.

2. Преобразовать избирательный закон меджлиса и городских муниципалитетов»¹.

Текст программы свидетельствовал о том, что в начальный период своей деятельности Мосаддык был намерен заняться исключительно осуществлением национализации нефтяной промышленности, убежденный, что доходов, которые поступят в скором будущем от эксплуатации национализированной нефти, будет более чем достаточно для восстановления разрушенной

экономики страны и обеспечения экономической и политической независимости. Это свое мнение Мосаддык выражал неоднократно, по разным поводам.

2 июля 1951 г. в интервью корреспонденту «Интернейшнл Ньюс Сервис» Мосаддык заявил: «Причиной тяжелого состояния страны является отсутствие достаточной суммы для производственной деятельности. Когда мы будем располагать определенными доходами, ни один человек не останется без работы и всей этой нужде и нищете придет конец»². С той же убежденностью Мосаддык эту свою мысль повторяет в воззвании к обучающимся за рубежом студентам-иранцам. «...Вследствие изгнания из Ирана компании весь доход, получаемый от этого богатого сырья, который вместо 15 млн. фунтов достигнет 120 млн. фунтов, то есть увеличится по меньшей мере в восемь раз, будет предоставлен в распоряжение иранского народа, и в результате этого придет конец несчастьям и нищете угнетенного иранского народа»³.

На пресс-конференции с корреспондентами местных и зарубежных газет, возвращаясь к вероятным путям и возможностям вывода Ирана из существовавшего тяжелого положения, Мосаддык сказал: «В настоящее время, когда доходы от нефти принадлежат нам и никто не может отрицать наших прав, с помощью этих доходов мы сможем удовлетворить все наши нужды и положить конец нищете, невежеству и болезням миллионов трудящихся страны. Более того, ликвидацией бывшей нефтяной компании... прекратится ее недозволенное вмешательство во все сферы нашей жизни и, таким образом, будет обеспечена наша экономическая и политическая независимость»⁴.

Еще накануне ратификации закона о национализации нефтяной промышленности Мосаддык выражал уверенность в том, что Иран сумеет посредством продажи собственной нефти увеличить свои доходы уже в первый же год национализации⁵. Подобный оптимизм явился, в основном, результатом убежденности Мосаддыка и других лидеров НФ в том, что добыча, обработка, вывоз на международный рынок и продажа национализированной нефти не только не составит особой трудности для Ирана, но и Ирану будет гарантирова-

на поддержка многих стран, ввиду чрезвычайно большого спроса на нефть⁶.

Судя по высказанным Мосаддыком и его единомышленниками мнениям об осуществлении национализации нефтяной промышленности и о судьбах национализированной нефти, они явно преувеличивали роль иранской нефти на международном рынке, возлагали слишком большие надежды на потребителей иранской нефти и совершенно не предполагали возможности возникновения таких серьезных и трудно разрешимых проблем, как, например, обеспечение национализированной нефтепромышленности квалифицированными специалистами, транспортировка добытой нефти и, наконец, помехи, связанные с ее сбытом. Подобную уверенность лидеров Национального фронта и, в частности, Мосаддыка, принято считать, в основном, следствием незнания тонкостей международной торговли нефтью и превратного понимания сущности крупных картелей. «Мосаддык... обнадеживал простой народ Ирана,—пишет С. Н. Фишер,—что доходы от нефтяной промышленности облегчат им жизнь и обеспечат спокойствие. Однако он не сознавал комплексности международной нефтяной индустрии и трудностей, связанных со сбытом иранской нефти без мирового сотрудничества. Более того, он не учел того обстоятельства, что соседние страны—такие, как Ирак, Кувейт и Саудовская Аравия, могли бы возразить, если бы нефтяные компании, для обеспечения рынка сбыта иранской нефти, ограничили добычу нефти на их территориях.

Мосаддык полагал, что Британия и Западная Европа для развития своей экономики нуждаются в иранской нефти и будут вынуждены прийти к соглашению с ним»⁷.

Представляется ошибочной распространенная концепция, согласно которой Мосаддык и другие лидеры Национального фронта якобы не предполагали чрезвычайно бурной реакции правительства Англии на акт национализации иранской нефти, в частности той последовательной политики всестороннего давления, бойкота и блокады, проводить которую оно начало сразу

же после национализации Ираном нефтяной промышленности.

Значение АИНК для Англии было настолько важным, что ее крайне болезненную реакцию на ликвидацию компании, а также возможность провоцирования ею острого конфликта нетрудно было предугадать. Повышенная уверенность Мосаддыка в сравнительно быстром и беспрепятственном осуществлении национализации нефтяной промышленности скорее всего объясняется тем, что он возлагал слишком большие надежды на помощь и поддержку Соединенных Штатов, полагаясь на объективную заинтересованность США в ослаблении английских позиций в Иране, а также на их кажущуюся внешнюю доброжелательность. Государственный секретарь США Дин Ачесон после принятия иранским меджлисом закона о национализации нефти в мае 1951 г. заявил: «...Надеюсь, иранцы сознают, что Соединенные Штаты являются их искренним другом, что они помогали им в прошлом и будут помогать в будущем и что большая и непрерывная заинтересованность Соединенных Штатов в независимости, территориальной целостности и благополучии Ирана остается кардинальным принципом американской политики»⁸.

Официальная позиция США в вопросе национализации иранской нефти была сформулирована следующим образом: «Мы полностью признаем суверенные права Ирана и сочувствуем его желанию, чтобы возросшие доходы от развития собственной нефтяной промышленности выпадали на долю этой страны»⁹. Однако дальнейшее развитие политических событий очевидно продемонстрировало истинное отношение США к этому акту и к Ирану вообще. Дипломатическая активность США в нефтяном споре между Англией и Ираном, направленная якобы на его справедливое урегулирование и сопровождаемая неоднократно официальными и неофициальными заверениями государственных и политических деятелей США в их абсолютном бескорыстии в этом вопросе, в действительности имела целью поддерживать конфликт, по возможности дольше лишая Иран доходов от нефти, доводя, тем самым, экономику Ирана до истощения, и облегчить таким об-

разом дальнейшее усиление в этой стране своих позиций.

Как и следовало ожидать, в процессе развития конфликта США координировали свою дипломатию и практические действия с Англией. После провозглашения закона о национализации нефтяной промышленности Англия при самом энергичном сотрудничестве с США немедленно принялась за осуществление репрессий по отношению к Ирану путем финансово-экономического давления и дипломатического шантажа.

Известно, что с целью парализации добычи национализированной нефти бывшая Англо-иранская нефтяная компания закрыла нефтеперерабатывающий завод в Абадане, вывела из Абадана весь нефтеналивной флот и запретила своим специалистам работать в национализированной нефтяной промышленности Ирана¹⁰.

Министерство иностранных дел Англии в заявлении, опубликованном сразу же после принятия закона о национализации нефтяной промышленности, обещало, что правительство Англии приложит все усилия для того, чтобы воспрепятствовать продаже иранской нефти на международном рынке¹¹. События ближайшего будущего подтвердили всю серьезность этого обещания: с целью торможения вывоза национализированной нефти АИНК не замедлила объявить ее краденой и грозила в судебном порядке преследовать всех тех, кто попытается скупить нефть у иранской национальной компании¹². Практическим осуществлением этой угрозы явилась задержка в Адене в июне 1952 г. итальянского судна «Роз Мари» с иранской сырой нефтью¹³. В феврале следующего года венецианским судом был задержан нефтяной груз итальянского судна «Мириелла» весом в 4 600 т¹⁴.

Международной нефтяной индустрией был объявлен всеобщий бойкот иранской нефти.

Одновременно Англия стала сосредотачивать в Персидском заливе военно-морские силы. «Нью-Йорк таймс» 26 июня 1951 г. опубликовала сообщение своего лондонского корреспондента о том, что в сторону Абадана движется крейсер «Маврициус» водоизмещением в 8 000 т якобы для «...защиты 2 700 английских специалистов-нефтяников»¹⁵. За короткое время в Пер-

сидском заливе появились также четыре английских миноносца¹⁶. В июле число английских военных кораблей в зоне Персидского залива достигло девяти, что, по свидетельству Ф. Рухани, «...в послевоенный период было беспрецедентным»¹⁷. С целью подготовки военных действий против Ирана уже в конце апреля в Басру прибыли несколько английских кораблей с войсками, боеприпасами и танками «для усиления в Иране английского гарнизона»¹⁸. С таким же намерением 4 июля на Кипре высадились 3 000 английских десантников-парашютистов¹⁹.

Чуть позже английское правительство предприняло экономические санкции против Ирана. Оно официально аннулировало установленные для Ирана финансовые и торговые привилегии, практически лишив его возможности совершать долларовые операции²⁰. Были отменены также лицензии на вывозимые из Ирана редкие товары²¹. В сентябре Англия заморозила стерлинговые балансы Ирана²².

Окончательно разочаровавшись в результатах переговоров с иранским правительством, предпринятых по инициативе Англии, и убедившись в их бесперспективности, английский советский посол в Иране для разрешения спора в свою пользу в мае вынесло вопрос на международный суд²³.

Все эти и подобные мероприятия Англии были направлены на то, чтобы принудить Мосаддыка к уступкам, а в конечном счете вновь завладеть иранской нефтью и своими недавними позициями в Иране.

Поощряя и поддерживая Англию в ее действиях против Ирана, США фактически стремились обеспечить себе возможность вмешательства во внутренние дела Ирана, всячески склонить Иран на компромиссное урегулирование нефтяного конфликта с выгодными для США перспективами. Искусственное затягивание разрешения нефтяного конфликта было весьма выгодно для США также в экономическом плане. Прекращение добычи иранской нефти и необходимость заполнить создавшийся вследствие этого вакуум на международном нефтяном рынке способствовали резкому увеличению добычи нефти американскими компаниями.

О действительных позициях США в нефтяном споре свидетельствовал факт предоставления ими Англии свыше 3 млрд. долларов²⁴ для покупки нефти в других нефтедобывающих странах и для удовлетворения своих нужд. Именно такой широкий жест США по отношению к Англии в сочетании с отказом в дальнейшем в займе Ирану для компенсации прекратившихся концессионных платежей АИНК лучшим образом продемонстрировали их истинные чувства к Ирану.

В экономическом плане результаты национализации нефти для Ирана оказались негативными. Вследствие энергичного вмешательства английских империалистов добыча нефти резко снизилась. Согласно официальным данным, в 1950 г. в Иране было добыто 31,75 млн. т нефти, тогда как в 1952 г.—всего лишь 1,4 млн. т²⁵, то есть меньше почти в 23 раза.

Ситуация, сложившаяся в Иране после национализации нефти, и длительная пассивность правительства во внутривластической деятельности стали причиной еще большего усугубления кризисного состояния страны. Во многих отраслях промышленности снизился объем продукции. В 1951/52 гг., к примеру, добыча угля по сравнению с 1950/51 гг. уменьшилась на 33 тыс. т²⁶. Многие промышленные предприятия закрывались, и безработица приняла угрожающие размеры. «Сегодня нет такого человека, который не был бы осведомлен о растущем день за днем банкротстве экономики нашей страны, непосредственным результатом чего являются нищета и бедность широких трудящихся масс... Поток безработных все увеличивается...»²⁷,—писала «Бесу-йе аянде». В другом номере той же газеты читаем: «Согласно поступившим сведениям, по сравнению с прошлым годом число безработных значительно возросло... Многие... готовы трудиться даже за двадцать риалов в день, но не находят работы... каждую неделю множество отцов семейств, не находя средств существования.. кончают жизнь самоубийством...»²⁸.

Все больше ухудшалось положение трудящихся масс. Рабочие исфаганского завода «Шахназ» в своем письме в редакцию «Бесу-йе аянде» писали: «Закон о труде, при всех своих недостатках, в отношении нас не применяется... За мизерную плату мы вынуждены

работать 12 часов в день. Низкая зарплата, невежество и болезни угрожают нам и нашим семьям... Мы не можем стать свидетелями голодной смерти наших детей»²⁹.

Одной из основных причин разложения и падения местной промышленности явилось экономическое и политическое присутствие Соединенных Штатов в Иране. Неограниченный экспорт американских товаров в Иран нанес непоправимый урон и без того слабо развитой промышленности страны. В своем открытом письме Мосаддыку ЦК Народной партии Ирана, выступая с критикой его политики допущения иностранной товарной интервенции, писал: «Правительство прекратило производственную деятельность. Большая часть заводов страны по причине ввоза американских и английских товаров находится в состоянии застоя, и возрастающая с каждым днем безработица распространилась по всей стране»³⁰.

Максимально заинтересованные в дальнейшей деградации иранской экономики, США всячески ограничивали экономическую деятельность иранского правительства, исходя из собственных выгод, поощряя лишь развитие, по их мнению, единственно эффективной и перспективной для Ирана области—сельского хозяйства. На осуществление этой политики, а следовательно, и на развал экономики страны была направлена деятельность американских экономических советников в Иране. Демократическая пресса страны была буквально наводнена материалами, разоблачающими истинное лицо «советников» и осуждающими терпимую по отношению к ним позицию Мосаддыка. Национальное Общество борьбы против колониализма в открытом письме премьер-министру, опубликованном на страницах «Бесу-йе аянде», выражало справедливую озабоченность по поводу того, что правительство Мосаддыка не только оставляет в Иране американских советников, но и приглашает в Иран новые группы этих «шпионов»³¹.

В результате упомянутой выше политики американских империалистов в изучаемый период в какой-то мере возросло производство в отдельных отраслях сельского хозяйства Ирана. В 1952 г. по сравнению с предыдущим годом производство риса увеличилось на 60

тыс. т, производство хлопка (неочищенного и очищенного)—на 16 тыс. т, фиников—на 15 тыс. т, табака—на 1 000 т³². В 1951/52 гг. по сравнению с 1949/1950 гг. на 37 тыс. т возросло производство сахара³³. Однако другие отрасли сельского хозяйства, продукция которых не подлежала вывозу, в основном продолжали оставаться в кризисном состоянии.

Не было предпринято никаких мер для улучшения жизненных условий крестьян. «Все плодородные земли Систана,—писала «Бесу-йе аянде»,—находятся в руках нескольких крупных землевладельцев. 99% населения совершенно обездолено и живет в неопикуемой нищете...»³⁴. Судя по сообщениям иранской прессы, в других районах положение было не лучше.

По-прежнему сохранялся неэквивалентный характер внешней торговли Ирана. В 1950/51 гг. Иран импортировал товаров на 6 246 388 тыс. риалов и экспортировал на 3 494 737 тыс. риалов (сальдо—2 751 651 тыс. риалов)³⁵, в 1951/52 гг., соответственно, на 7 010 688 тыс. риалов и 4 289 425 тыс. риалов (сальдо—2 721 263 тыс. риалов) (данные приводятся без учета экспорта нефти и нефтепродуктов)³⁶.

Иран импортировал главным образом промышленные товары³⁷, а основными статьями его экспорта являлись сельскохозяйственные продукты и сырье (рис, изюм, миндаль, финики, хлопок, шкуры, кожа, опиум, табак и т. д.)³⁸.

Для внешней торговли Ирана было характерно явное превосходство импортных цен над экспортными ценами, что подтверждают данные таблицы:

Импортные и экспортные цены в 1949—1952 гг. (1939 г. = 100)³⁹

Годы	Импортные цены	Экспортные цены	Процентное соотношение экспортных цен к импортным ценам
1949	565	478	85
1950	524	400	76
1951	624	461	74
1952	680	461	68

Достижению определенного равновесия в импорте и экспорте способствовало бы установление государственной монополии на экспорт⁴⁰. Однако, исходя из взаимоотношений с США, правительство национальной буржуазии воздержалось от осуществления подобного мероприятия, которое могло бы представить прямую угрозу позициям США в Иране. В основном по этой же причине правительство Мосаддыка длительное время не проявляло намерения изменить в какой-то мере свои внешнеторговые отношения, а именно, ограничить неравномерную, пагубную для экономики Ирана торговлю с империалистическими странами, в частности с США, и расширить торговые связи с СССР и с другими социалистическими странами, что явилось бы реальным, весьма эффективным средством предотвращения экономического кризиса.

В письме премьер-министру Мосаддыку ЦК НПИ, воспроизводя реальную картину внешнеторговой политики иранского правительства, писал: «Очевидно, что в такой ситуации экономика страны попадет в кризисное положение и местная промышленность обанкротится... Правительство Мосаддыка... не позаботилось о том, чтобы вывести внешнюю торговлю из тяжелого состояния, обеспечить равновесие в импорте и экспорте. Мосаддык... наводняет иранский рынок американской га-лантереей, непригодными товарами на несколько миллионов долларов в год. Правительство не торопится заключить клиринговые торговые соглашения с такими странами, которые готовы на равноправных началах установить торговые отношения (имеются в виду СССР и другие социалистические страны.—А. С.) и зря теряет время»⁴¹.

Подобная позиция правительства национальной буржуазии явилась помехой и в реализации национализированной нефти⁴². В критической ситуации, когда империалистическая блокада фактически сделала невозможным доступ национализированной нефти на международный рынок, правительство национальной буржуазии отказалось от продажи нефти ее бывшим покупателям—Чехословакии и Польше. Раскрывая обстоятельства, препятствовавшие восстановлению торговых отношений Ирана с социалистическими странами и

продаже нефти на действительно выгодных для Ирана условиях, «Бесу-йе аянде», акцентируя, в частности, большую роль США, писала: «Как известно, американские империалисты категорически против установления равноправных экономических отношений между Ираном и антиколониальными странами, так как знают, что это может превратиться в мощный фактор, потрясающий основы незаконного экономического проникновения империализма и обеспечивающий экономическую независимость нашей родины. Именно в этом заключается причина того, что официальные власти Америки неоднократно бесстыдно угрожали Ирану, что он-де не имеет права установить экономические отношения со странами народной демократии. Каждый раз, когда ставился на обсуждение вопрос о продаже нефти антиколониальным странам... вмешивающийся в дела Ирана американский посол Гендерсон предъявлял ультиматум иранскому правительству, предупреждал и угрожал не предпринимать такого шага.

Правительство Мосаддыка,—с возмущением продолжал автор статьи,—...ответило на эти грубые угрозы покорностью, и не только не желает положить конец подобному неуместному вмешательству в наши внутренние дела, но и—с целью удовлетворения американских империалистов—воздерживается от каких-либо шагов по пути установления торговых и экономических отношений с антиколониальными странами, что принесло бы стопроцентную пользу нашей экономике...»⁴³.

ЦК НПИ в своем открытом письме Мосаддыку требовал немедленного изгнания американских советников из армии и государственных учреждений, ликвидации администрации «4-го пункта Трумэна», прекращения переговоров для получения американской финансовой помощи, разрешения вопроса продажи нефти странам, желающим ее покупать и уважающим суверенитет Ирана.

Деградация экономики чрезвычайно тяжело отразилась на финансах страны. Усугублению финансового кризиса способствовало и то, что после национализации нефтяной промышленности правительство сразу лишилось доходов, получаемых от нефтяной концессии (в 1950 г. они составили 16 млн. фунтов стерлингов)⁴⁴.

Это обстоятельство послужило удобным поводом для местной реакции и англо-американских империалистов, чтобы злословить о том, что именно национализация нефтяной промышленности стала причиной обострения экономического кризиса и что таким странам, как Иран, подобные акции противопоказаны.

Одновременно правительство было вынуждено взять на себя довольно внушительные расходы, связанные с материальным обеспечением нефтяных предприятий и их персонала, что ему было явно не под силу.

Вследствие тяжелого финансового положения правительства нередко задерживалась выплата жалования рабочим и служащим. В конгрессе Соединенных Штатов конгрессмен У. Фулбрайт сообщал, что в сентябре 1952 г. часть иранского полицейского и военного персонала не получила зарплаты, а 200 преподавателей и государственные служащие не оплачивались 2—3 месяца⁴⁵.

Важным фактором, обусловившим ухудшение экономического положения Ирана, оказалось постоянное, бесцеремонное вмешательство США в экономическую и политическую жизнь страны.

Известно, что одной из рельефно выраженных черт иранского «позитивного национализма» вообще, и внешнеполитической концепции шаха в частности, являлся проамериканизм. Используя свои сильные позиции в политической жизни страны, шах и при правлении национальной буржуазии всеми силами старался обеспечить для США возможность проведения в Иране их традиционной политики «помощи», крайне отрицательной сказавшейся на экономике и финансах страны.

Мосаддык к деятельности американских империалистов относился достаточно сдержанно, так как надеялся использовать их в своей борьбе против английского империализма и в осуществлении национализации нефтяной промышленности.

Еще в 1946—1947 гг. в период правления известного американофила Кавама эс-Салтане Соединенным Штатам удалось заключить с Ираном целый ряд экономических и военных договоров, сроки действия которых периодически пролонгировались, предоставляя США широкую возможность ставить в зависимость от себя экономику, финансы, армию и жандармерию стра-

ны. Эти договоры, благодаря усилиям шаха и реакционных кругов Ирана, продолжали оставаться в силе и при Мосаддыке.

В американских планах относительно Ирана важное место уделялось программе «4-го пункта Трумэна», которая начала претворяться в Иране еще с 1950 г.⁴⁵. В соответствии с этой программой в 1951 г. Ирану было предоставлено 1,46 млн.⁴⁷, а в 1952 г.—23 млн. доллара⁴⁸. Значительная часть этих средств по-прежнему была предназначена для военных целей. После прихода к власти национальной буржуазии отведенные для военных целей суммы не только не сократились, но, наоборот, увеличились на 1030 млн. риалов, то есть, по сравнению с 1950/51 гг.—на 50%⁴⁹. Около 35% государственного бюджета выделялось на нужды армии, полиции и жандармерии⁵⁰. В результате в 1951/52 гг. дефицит иранского государственного бюджета достиг 3 млрд. риалов⁵¹.

Экономическая дезорганизация страны стала причиной дальнейшего упадка жизненного уровня населения. Согласно официальной статистике, в 1951/52 гг. в Иране общий показатель жизненного уровня был ниже, чем в 1949/50 гг. (соответственно, 849 и 946 пунктов) (1936/37 гг.=100)⁵².

В интервью корреспонденту газеты «Эттелаат» министр экономики Ирана заявил: «Если взяться за правильную экономическую политику, то можно будет устранить существующий кризис»⁵³. Трудно угадать, что именно подразумевал он под желанной «правильной политикой», однако бесспорно, что еще долгое время в экономическом курсе правительства не наблюдалось существенного сдвига. Вместо того, чтобы осуществлять возможные радикальные преобразования для выхода из финансовых затруднений, правительство Мосаддыка ограничилось рядом частичных мероприятий в целях экономии средств. 11 октября 1951 г. совет министров Ирана издал декрет о сокращении на 15% всех видов бюджетных ассигнований⁵⁴. Было решено продать находившиеся в распоряжении учреждений автомашины и ковры⁵⁵, довести до минимума заграничные командировки государственных служащих, предоставлять учреждениям значительно меньше зданий и т. д. В создавшей-

ся ситуации не помогли и использование хранившихся в Лондонском банке сбережений (гарантийного фонда иранских ассигнаций) на сумму 40 млн. долларов⁵⁶, имеющейся в Международном банке суммы в 8,55 млн. долларов⁵⁷, а также выпуск государством в декабре 1951 г. внутреннего займа на 500 млн. риалов⁵⁸.

14 ноября 1951 г. правительство Мосаддыка обратилось к США с просьбой предоставить ему кредит на сумму 120 млн. долларов⁵⁹, надеясь таким путем несколько смягчить создавшееся положение. Однако правительство Соединенных Штатов, недовольное бескомпромиссной позицией Мосаддыка в переговорах по нефтяному вопросу, отказало ему в этой просьбе. 20 марта 1952 г. Госдепартамент США в подтверждение своей переориентации заявил, что предоставление Ирану займа не считает целесообразным, так как Иран в состоянии «получить адекватные доходы от эксплуатации собственной нефти»⁶⁰.

На первом этапе правления Мосаддыка не было предпринято никаких мер и для улучшения положения в других областях внутренней жизни страны.

Несмотря на широкое распространение в стране хронических и инфекционных заболеваний и всевозможных эпидемий, подавляющее большинство населения по-прежнему почти полностью было лишено самого элементарного медицинского обслуживания⁶¹. Мизерные средства, выделяемые правительством на нужды здравоохранения, не могли удовлетворить минимальным требованиям. Безразличие правительства к недопустимому состоянию здравоохранения страны было настолько явным, что это вынуждены были признать даже многие государственные деятели Ирана. На одном из заседаний меджлиса депутат доктор Хосейн Фахер на примере Миане показал, что во многих провинциях Ирана невозможно найти минимум лекарств, и нет ни одного дипломированного врача⁶². На очередном заседании меджлиса от 14 августа 1952 г. депутат Канатабади выразил недовольство по поводу того, что правительство, зная об отсутствии при городском муниципалитете Казвина отдела здравоохранения и врача, все еще не предприняло никаких мер для улучшения создавшегося по-

ложения⁶³. Канатабади требовал от министерства здравоохранения немедленно увеличить предназначенный на нужды шахрестанов бюджет, упорядочить его справедливое распределение и следить со всей строгостью за его использованием по назначению⁶⁴.

В коренном преобразовании нуждалась также система просвещения страны. В своем выступлении в сенате сенатор Фарох, говоря о существовавших в этой области беспорядках, отметил: «В наших школах дело преподавания запущено... К сожалению, у нас есть люди, которые получают диплом, недостаточно владея при этом персидским языком...»⁶⁵.

* * *

После неудачной попытки отстранения Мосаддыка, предпринятой усилиями местной реакции и иностранных империалистов, и его возвращения к власти 22 июля 1952 г.⁶⁶ внутриполитическая деятельность правительства национальной буржуазии Ирана стала активной и многосторонней.

Эволюцию внутренней политики правительства национальной буржуазии следует рассматривать в теснейшей связи с трансформацией его нефтяной концепции и изменением характера взаимоотношений с США. Именно эти два важнейших фактора и определили явную метаморфозу внутренней политики правительства во второй период правления.

Для того, чтобы упрочить свою власть, обеспечить себе опору в борьбе против оппозиции и противостоять ее все усиливавшимся посягательствам, Мосаддык должен был принять безотлагательные меры по улучшению состояния страны. Уже 12 апреля 1952 г. в выступлении в меджлисе Мосаддык заговорил о наличии инспирированных в основном английским правительством трудностей, объективно препятствовавших вывозу и реализации национализированной нефти, и высказал идею о необходимости создания в сложившейся ситуации «экономики без нефти»⁶⁷.

Доктрина «экономика без нефти», ставшая основой политики правительства, явилась прямым результатом развития принципа «негативного равновесия» в

создавшихся новых условиях. Основное ее содержание, на наш взгляд, заключается в следующем: вопреки стремлениям Англии и США добиться компромиссного «урегулирования» нефтяного конфликта и завладеть иранской нефтью, иранское правительство, лишенное возможности эксплуатировать свою нефть, предпочитало скорее временно отказаться от нефтяных доходов и обходиться без них, чем пойти на сговор с империалистами и вновь поставить Иран в экономическую и политическую зависимость от них. Переход правительства на курс «экономики без нефти» имел целью также доказать принципиальность и категоричность своих позиций в нефтяном вопросе и, тем самым, заставить Англию отказаться от избранной ею политики в отношении национализации иранской нефти.

Следует заметить, однако, что экономическая переориентация Мосаддыка была вызвана не только продолжительным, яростным сопротивлением Англии осуществлению национализации иранской нефти, но и в большой мере определенной позицией США в нефтяном конфликте, фактически делающей его разрешение нереальным.

Изменение дипломатии США в нефтяном вопросе и их политический курс в Иране в целом привели к тому, что Мосаддык постепенно начал терять надежды на помощь и поддержку этой державы. После отказа США предоставить заем Ирану Мосаддык пришел к выводу, что «...великие нации не будут защищать интересы слабой нации перед сильной державой»⁶⁸ и что «...слабые нации сами должны заботиться о себе и найти для себя выход...»⁶⁹.

Выявление основных мотивов, обусловивших это принципиально новое качество внутренней политики правительства, позволяет отказаться от преобладающей в литературе тенденции изолированного, обособленного восприятия этого периода и квалифицировать его как определенный уровень этой политики, предreshенный всей логикой ее развития и имеющий свои предпосылки на более ранней стадии.

Игнорирование буржуазными авторами эволюции политики Мосаддыка и явного отличия его основных политических принципов на разных этапах правления

стало, в частности, причиной распространения весьма претенциозной точки зрения, представляющей национализацию нефтяной промышленности как конечную и единственную цель Мосаддыка. Подобная интерпретация действительности (частично верная лишь в отношении начального этапа правления Мосаддыка) суживает масштабы его деятельности и препятствует правильному восприятию его политических концепций.

Анализ политики Мосаддыка позволяет утверждать, что национализация нефтяной промышленности явилась не завершением, а наоборот, началом его деятельности, так как он рассчитывал именно с помощью доходов, ожидаемых в скором будущем от продажи национализированной нефти, осуществить обширные реформы во внутренней жизни страны.

Чтобы удержать твердые позиции в нефтяном споре, не причинив ущерб национальной экономике, правительству Ирана было необходимо немедленно разрешить проблему реализации национализированной нефти⁷⁰, в данном случае организовать продажу нефти социалистическим странам, неоднократно выражавшим готовность ее покупать. Однако уже сам принцип «экономика без нефти», а также негативное отношение США к продаже иранской нефти этим странам исключили эту единственно эффективную в данной ситуации возможность приобретения достаточных средств для осуществления реформ, направленных на преодоление кризиса в стране.

В сложившейся обстановке, когда США, как известно, отказались предоставить Ирану финансовую помощь, а правительство Ирана воздержалось от продажи нефти странам социалистического лагеря, Мосаддык решил обеспечить необходимые средства для осуществления реформ в основном путем косвенных налогов. Такая политика правительства оказалась неоправданной, так как ущемляла, главным образом, интересы трудящихся масс и отдаляла их от правительства.

Политический курс «экономика без нефти» разочаровал также те классы и слои иранской общественности, которые ждали разрешения нефтяного спора,

надеясь занять собственные доходы от эксплуатации нефти.

Новое направление внутренней политики Мосаддыка было выражено в программе его второго кабинета, представленной в меджлис 27 июля 1952 г.⁷¹ Содержание программы явственно свидетельствовало о намерении правительства ликвидировать кризис почти во всех сферах внутренней жизни страны.

Одной из первейших задач правительства по-прежнему оставалось преобразование избирательного закона меджлиса и городских управлений (муниципалитетов) (пункт 1), что, как известно, на первом этапе правления так и не было осуществлено.

Правительство, разумеется, не отказалось от намерения продолжать и в дальнейшем усилия по претворению в жизнь закона о национализации нефтяной промышленности (пункт 4). Однако весьма симптоматично, что в этой программе использование нефтяных доходов было представлено уже далеко не как единственный способ восстановления экономики страны.

Экономическая часть программы со всей очевидностью демонстрировала качественно новую экономическую ориентацию правительства, а именно, являла собой практическое применение принципа «экономика без нефти». Из девяти пунктов программы три (2, 3 и 6) непосредственно касались преобразований в области экономики. По 2-му пункту предусматривалась стабилизация государственного бюджета. Целью 3-го пункта был подъем экономики путем расширения сферы производства и труда, а также преобразований в денежных и банковских законах.

Предпринимаемые правительством мероприятия в области сельского хозяйства сводились лишь к созданию в сельских местностях местных советов, которые должны были «проводить социальные реформы»⁷² (пункт 6).

Остальные пункты программы (5, 7, 8 и 9-й) предусматривали усовершенствование административных и ведомственных организаций, реформу в армии, в области правосудия, просвещения, здравоохранения и т. д.

Вскоре, заручившись шестимесечными чрезвычай-

ными полномочиями⁷³, Мосаддык приступил к осуществлению программы реформ.

Спустя некоторое время в одном докладе, подготовленном для меджлиса, Мосаддык более определенно выразил свою новую экономическую ориентацию. «В настоящее время правительство Ирана,—писал он,—не отказываясь от нефтяных ресурсов, намерено независимо от нефтяных доходов начать свои реформы в области экономики и финансов, на основе текущих доходов обеспечить пропорциональность бюджета страны...»⁷⁴. Свидетельством оживления внутренней политики правительства явилось принятие (начиная с конца 1952 г.) целого ряда законов и проведение мероприятий, призванных оздоровить промышленность и сельское хозяйство, создать благоприятные условия для расширения и развития внешней торговли, упрочить финансы и государственный бюджет, улучшить состояние здравоохранения, просвещения и правосудия.

В экономической политике правительства важная роль отводилась промышленности. Для практического осуществления намеченных задач и стимулирования развития промышленности страны (в особенности текстильной, сахарной, металлообрабатывающей) правительство запланировало создание новых промышленных предприятий и расширение уже существующих, а также реконструкцию и восстановление закрывшихся по разным причинам фабрик.

В экономической программе правительства создание национальной тяжелой промышленности не предусматривалось. Это прежде всего было обусловлено тем, что правительство не располагало достаточными финансовыми средствами. Данное обстоятельство в большой мере явилось также результатом взаимоотношений Мосаддыка с США и полностью соответствовало целям США в Иране. Характерно, что когда ООН в 1949 г. опубликовала докладную записку о методах экономического прогресса слаборазвитых стран, где, в частности, рекомендовалось поощрять развитие тяжелой промышленности в этих странах⁷⁵, США категорически воспротивились этому⁷⁶. Подобная политика руководствовалась следующей несложной логикой: раз и навсегда парализовать возможность экономического прогресса

са этих стран, создать благоприятные условия для империалистического проникновения под видом «помощи», превратить эти страны в свой аграрно-сырьевой придаток и облегчить тем самым разрешение своих собственных экономических проблем.

В соответствии с общим направлением экономической политики Мосаддыка, из 2 млрд. риалов, предоставляемых правительством для претворения в жизнь экономической программы⁷⁷, 975 млн. риалов предусматривалось на развитие и расширение сахарной, чайной, текстильной и горнодобывающей промышленности⁷⁸, благодаря чему Мосаддык надеялся не только улучшить состояние экономики страны, но и сократить валютные издержки—проблемы, решение которых он считал первоначальной целью правительства⁷⁹. В короткий срок был восстановлен и приступил к выпуску продукции ряд промышленных предприятий, таких, как ткацкая фабрика в Рейе, канатные заводы Кума и Семнана и др.⁸⁰

Подобная политика правительства была направлена также на смягчение другой, весьма важной и острой проблемы—сокращения в стране безработицы.

С целью подготовки квалифицированных кадров для промышленных предприятий в ряде промышленных центров страны—в Тегеране, Исфагане, Ширазе, Мешхеде и Тебризе были созданы специализированные профтехнические училища. Уже в августе 1952 г. в Иране было основано пять таких училищ, готовящих, в основном, плотников, электриков, химиков и механиков⁸¹.

Значительным мероприятием, направленным на улучшение состояния промышленности страны, явилось принятие закона о создании специальной промышленной организации (Сазман-е сана-йе)⁸². В обязанности этой организации входила координация действий государственных предприятий с целью максимального использования их производственной мощи (статья 1). В то же время организация должна была разработать мероприятия, направленные на расширение ассортимента национального производства и экспорта (статья 4).

Важное значение имело долгосрочное и краткосрочное планирование производства промышленных предприятий государственного сектора, которое также

должна была осуществлять организация с целью увеличения объема промышленного производства государственного сектора.

Правительство Мосаддыка оказывало помощь и частным предпринимателям, при необходимости предоставляя им субсидии. В 1951 и 1952 гг. владельцы фабрик Исфагана и Шираза в виде субсидий получили 80 млн. риалов⁸³.

24 декабря 1952 г. правительство подписало закон «О минеральных ресурсах»⁸⁴. Согласно этому закону все надземные и подземные минеральные ресурсы подразделялись на три группы (статья 1). Монополия обработки ресурсов третьей группы (нефтепродукты, природные газы, радиоактивные элементы) предоставлялась государству (статья 2). Непосредственной целью закона была концентрация основных естественных ресурсов страны в руках государства и усиление роли государственного сектора в экономике.

Закон обеспечивал также права частных предприятий и устанавливал условия предоставления им концессий (статьи 3—27).

После принятия этого закона за короткий срок добыча подземных ресурсов, в частности свинца и железной руды, значительно увеличилась⁸⁵.

Хотя мероприятия правительства по восстановлению национальной промышленности были недостаточны и полностью не осуществились, тем не менее на некоторых отраслях они отразились положительно⁸⁶.

Еще 14 июля 1951 г. в своем выступлении в меджлисе Мосаддык подчеркивал, что для вывода Ирана из экономического кризиса необходимо расширить производство сельскохозяйственного сырья⁸⁷.

Решив развивать сельское хозяйство страны, правительство национальной буржуазии во второй период правления предприняло некоторые шаги в этом направлении.

В конце июля 1952 г. в одном из интервью Мосаддык заявил, что «постарается положить конец притеснению крестьян помещиками»⁸⁸. Будучи не в состоянии осуществить это более чем претенциозное обещание, правительство Мосаддыка все же 13 августа 1952 г. издало законопроект «Об отмене поборов в деревнях»⁸⁹.

направленный на ограничение произвола землевладельцев-помещиков.

По первой статье законопроекта помещику запрещалось помимо своей доли с урожая озимых и яровых, с садов, пастбищ и за аренду земли взыскивать с крестьян овец, ягнят, домашнюю птицу, масло, подушный сбор и т. д. Отныне помещик был не вправе также заставлять крестьянина бесплатно работать на себя против его воли (статья 2), хотя за крестьянином по-прежнему оставалась распространенная во многих провинциях страны тяжелая повинность перевозки доли помещика с урожая.

Другой законопроект правительства «Об увеличении доли земледельца и создании организации по сельскохозяйственному благоустройству»⁹⁰ предусматривал сократить долю помещика с урожая на 20%, причем 10% из них передавались крестьянам, а остальные 10% — органам, специально созданным с целью благоустройства сельских местностей (статья 1).

По 7-й статье 50% всех доходов деревни предоставлялись на благоустройство и на кооперативные и общественные нужды данной деревни, 30% — дехестана (волости) и 20% — бахша (района).

Во второй части законопроекта во всех подробностях устанавливался порядок организации и деятельности сельских, волостных, районных и губернских советов. Сельские советы должны были состоять из пяти человек: один представитель от помещиков, сельский староста (кядхода) и три доверенных лица, избранных крестьянами (статья 17). В их распоряжение отдавались 10% доли помещика с урожая.

22-я статья закона предусматривала создание районных советов, в состав которых от каждой деревни должен был избираться один представитель. Основной обязанностью этих советов было распоряжение суммами, получаемыми от сельских советов (статьи 23, 24).

Аграрные законы Мосаддыка, предоставляя незначительные уступки земледельцам, ничего не меняли в характере их взаимоотношений с помещиками. С другой стороны, при существовавших в иранской деревне условиях, в частности при ничем не ограниченном про-

изволе помещиков, осуществить эти законы фактически было невозможно⁹¹.

Не улучшив на деле положение крестьян, эти законы, тем не менее, вызвали недовольство помещиков и настроили их против правительства.

Аграрное законодательство Мосаддыка подверглось резкой критике на страницах иранской прессы разных направлений и в меджлисе. В своем выступлении в меджлисе депутат Канатабади прямо заявил, что в деревне необходимо осуществить «более глубокие преобразования»⁹². Однако Мосаддык, чья аграрная концепция определялась известной связью иранской национальной буржуазии с помещичьим землевладением, исходя из своих классовых интересов, естественно, не стремился к радикальным изменениям в аграрных отношениях страны⁹³. «Тесная связь иранской буржуазии с землей, а значит и с докапиталистическим способом производства в сельском хозяйстве, обуславливала ее инертность и незаинтересованность в полной ликвидации феодализма в Иране»⁹⁴, — пишет Р. А. Сеидов. Характеризуя аграрную программу национальной буржуазии Ирана и объясняя причины ее ограниченности, Кня Нури отмечает: «На полную конфискацию помещичьих земель она не может согласиться по той причине, что это противоречит «священному» принципу частной собственности. Ведь в таком случае часть ее капитала, вложенного в землю, также может подвергнуться конфискации»⁹⁵.

Мосаддык лишь надеялся путем частичного улучшения положения крестьянских масс упрочить свои позиции в деревне и, что важнее всего, умиротворить недовольных крестьян и воспрепятствовать усилению и распространению крестьянского движения в Иране⁹⁶.

Позднее правительство опубликовало также «Законопроект об уставе сельскохозяйственного банка»⁹⁷, направленный в основном на поддержку являвшегося опорой Мосаддыка в деревне среднего слоя крестьян-хордемалеков и кооперативных обществ.

На втором этапе правления правительство Мосаддыка предприняло определенные меры для улучшения состояния ирригационных работ. На финансирование представленной в августе 1952 г. министерством сель-

ского хозяйства программы ирригации и строительства плотин правительством было намечено выделить 1,19 млрд. риалов. Программа была рассчитана на три года⁹⁸. Вскоре был утвержден проект одной из предусмотренных программой восьми плотин—Бампурской, которая должна была оросить и сделать пригодной к обработке территорию свыше 1 500 га⁹⁹.

Правительство увеличило также кредиты на сельскохозяйственные работы. Если в 1950 г. ассигнования для этой цели составляли 300—450 млн. риалов, то в 1953 г. они достигли 1,5 млрд. риалов¹⁰⁰.

По экономической программе правительства значительные суммы отчислялись и на механизацию сельского хозяйства¹⁰¹.

С целью повышения уровня и эффективности сельскохозяйственных работ, в разных местностях страны—в Хамадане, Араке, Саве, Сенандеже, Бехбехане, Заболе, Зенджане и др. были учреждены сельскохозяйственные школы и училища для обучения сельской молодежи теоретическим и практическим знаниям в области сельского хозяйства, ознакомления их с новыми, более эффективными методами ведения хозяйства¹⁰².

По сравнению с 1952 г. в 1953 г. на 380 тыс. т возросло производство пшеницы, на 182 тыс. т—сахарной свеклы. Заметно увеличилось также производство риса, хлопка, ячменя и других культур¹⁰³.

Одной из главных забот правительства было урегулирование внешней торговли страны, достижение эквивалентности импорта и экспорта. Для облегчения и расширения экспорта местной продукции 25 декабря 1952 г. правительство опубликовало закон «О поощрении экспорта и предоставлении лицензий на внешнюю торговлю»¹⁰⁴. Закон освобождал экспортируемые товары от различных налогов (статья 1), на 40—60% сокращал расходы, связанные с их транспортировкой (статья 2), устанавливал льготы, стимулирующие создание новых экспортирующих компаний.

Другой закон, изданный 24 декабря 1952 г., предусматривал учреждение торговых палат (отагха-йе ба-зергани)¹⁰⁵. Они создавались «с целью объединения купцов, направления их инициативы, установления и расширения торговых связей между Ираном и други-

ми странами, установления тесного сотрудничества между купеческими союзами, а также торгово-экономическими предприятиями и национальным министерством экономики»¹⁰⁶ (статья 1). Министр экономики Ирана Ахави охарактеризовал торговые палаты как «эффективный фактор развития экономики страны»¹⁰⁷.

Для лучшего рекламирования экспортируемых товаров и активизации экспорта министерством национальной экономики были разработаны меры для учреждения экономических представительств и агентств в тех странах, с которыми Иран намеревался установить торговые отношения¹⁰⁸.

Важным шагом явилось также опубликование закона о предоставлении Национальному банку Ирана монополии на приобретение и реализацию любой валюты¹⁰⁹, что способствовало бы нормализации товарооборота. В марте 1953 г. был учрежден специальный банк для внешней торговли¹¹⁰.

Согласно статистике Национального банка, уже в 1952/53 гг. внешняя торговля Ирана освободилась от постоянного дефицита и имела беспрецедентное положительное сальдо (импорт на 5 031 525 тыс. риалов, экспорт на 5 800 303 тыс. риалов, сальдо + 768 778 тыс. риалов)¹¹¹.

Сдвиги, наметившиеся в политике правительства национальной буржуазии в процессе ее развития, стали более очевидными в самый последний период правления. Лучшим выражением нового качества политики Мосаддыка в области экономики, и в частности внешней торговли, явилось установление торговых отношений Ирана с СССР, что ознаменовалось подписанием 10 июня 1953 г. торгового договора¹¹². Выразив свое мнение о договоре, министр экономики Ирана Ахави: особо подчеркнул, что расширение объема товарооборота между Ираном и СССР на клиринговых основах в большой степени будет способствовать предотвращению утечки иранской валюты¹¹³ (договор обеспечивал Ирану возможность сэкономить за год валюту стоимостью в 1 110 млн. риалов)¹¹⁴. Ахави считал не менее важным и то, что территориальная близость Ирана и СССР не требовала больших расходов на транспортировку товаров, что благотворно сказалось бы и на их

ценах¹¹⁵. Оценивая новый договор, «Кейхан» выражал надежду, что расширение ирано-советской торговли в значительной мере поможет ослаблению существующего кризиса в иранской торговле¹¹⁶.

Общая направленность развития экономической политики правительства предполагала и реформы в области финансов, тяжелое положение которых было усугублено прекращением нефтяных доходов. Однако принятые правительством в целях улучшения финансового состояния страны мероприятия оказались безрезультатными. Увеличение косвенных налогов, отнюдь не способствуя эффективному решению данной проблемы, вызвало к тому же справедливое возмущение широких народных масс. Не оправдала надежд и другая инициатива правительства—увеличение количества бумажных денег. В интервью корреспонденту «Эттелаат» генеральный директор Национального банка Ирана выразил мнение, что выпуск новых бумажных денег является единственным эффективным средством устранения экономических трудностей страны¹¹⁷. В действительности же подобный акт не только не способствовал облегчению финансовой депрессии, но и неизбежно повлек за собой инфляцию. Столь же нецелесообразной была и идея использования запасов Национального банка¹¹⁸.

Несмотря на финансовые затруднения, правительство не уменьшило расходы на вооружение, которые составляли почти половину общего бюджета¹¹⁹. В 1953/54 гг. на военные цели было израсходовано 3 947 млн. риалов, то есть на 500 млн. риалов больше, чем в 1951/52 гг.¹²⁰.

Устранение финансового кризиса страны стало невозможным также по той причине, что все еще допускалась традиционная политика «помощи» США Ирану. Сумма, предоставляемая Ирану по программе «4-го пункта Трумэна», в период правления национальной буржуазии, согласно планам США, значительно возросла¹²¹. По договору, подписанному между правительствами Ирана и США 25 апреля 1952 г., вновь вошло в силу военное соглашение 1947 г.¹²², позволявшее США оказывать военную помощь Ирану. Уже в середине июля «Эттелаат» сообщала, что согласно полученной из Нью-

Йорка телеграмме, 10 июля из Нью-Йоркского порта взяло курс в сторону стран Среднего Востока американское судно «Виктория» с военным грузом в 12 тыс. т. Часть боеприпасов предназначалась Турции, Сирии и Ливану, а другая часть, в соответствии с договором, заключенным между Ираном и США, должна была быть выгружена в Иране¹²³. По сообщению газеты «Сийасат-е ма», по программе американской военной помощи предусматривалась отправка в Иран 50 реактивных самолетов, и группа иранских военных летчиков уже была послана в Соединенные Штаты для усовершенствования¹²⁴.

* * *

На втором этапе правления правительство Мосаддыка развернуло энергичную деятельность и в других областях внутренней жизни страны.

Заручившись чрезвычайными полномочиями, Мосаддык принялся за осуществление своего давнишнего намерения—преобразовать избирательный закон меджлиса. Несмотря на то, что комиссия, составлявшая проект нового избирательного закона, начала работу еще в августе 1952 г.¹²⁵, законопроект был представлен на утверждение премьер-министру лишь в середине декабря¹²⁶, после многократных переделок и доработок.

Новый закон предусматривал ряд изменений в порядке организации и проведения выборов в меджлис. Число депутатов меджлиса вместо прежних 136¹²⁷ было доведено до 172 (статья 1)¹²⁸. Увеличение числа депутатов прежде всего имело целью обеспечить возможность избрания в меджлис депутатов, поддерживающих правительство Мосаддыка (особенно из представителей городского населения).

Согласно новому закону, в каждом избирательном округе должен был избираться только один депутат (статья 6). Город Тегеран разделялся на четыре избирательных округа (статья 12). Проведение выборов и подсчет голосов должны были осуществляться в течение одного (нерабочего) дня (статья 24). С целью ограничения всевозможных интриг и подлогов составление списка кандидатов в депутаты и его опубликова-

ние, а также наблюдение за созданием контрольной комиссии отныне должны были осуществляться не префектом, как прежде, а специальной избирательной комиссией (статьи 12, 16).

Права и полномочия контрольной комиссии также ограничивались. В частности, она лишалась права перебаллотировки кандидатов в депутаты, что отныне передавалось в ведение самого меджлиса (статья 48). Деятельность как центральной, так и окружных контрольных комиссий бралась под судебный надзор (статьи 50, 51, 52).

Новый закон имел ряд серьезных недостатков. Он, к примеру, по-прежнему лишал женщин права участвовать в выборах и быть избранными (статьи 9, 10). Согласно закону, кандидаты в депутаты были обязаны заблаговременно заявлять о своей кандидатуре и платить 20 тыс. риалов государству (статья 12). Установление денежного ценза, безусловно, в большей мере препятствовало избранию в меджлис представителей прогрессивных неимущих слоев.

Не случайно, что новый избирательный закон подвергся бурному обсуждению среди разных слоев иранской общественности и разных группировок меджлиса и дал повод для яростных споров, противоречивых толкований и оценок.

Надо отметить, однако, что избирательный закон, принятый правительством Мосаддыка, так и не был осуществлен, и, фактически, все еще сохранял силу с незначительными поправками избирательный закон 1911 г.¹²⁹

В сентябре 1952 г. был опубликован обширный законопроект «О выборах в городские и сельские советы и о независимости муниципалитетов»¹³⁰ (законопроект состоял из восьми частей и включал в себя 70 статей). Согласно законопроекту, в городах и сельских населенных пунктах с населением не менее 5 тыс. человек должны были создаваться советы и муниципалитеты (статья 1). Советы избирались сроком на четыре года прямым и тайным голосованием (статья 2). Работа советов контролировалась авторитетными ревизионными комиссиями (статья 10).

Закон во всех подробностях определял права и обязанности городских и сельских советов. Им доверялось решение очень важных местных задач, как, например, учет недвижимого и движимого имущества, доходов и расходов городов и поселков, установление годовых и дополнительных бюджетов муниципалитетов и подчиненных им учреждений. Советам вверялось также установление ассигнований на все предполагаемые строительные работы, осуществление и контроль над муниципальными проектами по созданию необходимых учреждений и заведений по благоустройству городов. Они наделялись также некоторыми юридическими функциями. К примеру, им вверялся контроль над исками, представленными городским муниципалитетом, а также защита исков, представляемых муниципалитетам.

Закон расширял рамки полномочий местных органов власти, предоставляя им возможности более самостоятельной и организованной деятельности. Однако правительством не были предприняты практические шаги для осуществления этого закона.

На втором этапе правления правительство национальной буржуазии предприняло целый комплекс мероприятий, направленных на оздоровление системы правосудия в стране.

В сентябре 1952 г. министерство юстиции Ирана подготовило и опубликовало два законопроекта, которые вскоре приобрели силу закона. Первый из них касался преобразования закона об устройстве на работу судей¹³¹. С целью упорядочения судебного дела закон предусматривал создание компетентной комиссии из пяти человек, которая в течение двух месяцев должна была определять степень годности судей, рекомендованных министерством юстиции. Комиссия была вправе дисквалифицировать судей, не соответствующих предъявляемым требованиям (статья 1).

Все степени, присужденные судьям до принятия данного закона, объявлялись недействительными, и отныне степени должны были присваиваться согласно установленному новым законом порядку (при этом зарплата судей, получавших новую степень, по размерам не должна была уступать прежней) (статья 3). Новым

законом предусматривалось повышение зарплаты работникам суда (статьи 9—11), что стимулировало бы их работу.

Для пополнения состава судей квалифицированными специалистами министру юстиции разрешалось приглашать на должность судей лиц, отработавших в прошлом не менее десяти лет в судебном аппарате и ныне занимающих должности в правительственных учреждениях, преподавателей юридических факультетов, а также лиц, окончивших школу политических наук или же получивших юридическое образование (статьи 4, 5). Согласно шестой статье закона, впредь судьи должны были избираться лишь из числа лиц с юридическим образованием. В случаях, когда количество претендентов превышало потребности министерства юстиции, выборы должны были проводиться путем конкурсов (статья 7).

Закон особо подчеркивал, что для соблюдения полной нейтральности решительно запрещалась принадлежность судебных должностных лиц к какой-либо политической партии или группировке (статья 14).

Согласно новому закону, суд, разбирающий нарушения законности со стороны судебной коллегии помимо своих обязанностей, **должен был** по требованию министерства юстиции следить за поведением судебных должностных лиц и в случае допущения с их стороны действий, несовместимых с авторитетом судей, привлекать к соответствующей ответственности согласно закону от дея месяца 1317 г. (декабрь 1938 г.—январь 1939 г.) (статья 18). Закон фактически предоставлял правительству большие возможности для избавления от представителей оппозиционных кругов в сфере правосудия. Благодаря предпринятым правительством мерам новый закон вскоре вступил в силу. По данным иранской прессы, уже к концу ноября 1952 г. от занимаемой должности были отстранены 225 судей¹³².

Другой законопроект, разработанный министерством юстиции, был направлен на ликвидацию все еще существовавших в Иране специальных судов¹³³. Согласно первой статье этого закона, суд, разбирающий должностные преступления, и его прокуратура ликвидировались, и их функции переходили к общим судам и прокуратурам. Все дела о должностных преступле-

ниях, по которым еще не были вынесены приговоры, исходя из характера преступления передавались тегеранскому суду по гражданским делам или же центральному суду по уголовным делам (статья 2). Дела, подвергшиеся лишь предварительному рассмотрению в прокуратуре судов, разбирающих должностные преступления, и не получившие пока окончательного приговора, а также дела, по которым вынесенные приговоры не были обнародованы, передавались тегеранскому гражданскому суду (статья 4).

Закон ликвидировал также финансовый суд и его прокуратуру, и впредь финансовые иски государства и частных лиц (за исключением отдельных вопросов, связанных с налогами) передавались в общие суды и разбирались в соответствии с общими законами и канонами (статья 5). Министерству юстиции разрешалось переводить в случае необходимости отдельных сотрудников прокуратуры финансового суда в министерство, сохраняя при этом их прежнюю зарплату (статья 8).

Закон ограничивал и деятельность военных трибуналов. Совершаемые военнослужащими преступления, не имеющие прямой связи с военными обязанностями и не являющиеся нарушением воинской дисциплины, отныне передавались на разбор в общие суды. Решения относительно временных судов военных властей и судов, действовавших в военное время, оставались в силе (статья 9). Осуществление законопроекта вверялось министерствам юстиции, национальной обороны и финансов (статья 14).

Длительное существование специальных судов в Иране не оправдывало себя. Их ликвидация уже сама по себе была прогрессивным явлением в том смысле, что система правосудия в стране становилась более компактной и единой и обеспечивалась гласность судебного разбирательства¹³⁴. Однако основной целью Мосаддыка было приобретение для правительства большей возможности активного воздействия на деятельность судов. К примеру, в условиях, когда иранские вооруженные силы, фактически, подчинялись шаху, Мосаддык надеялся использовать роспуск военных трибуналов для защиты при необходимости своих сторонников в армии от преследований шаха и военного коман-

дования, и одновременно избавиться от антиправительственно настроенных военнослужащих.

16 ноября 1952 г. премьер-министру был представлен на утверждение законопроект о роспуске прежнего состава верховного суда и суда по разбирательству нарушений законности со стороны судейской коллегии¹³⁵. Закон обязывал министерство юстиции в пятидневный срок после утверждения данного проекта распустить верховный суд и его прокуратуру, а также суд по разбирательству нарушений со стороны судебной коллегии и заменить их председателей и сотрудников. Таким путем правительству удалось бы вовлечь в эти суды большее число преданных ему лиц. 20 ноября был объявлен новый состав верховного суда¹³⁶. Как отмечала «Эттелаат», принятие этого законопроекта было «единственным реальным путем чистки верховного органа правосудия страны»¹³⁷.

В целях улучшения и упорядочения судебного производства во всей стране 30 октября 1952 г. был издан законопроект, устанавливающий количество и справедливое распределение судов по астанам и шахрестанам¹³⁸.

Важным мероприятием в области правосудия явилось провозглашение независимости ассоциации адвокатов от министерства юстиции¹³⁹. Согласно принятому законопроекту, ассоциация адвокатов впредь должна была сама ведать своими финансовыми и административными делами, и ей вверялась привилегия присуждения лицензий адвокатам¹⁴⁰.

Несмотря на столь характерную для внутренней политики Мосаддыка ограниченность и половинчатость этих мероприятий, тем не менее их осуществление гарантировало хотя бы частичное преобразование избирательной и судебной систем. Однако последующие события, которые свели на нет все достижения, завоеванные путем самоотверженной борьбы иранского народа, исключали также саму возможность осуществления этих мероприятий.

Еще в августе 1952 г. по непосредственной инициативе Мосаддыка была создана специальная комиссия в составе известных врачей (под председательством министра здравоохранения д-ра Фарманфармаяна), ко-

торой была поручена подготовка программы улучшения состояния здравоохранения в стране¹⁴¹. Разработанная в короткий срок программа, представленная в виде законопроекта на утверждение премьер-министру охватывала почти все важные области здравоохранения Ирана.

Первопричиной распространения в Иране многих инфекционных заболеваний и эпидемий, особенно в сельских местностях, являлось полное отсутствие питьевой воды. Следовательно, для предупреждения этих заболеваний в первую очередь предусматривались срочные меры по разрешению этой важной проблемы.

Для улучшения медицинского обслуживания населения комиссия считала необходимым расширить сеть медицинских учреждений, в частности основать лечебные центры в тех сельских местностях и провинциях, где они все еще отсутствовали, а также создать передвижные клиники для обслуживания кочевых племен. Предусматривалось также направить часть городского медицинского персонала в сельские местности и провинции на лечебную и санитарную работу. В некоторых районах и провинциальных центрах должны были создаваться специальные лаборатории для выявления фальшивых медикаментов и разрабатывались меры, направленные на пресечение практики изготовления и продажи лекарств частными лицами.

Предполагалось также установить в районных медицинских пунктах аппаратуру для диагностирования туберкулезных и раковых заболеваний, основать на местах санатории для больных туберкулезом, обеспечить их необходимым количеством медикаментов.

В программе отмечалась также важность распределения с должной пропорциональностью отчислений на фармацевтические нужды между сельскими местностями и провинциями.

На основе программы в ноябре 1952 г. министерство здравоохранения составило пятилетний план работы¹⁴² и собиралось сразу же после утверждения меджлисом бюджета здравоохранения приступить к его выполнению.

По плану предполагалось в текущем 1952 г. осуществить следующие мероприятия:

1. В разных провинциях страны создать 60 полностью укомплектованных медицинских пунктов.

2. Основать в районах 20 медицинских пунктов с больницами на 20 коек в каждом.

3. Создать в центрах астанов 10 смешанных клиник с терапевтическим, педиатрическим, глазным, стоматологическим и кожно-венерическим отделениями.

В плане предусматривалась также организация борьбы с эпидемическими заболеваниями—малярией, туберкулезом, трахомой и др. Намечалось и основание санаториев при финансовом содействии муниципалитетов.

В конце ноября «Эттелаат» сообщала, что в гиланском, мазандаранском и исфаганском шахрестанах уже начались работы по строительству туберкулезных санаториев¹⁴³.

27 мая 1953 г. правительство опубликовало законопроект «О порядке лечения и фармации»¹⁴⁴, направленный на улучшение и упорядочение постановки в стране здравоохранения. Согласно законопроекту, все виды частных медицинских учреждений—больницы, лаборатории, клиники, поликлиники, аптеки, инъекционные и перевязочные пункты—могли быть основаны только с разрешения министерства здравоохранения (статья 1).

Для того, чтобы оградить область здравоохранения от случайных лиц, устанавливались строгие меры наказания в случае устройства на работу в этой сфере без официального свидетельства о медицинском образовании, организации медицинского учреждения без ведома министерства здравоохранения, передачи документа о разрешении заниматься медицинской практикой другим лицам или же присваивания чужого документа (статья 3). Разрешение министерства здравоохранения требовалось и для занятия фармацевтической практикой (статья 17).

Без специального разрешения министерства здравоохранения запрещались ввоз и продажа некоторых медикаментов (сыворотки, антибиотиков и др.) (статья 14). Предусматривалось строгое наказание и в случаях продажи некачественных лекарств, нарушения установленных дозировок (статья 18) и т. д.

Для осуществления намеченных в области здравоохранения преобразований правительство сочло необходимым увеличить бюджет министерства здравоохранения на 1953 г.¹⁴⁵ Это решение правительства было утверждено меджлисом 11 мая 1953 г.¹⁴⁶, а уже в конце июня министр здравоохранения Ирана Малекі сообщил на пресс-конференции о первых, пока еще небольших, но вполне определенных успехах, достигнутых на пути улучшения состояния здравоохранения¹⁴⁷.

Бюджет 1953 г. предусматривал также увеличение на 2 млн. риалов отчислений на нужды просвещения¹⁴⁸.

По указанию Мосаддыка в феврале 1953 г. была организована специальная комиссия в составе Шаегана, Моаземи, Санджаби, министра просвещения Азера, председателя бюджетной комиссии Анвари и заведующего канцелярией министра просвещения Реджаи¹⁴⁹. В задачу комиссии входила разработка законов, направленных на реформы в области народного образования¹⁵⁰. Примечателен представленный комиссией законопроект «О преобразовании и усовершенствовании народного образования», утвержденный Мосаддыком и опубликованный 15 февраля 1953 г.¹⁵¹

По первой статье этого закона министерству просвещения предоставлялось право повышать зарплату тем учителям начальных школ, которые наряду со свидетельством о среднем образовании имели и диплом педагогического училища или вуза. Учителя начальных школ, имеющие степень лиценциата высшего учебного заведения и пятилетний стаж педагогической работы, после сдачи соответствующего экзамена получали право на преподавание в средней школе (статья 2). Министерству разрешалось присуждать степени внештатным учителям, имеющим семилетний стаж преподавания в государственных школах (статья 5). Министерству просвещения на 10 лет предоставлялось право посылать педагогов за границу (сроком на два года) для повышения квалификации с полным сохранением зарплаты.

Закон обеспечивал учителям с высшим образованием получение соответствующей их уровню зарплаты, а также стабилизировал положение около 12 тыс. вне-

штатных учителей Ирана, предоставляя им возможность приобрести степень и постоянную работу¹⁵².

Значительно возросло число школ. В 1952/53 гг. в Иране имелось 5 675 начальных и 465 средних школ (в 1947/48 гг.—соответственно, 3 224 и 283)¹⁵³. Увеличилось также число учеников и преподавателей. В 1952/53 гг. число учеников начальных школ составляло 1 629 819 чел. (в 1947/48 гг.—124 332), средних школ—101 140 (в 1947/48 гг.—36 331)¹⁵⁴. Общее число преподавателей начальных и средних школ в 1952/53 гг. составляло 28 775 чел. (в 1947/48 гг.—15 447)¹⁵⁵.

Деятельность правительства национальной буржуазии в разных сферах внутренней жизни страны и принятые им мероприятия по самому своему характеру и целям были ограниченными и не могли удовлетворить широкие народные массы.

Проведению Мосаддыком более прогрессивной внутренней политики в большой мере препятствовала и сложившаяся в стране определенная ситуация. Местные реакционные силы и иностранный империализм, сохранившие, особенно в меджлисе, сильные позиции, оказывали постоянное давление на Мосаддыка и, фактически, контролировали его деятельность. С другой стороны, Мосаддыку так и не удалось стабилизировать взаимоотношения с демократическими силами страны и заручиться их поддержкой для осуществления в стране позитивных преобразований. Именно вследствие этих причин проведение в жизнь даже ограниченных мероприятий правительства Мосаддыка в большинстве своем становилось невозможным.

ГЛАВА 3

ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА НАЦИОНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ В ОТНОШЕНИИ ШАХА И ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ СТРАНЫ

Приход национальной буржуазии Ирана к власти не поколебал позиций шахского двора, и доминирующая роль в политической жизни страны по-прежнему принадлежала шаху. Это было обусловлено тем, что господствующим кругам страны, встревоженным рас-

ширением и распространением всенародного движения и возможной перспективой установления республики в Иране, была наруку неприкосновенность монархии. Помимо того, в сохранении власти шаха в высшей степени был заинтересован иностранный империализм, поскольку политика «позитивного национализма» шаха Мохаммеда Реза Пехлеви была весьма созвучна их интересам и открывала широкие перспективы для осуществления их далеко идущих планов в отношении Ирана.

Шах и его двор с самого начала прихода Мосаддыка к власти были неблагосклонны к нему. Известно, что шах не препятствовал Мосаддыку занять пост премьер-министра под непосредственной угрозой дальнейшего расширения национально-освободительного движения и лишь будучи уверен в его скором свержении¹. В течение всего периода правления Мосаддыка шахский двор оставался основным центром антиправительственной деятельности реакционных сил. Позиция шаха в отношении правительства Мосаддыка определялась крайней противоположностью их политических и экономических концепций и преследуемых ими целей.

Политика Мосаддыка основывалась на принципе «негативного равновесия», предполагавшем сохранение нейтралитета Ирана и обеспечение, тем самым, его политической и экономической независимости. Необходимой предпосылкой осуществления этого принципа Мосаддык считал национализацию нефтяной промышленности Ирана и последовательно, самоотверженно боролся за достижение этой цели. Подобная политика, направленная на освобождение страны от влияния иностранного, в частности английского, империализма и на независимое развитие страны, тенденциозно и явно несправедливо названное реакционными и проимпериалистическими кругами «негативным национализмом», являлась антитезисом прозападной политики «позитивного национализма», которую проводили шах и господствующие круги Ирана. «...Так называемая «негативная политика» Мосаддыка,—пишет А. Аванесян,—...была негативной по отношению к империалистам и положительной с точки зрения национальных интересов иранского народа. «Позитивный национализм» шаха

является положительным для империалистов и негативным с точки зрения национальных интересов Ирана»².

Суть иранского «позитивного национализма», инициатором которого являлся далеко не шах, и который применялся прежними правительствами Ирана, заключается, по определению американского автора Л. Биндера, в следующем: «...Иран должен сотрудничать со странами, предлагающими ему свою помощь. Иран не должен придерживаться чистого нейтрализма... Иран не должен предпринимать смелых социальных мероприятий, таких, как конфискация помещичьих земель и национализация крупных предприятий. Прогресс должен быть запланированным—медленным и прочным. И тем более Иран не должен изменять или смещать унаследованные им институты, которые представляют все то, что позитивно и достойно национальной культуры»³.

Не отходя от принципов классического «позитивного национализма», шах формулирует свой «позитивный национализм» следующим образом: «Позитивный национализм означает, что мы подписываем соглашения, исходя из наших собственных интересов, независимо от политики, проводимой странами, с которыми мы заключаем договоры и союзы... Мы вступим в союз со всеми странами, исходя только из контекста нашей политики откровенной выгоды. Такая политика представляет нам большую свободу действий, позволяя пользоваться техническими достижениями и знаниями каждой из этих стран. Таким образом, мы становимся более сильными и обеспеченными, построив новый и возрожденный Иран»⁴. Характеризуя национализм шаха, американский автор Дж. Ленцовски как бы уточняет круг стран, с которыми шах пытался «вступить в союз». «Национализм шаха,—пишет он,—...стремился не только к сильному и независимому Ирану, но и к тесным связям между Ираном, Соединенными Штатами и их западными друзьями...»⁵.

Избранная шахом политика, претендовавшая на обеспечение для Ирана «...максимальной политической и экономической независимости, соответствующей интересам страны»⁶, на деле больше соответствовала интересам иностранного, в частности, американского империа-

лизма, так как фактически ставила Иран в полную зависимость от него.

Шах подвергает критике «негативный национализм» Мосаддыка в его внешней политике и, в частности, в нефтяном вопросе, считая такой политический принцип иррациональным, порожденным лишь излишними эмоциями Мосаддыка. При этом, чтобы подчеркнуть «отвлеченность» и «нежизненность» политической концепции Мосаддыка, шах приписывает ему некую романтичность. Такая тенденция присуща и буржуазной историографии. Э. Хойт, к примеру, пишет: «Мосаддык, кажется, добивался невообразимой в 1950 г. независимости—возврата Ирана в девятнадцатый век,—гордый, но повергнутый в бедность»⁷.

Шах представляет дело таким образом, будто он сам являлся сторонником и даже инициатором принятия закона о национализации нефти, однако в отличие от Мосаддыка, трезво и реально оценив ситуацию, убедился, что в существующих условиях проведение в жизнь закона нецелесообразно, так как Иран не в состоянии эксплуатировать свои собственные ресурсы, и что необходимо довольствоваться признанием английским правительством и компанией факта национализации, пойти на переговоры с англичанами с целью добиться максимальных уступок для Ирана⁸.

Концепцию ошибочности нефтяной политики Мосаддыка развивают буржуазные авторы. Р. Коттам, к примеру, нецелесообразность осуществления закона о национализации нефти, помимо известных «доводов», аргументирует еще и тем, будто присутствие в Иране слабой Англии не представляло угрозы для Ирана и что «атавистическая точка зрения Мосаддыка на британское влияние в Иране и на Среднем Востоке мешала ему понимать, что сражение было выиграно как только Британия согласилась с принципом национализации нефти»⁹.

Таким образом, не является неожиданностью тот факт, что шах не мог примириться с упорным сопротивлением Мосаддыка попыткам осуществления империалистических программ «разрешения» нефтяного конфликта, проявлением им «твердости, а не гибкости»¹⁰ в этом вопросе. Шах выражает искреннее сожа-

ление по поводу того, что «попытки, предпринятые Советом Безопасности ООН, Международным банком и Международным судом, президентом Трумэном, а затем и президентом Эйзенхауэром, а также рядом международных учреждений и связанных с ними официальных лиц найти способ устранения противоречий, оказались тщетными, поскольку... придерживающийся негативной политики Мосаддык устранил всякую возможность соглашения»¹¹. «Я посоветовал Мосаддыку пойти на дружественное урегулирование,—заявил шах в своем интервью индийскому журналисту Р. Каранджия,—однако он оставался непреклонным до конца, и в конце концов переговоры провалились...»¹².

Шах был убежден, что таким путем Мосаддык умышленно обрекал экономику страны на развал, подготавливая тем самым благоприятную почву для иностранного проникновения. «Негативная политика Мосаддыка,—пишет шах,—явилась причиной большой политической и экономической неразберихи и дезорганизации...»¹³. «Правительство Мосаддыка грубыми выступлениями против иностранцев и своей негативной политикой стало причиной беспрецедентного влияния англичан в нашей стране...»¹⁴. (В действительности же выступления Мосаддыка против иностранцев, в данном случае против Англии, не только не привели к «беспрецедентному влиянию Англии» в Иране, а напротив, еще больше усилили всенародную борьбу против английского империализма).

Одной из грубых и непростительных ошибок Мосаддыка шах считал то, что он прекратил отношения с крупными иностранными компаниями и сделал попытку вывести иранскую нефть на международный рынок самостоятельно, отказавшись от «помощи» иностранных держав. «...Мосаддык, с одной стороны, порвал отношения со всеми крупными компаниями и фирмами,—пишет шах,—и, с другой стороны, не предпринял эффективных мер для транспортировки и продажи нефти... поставив себя в безвыходное положение»¹⁵. Эту «фатальную ошибку» Мосаддыка неоднократно с досадой отмечают и многие буржуазные авторы. Ф. Сахебджам, к примеру, пишет: «Мосаддык не хотел признавать, что лишь согласие с крупными англо-амери-

канскими компаниями могло бы предотвратить превращение иранской нефти в мертвое сокровище»¹⁶.

Всячески акцентируя якобы ошибочную позицию Мосаддыка в отношении нефтяных компаний, шах, естественно, замалчивает подлинные причины трудностей, вставших перед Ираном в период и после национализации нефти, а именно—политику бойкота и репрессий, применявшуюся в отношении Ирана англо-американскими империалистами.

При подобной принципиальной противоположности концепций Мосаддыка и шаха попытка отрицать существование между ними конфликта в вопросе национализации нефти¹⁷ является чистой выдумкой и явной фальсификацией.

Будучи заинтересован в империалистическом «урегулировании» нефтяного конфликта и всячески способствуя его осуществлению, шах, одновременно, собирався поставить в зависимость от иностранного империализма также экономику Ирана. Известно, что он хотел «спасти» экономику своей страны с помощью США, в частности, путем составленного американскими империалистами Семилетнего плана развития Ирана, являвшегося, в действительности, более чем удобным способом проникновения США в экономическую жизнь Ирана и осуществления своей империалистической политики.

Свое откровенное пристрастие к Западу и желание подчинить ему Иран шах пытался выдать за истинный патриотизм, за стремление обновить и модернизировать Иран. Выставляя себя поборником прогресса Ирана, его экономического развития и независимости, шах в то же время характеризует Мосаддыка как ретрограда, ярого противника радикальных и вообще каких-либо позитивных перемен в политической, социальной, экономической и культурной жизни страны. Такая тенденция широко распространена и в буржуазной историографии, при этом именно «прогрессивность» шаха и «реакционность» Мосаддыка (что в основном преподносится как традиционный конфликт между новым и старым поколениями!) выдается как основное противоречие, существовавшее между монархом и премьером. Р. Сангви, к примеру, борьбу между шахом и Мо-

саддыком фактически сводит к тому, что шах стремился к модернизации (т. е. к вестернизации) Ирана, а Мосаддык, исходя из своих классовых понятий, считал это изменой и был против¹⁸. Эта чрезвычайно выгодная для ее авторов концепция позволяет не только изображать шаха трогательно озабоченным судьбами своей родины патриотом, но и обходить принципиальные противоречия, существовавшие между ним и Мосаддыком.

Шах выражает досаду по поводу того, что Мосаддык, не сумев оценить по достоинству его «патриотические» устремления, полагал, что акт модернизации равносильно измене и осуждал шаха как изменника.

Одним из самых опасных для Ирана проявлений негативизма Мосаддыка шах считает его позицию по отношению к Соединенным Штатам, отсутствие у него особого воодушевления и энтузиазма в отношении их политики в Иране.

Как шахом, так и его приверженцами «реакционность» Мосаддыка объясняется, в основном, его происхождением. «Как отпрыск старой земельной аристократии,—пишет Р. Сангви,—Мосаддык был реакционером с социальной и политической точек зрения... Он хотел защитить экономические и социальные привилегии, доставшиеся ему и его классу от старой системы землевладения... Страх перед модернизацией, что в случае Ирана означает вестернизацию, разжигал его ненависть против Запада. Подобный отсталый подход к перемене явился прямым следствием его инстинктивной приверженности интересам своего класса»¹⁹.

Стремясь же показать «прогрессивность» политики шаха, буржуазные авторы стараются по мере возможности отдалить его интересы от интересов реакционного класса крупных землевладельцев. «Они (крупные землевладельцы.—А. С.) ,—пишет тот же Р. Сангви,—всегда воспринимали политическую философию шаха с сомнением, и многие из них надеялись, что радикальные идеи шаха исчезнут, как только пройдет его юношеский энтузиазм»²⁰.

Шах был крайне встревожен «благосклонностью» Мосаддыка к НПИ, их открытым сближением особенно в последний период политической карьеры Мосаддыка, что, по мнению шаха, создало реальную опасность рас-

траспоранения в Иране коммунизма. Извращая сущность политических концепций Мосаддыка и его взаимоотношений с НПИ, шах старается доказать, что Мосаддык «капитулировал перед коммунистами и хочет подчинить им Иран»²¹.

Шах обвиняет Мосаддыка в постоянной, интенсивной антимонархической деятельности, в том, что он якобы, войдя в союз с коммунистами, стремится к уничтожению в Иране шахского института и учреждению республики²². Подобное нарочитое искажение намерений Мосаддыка присуще также тем буржуазным авторам, которые по тому или иному поводу обращались к вопросу взаимоотношений Мосаддыка с шахом. Д. Вильбер, к примеру, пишет: «С 29 апреля 1951 г. до 19 августа 1953 г. д-р Мосаддык находился на посту премьер-министра и все это время наряду с другими действиями проводил стабильную кампанию против монархии... Несомненно, его конечной целью было установление в Иране республики, и он двигался к этой цели, разрушая королевскую власть»²³. «Провозглашенное в период правления Мосаддыка требование о том, что шах должен царствовать, а не управлять,—пишет Л. Биндер,—в действительности является не чем иным, как первым шагом по направлению к республиканству и диктатуре»²⁴. Такая инсинуация не является неожиданностью, поскольку продиктована стремлением оправдать явную антиправительственную деятельность шаха, представив ее только как ответную реакцию на политику давления, якобы оказываемую на него правительством Мосаддыка.

Однако изучение материалов позволяет говорить лишь о наличии антишахских тенденций в политике Мосаддыка, но вовсе не о его реальных намерениях установить в Иране республику.

Известно, что в своей политике в отношении шаха Мосаддык следовал принципу «шах должен царствовать, а не управлять»²⁵, целью которого было ограничение власти шаха, а не упразднение монархии вообще, как нередко это представляют шах и буржуазные авторы. В начале довольно инертная и робкая, эта политика Мосаддыка в процессе развития стала смелой

и наступательной, что, в частности, выразилось в ряде антишахских акций.

Первую серьезную попытку противодействовать шаху Мосаддык предпринял в январе 1951 г., когда шах объявил о своем намерении «раздать» крестьянам унаследованные от отца земли²⁶. Подлежащие разделу земельные участки составляли 120 тыс. га²⁷. В действительности же эти земли не раздавались, а продавались арендаторам за 80% от их стоимости²⁸. Оплата должна была производиться в виде ежегодных взносов в течение 25 лет²⁹. Этот акт, проводимый будто бы для разрешения в стране аграрной проблемы и поднятия жизненного уровня крестьян³⁰, на самом деле имел целью предотвратить развитие крестьянского движения, а также упрочить социальную опору монархии в деревне путем укрепления кулацких хозяйств.

Согласно официальным данным, в первый же год после раздачи земель доходы арендаторов более чем удвоились³¹.

В августе 1952 г. администрация «4-го пункта Трумэна» совместно с управляющим шахскими имениями разработала план осуществления земельного декрета шаха. Администрация «4-го пункта», весьма заинтересованная в проведении декрета, немедленно предоставила шахскому банку³², учрежденному непосредственно в связи с декретом о продаже земель, 500 тыс. долларов³³. Однако Мосаддык воспротивился вышеуказанному мероприятию шаха под тем предлогом, что правительство не в состоянии обеспечить одинаковые условия всем крестьянам, желающим покупать земли³⁴, и что его проведение испортило бы взаимоотношения между остальными землевладельцами и их арендаторами³⁵.

Такая позиция Мосаддыка обычно мотивируется лишь тем, что он, будучи сам крупным землевладельцем, естественно, был заинтересован в сохранении старых порядков. Исходя из принципов внутренней политики Мосаддыка вообще, можно утверждать, что Мосаддык выступил против продажи шахских земель прежде всего из стремления помешать упрочению позиций и влияния шаха в деревне.

Наиболее существенным и важным шагом Мосаддыка, направленным на ограничение шахской прерога-

тивы, была попытка изъятия из-под шахского контроля вооруженных сил и приобретение шестимесячных чрезвычайных полномочий, что было воспринято шахом и его приверженцами как прямая угроза изолировать шаха от власти и как решительный шаг, направленный на установление республики в Иране.

В первый период правления Мосаддыка иранская армия, игравшая большую роль в политической жизни страны, фактически находилась в полном подчинении двора и действовала независимо от правительства. При таком положении вещей не случайно, что ее действия не только были совершенно противоположны общему курсу политики Мосаддыка, но и, направляемые шахом, нередко обращались против правительства. Для того, чтобы ослабить силы оппозиции, усмирить ее сопротивление и сохранить свои позиции, Мосаддыку было жизненно необходимо сконцентрировать в своих руках также военную власть.

16 июля 1952 г. Мосаддык вступил в переговоры с шахом по вопросу вооруженных сил, о содержании которых «Бесу-йе аянде» писала: «...На прошлой неделе между Мосаддыком и шахом произошел конфликт по поводу руководства военным министерством. Шах находил, что, согласно принципу верховного командования войсками, выбор военного министра является его обязанностью. Мосаддык же, опираясь на принципы совместной ответственности министров и на другие доктрины конституции, хотел захватить должность военного министра»³⁶.

Шах категорически отверг это требование Мосаддыка, но не потому, что уступил нажиму военного командования, как представляет Л. П. Элвелл-Саттон³⁷. Власть шаха в основном поддерживалась именно благодаря его неограниченному влиянию в армии, и он, естественно, не мог допустить усиления там позиций правительства. Что же касается руководящих армейских чинов, то они решение шаха встретили с одобрением, так как традиционно являлись приверженцами сильной монархии и были заинтересованы в сохранении влияния шаха в армии.

Вечером того же дня Мосаддык направил шаху письмо, в котором осведомил его о своем уходе в от-

ставку и изложил мотивы такого решения. В письме Мосаддык намекал на то, что его правительство не пользуется доверием шаха и что позиция шаха идет в разрез с национальными интересами Ирана. «Исходя из опыта предыдущего правительства, я пришел к заключению,—писал Мосаддык в упомянутом письме,— что в такое напряженное время для успешного исхода дела необходимо, чтобы я принял на себя обязанности военного министра. Но это не получило одобрения Вашего величества. Без сомнения, будет лучше, если будущее правительство составит человек, вполне заслуживающий доверия и способный выполнять все приказания шаха. В нынешней ситуации успешное завершение борьбы, начатой иранским народом, невозможно»³⁸.

Шах, как и следовало ожидать, не преминул принять отставку Мосаддыка и тотчас же выдвинул на пост премьер-министра известного реакционера Кавама эс-Салтане³⁹.

Вечером 17 июля состоялось закрытое заседание меджлиса, на котором присутствовало 42 депутата⁴⁰ (кстати, 28 депутатов—сторонников Мосаддыка, заседание бойкотировали)⁴¹. При поддержке 40 депутатов и при двух воздержавшихся меджлис утвердил на пост премьер-министра Кавама эс-Салтане⁴². Не излишне упомянуть, что эта церемония полностью противоречила конституции, согласно которой выборы премьер-министра могли происходить при обязательном участии не менее 3/4 депутатов меджлиса⁴³.

О причинах выдвижения на пост премьера кандидатуры Кавама эс-Салтане существуют разные предположения. Так, Ф. Сахебджам считает, что для замены Мосаддыка шах выбрал именно Кавама, убежденный, что он будет «бороться против коммунистов и поведет Иран в лагерь Запада»⁴⁴. По мнению же Э. Хойта, шах, назначив Кавама на пост премьера, надеялся, что он привлечет в правительство одновременно представителей духовенства, средних слоев и помещиков⁴⁵. Исходя из конкретной ситуации того времени, надо полагать, что такой выбор прежде всего был продиктован желанием шаха угодить американским империалистам и одновременно обнадежить Англию в отношении реального, скорейшего разрешения нефтяного конфликта.

В своем воззвании к иранскому народу новый премьер обещал урегулировать нефтяную проблему так, чтобы «...полностью обеспечивались моральные и материальные интересы Ирана, и чтобы при этом не образовалась какая-либо трещина во взаимоотношениях двух стран (Англии и Ирана.—А. С.)»⁴⁶. Кавам одновременно заявлял: «Нефтяная проблема, особенно в последний год... дала повод беспрецедентным эксцессам... Горе тому, кто попытается препятствовать проведению мною преобразований, будет стоять поперек моего пути или же нарушит общественный порядок. Такие бунтари встретят самый жестокий отпор»⁴⁷. Содержание призыва явственно показывало, какой именно путь «решения» нефтяной проблемы собиралось избрать будущее правительство Кавама и кому были адресованы его откровенные угрозы.

Достаточно определенной была также экономическая концепция нового премьера. На вопрос своего заместителя Х. Арсанджани, каким образом он намерен вывести страну из экономического кризиса, Кавам, не колеблясь, ответил: «Кризис меня не беспокоит... С американцами поговорили. Завтра посетит меня американский посол, чтобы дать ответ на наши экономические просьбы. Кроме того, обещали (Соединенные Штаты.—А. С.) оказывать нам всякое содействие»⁴⁸. Кавам сообщал, что правительство Англии также изъявило готовность оказать Ирану помощь⁴⁹.

Разумеется, американские и английские господствующие круги отреагировали на назначение Кавама с большим удовлетворением, красноречивым свидетельством чего был хотя бы тот факт, что американский посол в Иране Л. Гендерсон одним из первых поздравил Кавама в связи с избранием его на пост премьер-министра⁵⁰. «Мы рады по поводу создания нового правительства»,—поспешил сообщить представитель отдела печати английского правительства на пресс-конференции⁵¹. Английская газета «Санди Таймс» отмечала, что с правительством Кавама в Лондоне связывают большие надежды и убеждены, что характер переговоров о нефти изменится и что между Ираном и Англией установятся самые лучшие взаимоотношения⁵².

Широкие массы иранского народа выступили против нового премьера. 18—21 июля Иран бурлил. В Тегеране, Абадане, Исфагане, Казвине, Ширазе, Реште и в других местах многотысячные демонстранты требовали возвращения Мосаддыка к власти⁵³.

Народные выступления были направлены не только против правительства Кавама и иностранного влияния в Иране, но и против шаха, в лице которого народ видел основного инициатора и организатора предательского заговора⁵⁴.

Любопытно отметить, что в буржуазной историографии всячески отрицается антимонархический аспект всенародного движения, а факт антишахских выступлений преподносится лишь как случайность, как результат агитации «левых» элементов. С целью же показать лояльность большинства иранцев к шаху, неоднократно подчеркивается широкая популярность среди иранского народа монархических традиций и института шаха.

Под давлением народного движения 21 июля Кавам был вынужден уйти в отставку⁵⁵.

Утром 22 июля состоялось чрезвычайное заседание меджлиса с участием 64 депутатов⁵⁶. Премьер-министром вновь стал Мосаддык, набравший 61 голос⁵⁷.

В связи с возвращением Мосаддыка к власти шах пишет: «30 тира (21 июля.—А. С.) во избежание гражданской войны я вынужденно согласился с предложенными Мосаддыком условиями и вновь назначил его премьер-министром»⁵⁸. По признанию шаха, при сложившейся в то время в Иране определенной внутрисполитической ситуации иного выхода он не видел⁵⁹.

Помимо шестимесячных чрезвычайных полномочий, Мосаддыку удалось вопреки воле шаха добиться также поста военного министра⁶⁰. Тем не менее, до конца правления власть Мосаддыка над вооруженными силами Ирана оставалась лишь номинальной.

Анализ проблемы позволяет указать на основные причины безуспешности политики Мосаддыка, направленной на завоевание лояльности армии.

Известно, что командный состав иранских вооруженных сил традиционно являлся промонархическим и проамериканским. Следовательно, с фактическим изъятием армии из-под подчинения шаху Мосаддык должен

был без промедления осуществить ее чистку, в первую очередь полностью заменить ее реакционный, антиправительственный и проимпериалистически настроенный руководящий состав. Однако при существующем положении вещей меры, принятые Мосаддыком в этом направлении, оказались крайне недостаточными.

Мосаддык довольствовался лишь заменой некоторых старых офицеров молодыми из числа своих фаворитов и увольнением ряда реакционных генералов (в течение двух месяцев были уволены 25 генералов)⁶¹. Однако руководство армией по сути дела оставалось в руках реакционных элементов, что сохраняло традиционную ориентацию иранской армии и обеспечивало возможность самого активного вмешательства шаха в дела армии. Более того, уже сама робкая инициатива Мосаддыка осуществить изменения в составе армии, которая, по существу, оказалась бесполезной и безрезультатной, вызвала недовольство среди армейских офицеров и еще больше усилила их антиправительственные настроения. В таких обстоятельствах вовсе не удивительно, что сразу же после возвращения Мосаддыка к власти офицеры-роялисты, оставленные на своих постах, возобновили свою заговорщическую деятельность, направленную на свержение Мосаддыка. Уже 4 августа газета «Сетаре» сообщала, что в окрестностях Тегерана группа офицеров—противников Мосаддыка, периодически организывает собрания и «ждет удобного повода»⁶² для антиправительственных действий.

Фактически ничего не менял и перевод Мосаддыком большого количества военнослужащих из армии в жандармерию, которая находилась под его непосредственным контролем. Военное министерство было переименовано в министерство национальной обороны, что, естественно, совершенно не меняло его сути.

Мосаддык мог бы в какой-то мере завоевать расположение армии путем улучшения материального положения военнослужащих. Однако в период его правления сохранялась низкая зарплата солдат и офицеров, что оказалось немаловажным фактором, стимулирующим их враждебность к правительству.

И, наконец, на настроения вооруженных сил Ирана постоянно воздействовала антиправительственная

редь выразилось, как отмечалось, в смещении ряда офицеров и генералов, находившихся в тесных связях со двором.

И, наконец, Мосаддык выразил намерение поставить под контроль правительства унаследованные шахом имущества и использовать их доходы на финансирование экономики страны⁶⁹.

Уже в конце февраля взаимоотношения шаха и Мосаддыка были настолько натянуты, что возникла необходимость составить комиссию (из семи представителей меджлиса) для разбора и устранения существующих между ними противоречий⁷⁰.

В такой момент инсценировка выезда шаха из Ирана, тем более с вышеупомянутой мотивировкой, была направлена на то, чтобы скомпрометировать Мосаддыка перед иранской общественностью, вызвать раздражение против него среди определенных слоев населения, склонив их на сторону шаха, и, наконец, создать соответствующую атмосферу для государственного переворота. Об этом свидетельствуют бурные антиправительственные демонстрации, организованные единомышленниками шаха — партиями «Сумка», «Арня» и др. 28 февраля и в последующие дни⁷¹. В эти дни активную роль сыграли высшие военные чины и отставные офицеры, которые с ведома армейского командования совершили нападение на дом Мосаддыка с явным намерением убить его⁷². Во время этих событий в поддержку шаха выступили также сторонники Кашани и Багаи, опасаясь, что отсутствие шаха создаст в стране благоприятные условия для дальнейшего укрепления позиций Мосаддыка и для деятельности прогрессивных сил. Известно, что Кашани от имени меджлиса уговаривал шаха отказаться от поездки⁷³. В воззвании к иранскому народу он призывал представителей всех классов и слоев тегеранской общественности объединиться и совместными усилиями не допустить выезда шаха из Ирана⁷⁴.

Но и на этот раз удалось предотвратить надвигавшийся переворот лишь благодаря мощному, массовому сопротивлению прогрессивных сил страны, оказанному шаху и его сторонникам⁷⁵. В начале марта правительство по обвинению «в участии в антиправитель-

ственных демонстрациях»⁷⁶ арестовало и осудило большую группу отставных генералов и офицеров. В числе арестованных были генералы Моанини, Шахбахти, Гиланшахр, полковники Хакими, Нагди и др.⁷⁷ За свои тесные связи с отставными офицерами, антиправительственную деятельность и за попытку свергнуть правительство был арестован также генерал Захеда⁷⁸. Предстали перед судом многие члены партии «Сумка» и редакторы газет «Дад», «Мард-е Асия», «Сийасат-е ма», выступившие против правительства⁷⁹. Мосаддык уволил начальника штаба армии Махмуда Бахармаста и назначил на его место Таги Рияхи⁸⁰.

5 марта на чрезвычайном заседании меджлиса была избрана специальная комиссия из восьми человек, известная как «комиссия восьми», которой было поручено исследовать мотивы противоречий, возникших между шахом и премьер-министром, и найти способы их устранения⁸¹. 12 марта комиссия обнародовала свой отчет, в котором единственной причиной разногласий между шахом и Мосаддыком представлялась разная интерпретация ими конституционных доктрин о правах правителя (шаха) и правительства на руководство вооруженными силами⁸².

Исходя из 35, 44 и 45 параграфов Дополнения к Основному закону, согласно которым ответственность за государственные дела несет не шах, а министры и совет министров⁸³, комиссия заключила, что руководство гражданскими и военными делами, а также ответственность за них возлагается не на монарха, а на совет министров и лично на министров⁸⁴, «...которые несут коллективную и индивидуальную ответственность перед меджлисом»⁸⁵.

Таким образом, комиссия своим заключением о необходимости возложить ответственность за руководство вооруженными силами целиком на военного министра лишний раз официально утвердила неограниченные права Мосаддыка.

По причине отсутствия в меджлисе кворума ратификация решения комиссии долгое время затягивалась. Наконец, 24 мая оно было одобрено меджлисом (при 54-х—за и двух воздержавшихся)⁸⁶ и получило силу закона⁸⁷.

Этот акт окончательно разрушил иллюзии шаха и в какой-то мере ускорил осуществление запланированного вместе с иностранными империалистами заговора против правительства Мосаддыка.

* * *

29 апреля 1951 г. 16-й созыв меджлиса утвердил Мосаддыка на пост премьер-министра, несмотря на то, что число его сторонников в меджлисе насчитывало лишь 8 человек⁸⁸.

Этот, казалось бы, парадоксальный акт в данной ситуации был вполне обоснован и понятен, поскольку размах и ожидаемые последствия развернутого против Англо-иранской нефтяной компании всенародного движения, а также широкая популярность Мосаддыка и горячая симпатия к нему создали в стране такую атмосферу, при которой открытое сопротивление меджлиса могло бы привести к нежелательным результатам.

Следует учесть также, что в приходе Мосаддыка к власти был весьма заинтересован американский империализм, который через своих сторонников в меджлисе способствовал формированию нового правительства.

Однако уже с самого начала откровенная обструкционистская политика меджлиса приняла такие размеры, что Мосаддык был готов отказаться от поста премьер-министра⁸⁹. Не вызывает сомнения тот факт, что это намерение было непосредственно продиктовано возникновением против него оппозиции в меджлисе. Обстоятельно изложив основные мотивы своей отставки на заседании НФ, Мосаддык сказал: «Я принял на себя обязанности премьер-министра с тем, чтобы сделать действительно полезное дело для страны и, в первую очередь, разрешить проблему нефти и осуществить основную цель Национального фронта—добиться свободы выборов и печати и упразднения военного положения. К сожалению, выяснилось, что осуществление хотя бы самых минимальных преобразований в 16-м меджлисе является иллюзией... Бойкот и безобразные действия со стороны меньшинства 16-го меджлиса лишают меня возможности управлять далее...»⁹⁰.

Разумеется, Мосаддык возлагал большие надежды на выборы в меджлис 17-го созыва, которые начались

в январе 1952 г. Хотя он считал себя сторонником свободных выборов, о чем неоднократно заявлял и за что боролся⁹¹, однако, исходя из сложившейся тяжелой и безвыходной ситуации, был вынужден изменить своим принципам и всеми средствами повлиять на ход выборов. Мосаддык при этом преследовал определенную цель—вовлечь в меджлис как можно больше своих единомышленников, очистить его от реакционных, оппозиционных правительству элементов и таким образом создать в меджлисе атмосферу, способствующую деятельности правительства.

Благодаря максимальным усилиям и открытому вмешательству правительства на тегеранских выборах все кандидаты Национального фронта прошли в меджлис⁹². В сельских местностях, где результаты выборов не удовлетворяли правительство, они были временно приостановлены, а уже состоявшиеся—аннулированы.

Методы Мосаддыка, при всей своей неприемлемости, в создавшейся в стране внутриполитической и внешнеполитической своеобразной обстановке были в какой-то степени мотивированы. Однако вследствие такой политики одинаково пострадали и кандидаты НПИ, и то обстоятельство, что их избрание в меджлис было затруднено, в дальнейшем имело для Мосаддыка самые отрицательные последствия. Помимо того, что Мосаддык лишился их поддержки в новом созыве меджлиса, оно послужило существенным фактором, надолго спортившим их взаимоотношения. В то же время следует отметить, что при полном отсутствии стабильности в отношениях правительства и Народной партии и в отношении принципиальных противоречий таковое положение вещей в тот момент становилось почти неизбежным.

В апреле меджлис 17-го созыва приступил к работе. Однако вскоре и в этом созыве, по справедливому заявлению Мосаддыка, выявилась оппозиция против него, которая изо дня в день все более возрастала и крепла, и почти все мероприятия Мосаддыка сталкивались с ее сопротивлением. (Р. Коттам пишет, что из 69 депутатов меджлиса лишь 25 оказались вполне надежными для Национального фронта. Большинство же с са-

мого начала находилось в тайной оппозиции против Мосаддыка)⁹³.

13 июля 1952 г. Мосаддык предъявил меджлису требование о предоставлении ему шестимесячных чрезвычайных полномочий⁹⁴, имея целью вывести страну из экономического кризиса путем внутренних реформ⁹⁵. Однако как в меджлисе, так и в сенате это требование столкнулось с серьезными разногласиями. Если причиной противодействия некоторых депутатов являлось лишь недоверие к возможностям Мосаддыка и беспокойство, что подобный прецедент послужит дурным примером для будущих правительств, то подавляющее большинство депутатов предоставление Мосаддыку чрезвычайных полномочий считало дерзким посягательством на конституцию и открытой угрозой дальнейшему существованию меджлиса⁹⁶. Оно, в частности, расценивалось как нарушение принципа разделения власти, сформулированного в 27 и 28 статьях Дополнения к Основному закону.

При обсуждении вопроса о предоставлении Мосаддыку чрезвычайных полномочий на заседании меджлиса 31 июля, проходящем в бурной и накаленной атмосфере, депутат Хаери-заде прямо заявил: «Господа, следование подобной политической тактике (требование полномочий.—А. С.) я рассматриваю как безобразную диктатуру, которая возрождает обстановку прошедших двадцати лет»⁹⁷.

Сенатор Лесани высказал мнение, что с утверждением полномочий будет положен конец национальной власти⁹⁸. «Предоставление одному человеку или какой-либо группе людей конституционных полномочий,—сказал он на заседании сената 3 августа,—я считаю противодействием Основному закону. Этот факт означает ликвидацию меджлиса и смерть конституции»⁹⁹.

Столь же болезненно было воспринято требование Мосаддыка возложить на него обязанности военного министра¹⁰⁰.

Как в меджлисе, так и в сенате вызвали бурные разнотолки и многие стороны внешней политики Мосаддыка. Так, некоторые депутаты меджлиса были недовольны позицией Мосаддыка в отношении Англии, в особенности отклонением им предложенных Англией

вариантов разрешения нефтяной проблемы. По мнению сенатора Садыка, выраженному на заседании сената 9 августа 1952 г., наилучшим способом разрешения нефтяного вопроса явилось бы немедленное принятие Мосаддыком предложений Англии¹⁰¹.

Соппротивление оппозиции в меджлисе еще больше обострилось на втором этапе правления Мосаддыка, когда он взялся за более интенсивную и более прогрессивную внутриполитическую деятельность.

Были недоброжелательно восприняты почти все законы и мероприятия правительства в области экономики. Выступая против аграрных законов правительства, противники Мосаддыка в меджлисе обвинили его в нарушении права на собственность, в обострении конфликтов между помещиками и крестьянами, в развале нормального производства сельскохозяйственных продуктов¹⁰².

Противниками Мосаддыка подверглись строгой критике также опубликованный правительством новый избирательный закон, закон о социальном страховании, законы в области правосудия и т. д. Враждебное отношение оппозиции к правительству было настолько явным, что «Эттелаат» от 1 декабря 1952 г. в редакционной статье, озаглавленной «Возмущение правительства меджлисом», осуждала тех депутатов, «...которые своими нападениями и оскорблениями вызывали противоречия между правительством и меджлисом и нарушали их единство»¹⁰³. «Мы думаем,—писала газета,—что правительству доктора Мосаддыка надо помочь, чтобы оно сумело преодолеть трудности. В нынешнем состоянии страна более чем когда-либо нуждается в том, чтобы правительство защищали, поддерживали и сотрудничали с ним...»¹⁰⁴.

В канун истечения срока шестимесячных полномочий Мосаддык своим письмом, направленным меджлису, просил продлить полномочия еще на один год¹⁰⁵. Объясняя причины подобной просьбы на заседании фракции Нехзат-е мелли¹⁰⁶, Мосаддык сказал: «...В течение этого периода я пришел к выводу, что для осуществления предусмотренных преобразований шести месяцев недостаточно. Для улучшения внутренней жиз-

ни страны необходимо, чтобы меджлис предоставил мне полномочия еще на один год»¹⁰⁷.

Основная цель полномочий на этот раз заключалась также в получении возможности заняться должным образом нефтяной проблемой и ее разрешением¹⁰⁸.

Требование о продлении срока полномочий вновь встретило сильное противодействие в меджлисе, даже в среде сторонников правительства¹⁰⁹. Макки в тот же день отказался от мандата депутата меджлиса¹¹⁰. На вопрос корреспондента «Эттелаат», в чем же причина его отказа, Макки ответил: «Я доверяю господину доктору Мосаддыку..., конечно, возможно, что... полномочия будут использованы в интересах иранского народа, однако одни лишь добрые намерения и вера в них вообще не исключают возможности неверных шагов. ...Возможно, что господин доктор Мосаддык допустит такие ошибки, которые причинят Ирану и иранскому народу большой и непоправимый вред. Чтобы не стать соучастником и не нести ответственность за подобные случаи, я поспешил отречься от депутатства»¹¹¹.

Против предоставления Мосаддыку полномочий выступили доктор Баган, Хаери-заде, Кашани, Канатабади, Мирашрафи, Зохри и др.¹¹²

Подавляющее большинство депутатов меджлиса оценило требование чрезвычайных полномочий как грубое нарушение конституции и стремление к единоличной власти¹¹³.

Противоречия между противниками и сторонниками полномочий дали повод для серьезных столкновений и конфликтов. На заседании меджлиса от 15 января, где обсуждался вопрос полномочий, атмосфера до того накалилась, что стороны удалось утихомирить лишь с помощью введенных в меджлис вооруженных сил¹¹⁴.

Тем не менее 20 января просьба Мосаддыка была удовлетворена меджлисом¹¹⁵, что еще больше усугубило конфликт между оппозиционным меньшинством меджлиса и правительством. Это окончательно испортило и взаимоотношения Мосаддыка со многими его единомышленниками, в частности с председателем меджлиса аятоллой Кашани, который, естественно, был катего-

рически против предоставления Мосаддыку абсолютной власти¹¹⁶.

Оппозиция в меджлисе яростно воспротивилась также попыткам Мосаддыка ограничить власть шаха. Упомянутое заключение «комиссии восьми», разрешившее противоречия между шахом и Мосаддыком в пользу Мосаддыка, подверглось строгим нападкам со стороны его противников¹¹⁷.

Положение Мосаддыка в меджлисе еще больше ухудшилось вследствие постепенного распада Национального фронта. Иранская пресса того времени пестрела сообщениями о конфликтах между лидерами НФ. По свидетельству А. Малеки, распри между Баган и Макки порой настолько ожесточались, что дело доходило до брани и взаимных оскорблений¹¹⁸.

В Национальном фронте возник разлад непосредственно после достижения общей цели—ликвидации АИНК и принятия закона о национализации нефтяной промышленности. Многие деятели НФ считали неуместными и вредными длительные переговоры правительства с Англией и США по вопросу нефти, не одобряли позицию правительства в отношении США. Вызвали возражение и многие аспекты внутренней политики правительства. Некоторые члены НФ требовали сократить косвенные налоги и военные расходы, выливались против тенденции правительства периодически объявлять военное положение в разных провинциях страны и т. д.¹¹⁹

Отход от Мосаддыка многих его бывших единомышленников—членов НФ на определенном этапе развития его политики—логичное и закономерное явление, обусловленное неоднородностью НФ, разницей, а порой противоположностью экономических и политических концепций входящих в его состав партий, группировок и отдельных деятелей.

Сам Мосаддык после прихода к власти, стремясь избавиться от влияния правого крыла НФ и проводить по возможности самостоятельную политику, ослабил связи с НФ и фактически перестал присутствовать на его заседаниях, вызвав тем самым возмущение многих представителей фронта.

Противоречия в НФ чрезвычайно обострились во второй период правления национальной буржуазии, когда внешне- и внутривластные принципы Мосаддыка проявились более рельефно и его деятельность приобрела более четкую антиимпериалистическую и антимонархическую направленность. Такие мероприятия Мосаддыка, как окончательный разрыв с Англией¹²⁰, чистка государственных учреждений и армии от реакционных элементов, ограничение власти шаха и т. д., вызвали глубокое недовольство правого крыла НФ¹²¹. Многие члены НФ вышли из его состава, разочарованные в последствиях политического курса Мосаддыка.

Распад Национального фронта во многом определялся и проамериканской ориентацией большинства его деятелей. По свидетельству Кия-Нури, уже с самого начала борьбы за национализацию нефтяной промышленности Ирана американский империализм ввел в ряды окружающих Мосаддыка национальных сил своих наемников. «Партии Тудэ было точно известно,—пишет Кия-Нури,—что из 19 основателей Национального фронта Мозаффар Багаи, Хосейн Макки, Хаери-заде, Абдол-Кадыр Азад, Аббас Халили, Амидие Нури, Ахмад Малекки, Джалали Наини и Арселан Халатабари являлись приверженцами американского империализма»¹²².

Уже в 1952 г. от Национального фронта откололась Партия трудящихся Ирана во главе с Багаи¹²³. Вследствие острой борьбы с Мосаддыком из НФ ушел и видный деятель фронта, председатель меджлиса аятолла Кашани. Бывшие сторонники Мосаддыка вошли в тесные контакты с агентами иностранных, в частности американских, империалистов в Иране, подготавливавших заговор против правительства национальной буржуазии. Известно о неоднократных встречах посла США в Иране Гендерсона с Багаи, Кашани, Хаери-заде и др., во время которых, по всей вероятности, обсуждались вопросы, связанные с их участием в предстоящем заговоре¹²⁴. Антиправительственная деятельность Гендерсона в Иране была слишком явной. Уже в марте 1953 г. в беседе с А. Иденом государственный секретарь США Дж. Даллес выражал беспокойство по поводу того, что «в результате своей дея-

тельности в пользу шаха» Гендерсон до того испортил свои отношения с Мосаддыком, что возникла реальная опасность его высылки из Ирана¹²⁵. Не является секретом и то, что многие из членов Партии трудящихся Ирана входили в состав вооруженных групп «активистов», организованных по инструкции начальника американских военных советников в Иране генерала Маклюра, непосредственно для осуществления антиправительственного заговора¹²⁶.

Бывшие члены Национального фронта, перешедшие в лагерь оппозиции, оказали действенную помощь врагам Мосаддыка и сыграли важную роль в свержении его правительства.

Уже летом 1953 г. в меджлисе 17-го созыва оппозиция против Мосаддыка настолько усилилась, что возможность сотрудничества и нормальной работы полностью исключалась. Делу не помогла и замена в конце июня председателя меджлиса Кашани более нейтральным доктором Моаземи¹²⁷. Потеряв надежду на улучшение отношений, Мосаддык был вынужден объявить о своем намерении распустить меджлис посредством референдума.

14 июля 27 депутатов из фракции Нехзат-е мелли покинули меджлис, аргументируя свой уход тем, что господствующая в меджлисе атмосфера исключает возможность выполнения депутатских обязанностей¹²⁸. В тот же день объявили об отставке депутаты Тоулият, Кохбод, Насер и Мохаммед Зольфагари, Хосровани, Афшар и Ширази¹²⁹. 15 июля меджлис покинули еще 7 членов Нехзат-е мелли¹³⁰, фракции Эттеhad и Кешвар, депутаты Нариман, Кермани, Корови и др.¹³¹. До 15 июля из меджлиса вышли 52 человека¹³². 19 июля в меджлисе оставались всего 33 депутата¹³³. Ввиду отсутствия кворума деятельность меджлиса фактически стала невозможной.

25 июля Мосаддык издал декрет о проведении референдума по вопросу о роспуске меджлиса¹³⁴. «В демократических и конституционных странах нет закона выше воли народа»,—заявил он¹³⁵.

Во время своего выступления 27 июля, разъяснив необходимость роспуска меджлиса, Мосаддык сказал: «...В настоящее время иностранцы всячески стараются

расколоть единство иранского народа. К сожалению, в меджлисе, который поистине должен был быть основным центром борьбы против подобных намерений... группа наших противников и пособников политики иностранцев стремится передать правление в руки такого правительства, которое смогло бы обеспечить осуществление корыстных целей иностранцев и используют трибуну меджлиса для этой своей вредной агитации... При нынешнем состоянии меджлиса нет никакой надежды на успех борьбы иранского народа...»¹³⁶.

Противники правительства в меджлисе выступили против референдума. «...Этот шаг доктора Мосаддыка противоречит основам конституции»,—заявил Багаи корреспонденту газеты «Эттелаат»¹³⁷. Отметив, что референдум—мероприятие антиконституционное и существование меджлиса ставится в зависимость от желания правительства, Кашани объявил строгий религиозный бойкот референдуму¹³⁸. Он призвал иранский народ не разрешить «...демагогию и шумиху, что поведет к гибели конституционного режима и свободы и нанесет ущерб независимости страны и национальному единству»¹³⁹.

29 июля между приверженцами Кашани и сторонниками правительства произошло столкновение (возле дома Кашани), в результате чего было ранено 50 человек и один человек был убит¹⁴⁰.

Тем не менее, невзирая на сопротивление оппозиции, 3 августа референдум стал проводиться¹⁴¹ (2 августа председатель меджлиса д-р Моаземи подал в отставку)¹⁴².

Уже 10 августа результаты референдума были известны: 99,93% его участников голосовали за роспуск меджлиса¹⁴³.

Абсолютная победа Мосаддыка не без основания встревожила реакционные круги Ирана и иностранных империалистов—убедив их в необходимости немедленного отстранения его от власти.

* * *

Для цельного восприятия внутренней политики правительства национальной буржуазии чрезвычайно

важно раскрытие сущности его взаимоотношений с Народной партией Ирана.

Следует отметить, что, обусловленные различными факторами, взаимоотношения эти не носили стабильного характера и имели самые многообразные, порой противоречивые проявления,—обстоятельство, затрудняющее их конкретное определение и послужившее одновременно поводом для их разноречивых, тенденциозных толкований.

Многие иранские и зарубежные государственные и политические деятели, буржуазные авторы и печать с явным намерением исказить суть этих взаимоотношений изображают НПИ основной опорой правительства Мосаддыка. Подобное преувеличение и акцентирование именно этого аспекта взаимоотношений НПИ и Мосаддыка далеко не случайно, ибо оно облегчает утверждение концепции, согласно которой в период своего правления Мосаддык якобы находился под влиянием коммунистов, создал благоприятные условия для укрепления их позиций и активизации деятельности.

Примечательно, что со стороны врагов национально-освободительного движения иранского народа делались попытки,—и вновь с определенной преднамеренностью,—настаивать на противоположной точке зрения, а именно, представить НПИ силой, настроенной враждебно к правительству национальной буржуазии и стремящейся к свержению ее правительства¹⁴⁴.

Взаимоотношения правительства Мосаддыка и Народной партии Ирана диктовались прежде всего различием задач, которые ставил перед собой каждый из них.

Основной целью лидеров Национального фронта и самого Мосаддыка в национально-освободительном движении Ирана была, как известно, национализация нефтяной промышленности и освобождение страны от влияния английского империализма. Однако к другой империалистической державе—Соединенным Штатам, чьи экспансионистские замыслы в отношении Ирана были очевидны, Мосаддык долгое время не только не испытывал вражды, но и искал их помощи и защиты на пути к достижению своих целей.

Между тем для НПИ борьба против английского империализма являлась лишь частью такой обширной задачи, как борьба с империализмом вообще. В отличие от национальной буржуазии, НПИ правильно представляла себе все возможные последствия двуличной политики американских империалистов в Иране. Орган НПИ газета «Бесу-йе аянде» по этому поводу писала: «...Вне всякого сомнения, что если американский империализм и проявляет заинтересованность в ликвидации политического и экономического влияния Англии в Иране, то причина этого вовсе не в его озабоченности независимостью Ирана, а единственно—в его стремлении стать единовластным хозяином политики и экономики Ирана и, заняв место английского империализма, использовать свою монополию для колонизации и грабежа нашей страны»¹⁴⁵. В открытом письме к Мосаддыку НПИ писала: «Для нашего народа нет какого-либо различия между английским и американским империализмом, и каждое мероприятие, предпринятое в пользу любого из них, явится изменой нашим национальным интересам»¹⁴⁶.

Вполне естественно и закономерно, что в сложившейся ситуации НПИ, горячо поддерживая антианглийскую политику правительства Мосаддыка, в то же время беспощадно осуждала его ничем не обоснованную оптимистическую позицию в отношении США, незамедлительно реагируя на любое ее проявление.

Не удовлетворяла НПИ и внутренняя политика правительства, которая преимущественно была направлена в угоду интересов средних слоев и не преследовала цели радикальных изменений в какой-либо области.

Благосклонно принимая поддержку демократических сил, Мосаддык вместе с тем старался не допустить в стране расширения демократического движения. Достаточно вспомнить, что НПИ была лишена права легальной деятельности на протяжении всего периода правления национальной буржуазии. С этой же целью правительство Мосаддыка проводило политику ограничения политических прав трудящихся масс. 25 октября 1952 г. был опубликован закон «Об общественной безопасности»¹⁴⁷, который запрещал забастовки и угрожал арестом «зачинщикам и подстрекателям беспорядков»¹⁴⁸.

(статьи 1, 2). Запрещались также демонстрации, имевшие целью протестовать против чего-либо, «бороться, возмущать и разжигать общественное мнение, или же нарушать общественный порядок и покой»¹⁴⁹ (статья 3).

В декабре 1952 г. Мосаддык обнародовал «Закон о печати»¹⁵⁰, позволявший властям по своему усмотрению запрещать издание газет и журналов, публикующих на своих страницах материалы, «угрожающие общественной безопасности»¹⁵¹. Для авторов же подобных материалов предусматривалось тюремное заключение сроком до пяти лет (статьи 16, 20). Нет сомнения, что названные статьи закона прежде всего были направлены против прогрессивной печати и прогрессивных деятелей.

Что же касается НПИ, то свою последовательную борьбу с империализмом она тесно сочетала с борьбой за установление демократии в Иране. Уже через несколько дней после прихода к власти национальной буржуазии 8 мая 1951 г.¹⁵² НПИ обратилась к премьер-министру с открытым письмом, в котором излагались цели и позиции партии. Критикуя непозволительную медлительность правительства в деле осуществления национализации нефтяной промышленности и призывая немедленно приступить к более смелой и принципиальной политике, НПИ требовала от нового правительства обеспечить по всей стране свободу деятельности профсоюзов и партий, в частности НПИ, признать ее легальной, объявить принятые на 15-м меджлисе реакционные законы недействительными и пр. Экономическая и политическая борьба иранских трудящихся, возглавляемая и направляемая НПИ, не прекращалась в течение всего периода правления национальной буржуазии. Только за один год (март 1952 г.—март 1953 г.) в Иране имело место около 200 крупных забастовок¹⁵³. Большой размах получило и крестьянское движение.

Изучение ситуации показывает, что доминирующим фактором, определившим отношение правительства Мосаддыка к прогрессивным силам страны, в частности к НПИ, был характер его взаимоотношений с США.

Соединенные Штаты, которые предполагали осуществить свои обширные планы в Иране при содейст-

вии правительства Мосаддыка, отчетливо представляли, к чему может привести в итоге сотрудничество правительства с НПИ, и всеми силами стремились предотвратить возможность их сближения. Именно на это была направлена зародившаяся в правящих кругах США и тщательно осуществляемая их апологетами длительная кампания, истинной сутью которой было искажение целей НПИ и ее дискредитация. Поскольку же Мосаддык в течение всего периода своего правления не переставал надеяться на бескорыстную помощь США в борьбе с английским империализмом, хотя и не имел достаточных оснований, то понятно, что при определении позиции правительства в отношении НПИ Мосаддык всячески избегал решений, которые были бы нежелательны США. Так, для того, чтобы опровергнуть измышления американских империалистов о том, что якобы основной причиной возникновения в Иране «коммунистической угрозы» послужило крайне лояльное отношение правительства к НПИ, Мосаддык изо дня в день усиливал преследование демократических сил. Между тем именно сотрудничество с этими силами, в частности с НПИ, могло стать для Мосаддыка той надежной опорой, которая помогла бы ему устоять перед непрерывными посягательствами оппозиции и удержать власть,—сотрудничество, которое за исключением отдельных, кратковременных эпизодов, так и не состоялось.

С целью посеять вражду между НПИ и Мосаддыком, еще больше отдалить их друг от друга и окончательно пресечь возможность сотрудничества, иностранные империалисты и местные реакционные круги старались повлиять на НПИ, а именно, скомпрометировав Мосаддыка, настроить НПИ против него и спровоцировать ее на антиправительственные действия.

При помощи такой политики, осуществляемой самыми разными путями и средствами, врагам иранского народа не раз удавалось расколоть национальные силы, надолго оттянуть и фактически сделать неосуществимым их столь необходимое сотрудничество.

Во многих случаях характер взаимоотношений правительства национальной буржуазии и Народной партии явился прямым результатом сложившейся в стра-

не определенной конъюнктуры. К примеру, в самом начале своего правления Мосаддык занимал в отношении НПИ терпимую, даже доброжелательную позицию, так как в тот период все еще продолжалась интенсивная борьба за претворение в жизнь закона о национализации нефтяной промышленности и правительство, нуждаясь в поддержке широких народных масс, всячески избегало конфликта с НПИ, пользующейся большим авторитетом и влиянием среди них. (Как известно, сразу же после прихода к власти, Мосаддык решил 1 мая 1951 г. демонстрацию иранских трудящихся под руководством НПИ).

Несмотря на принципиальные разногласия с Мосаддыком, в дни известных июльских событий 1952 г., когда достижения иранского народа подверглись серьезной опасности и когда враги иранского народа совершили попытку отстранить Мосаддыка от власти, Народная партия одна из первых выступила в защиту правительства и явилась инициатором создания единого антиимпериалистического фронта. Склонение НПИ и близких ей организаций на сторону Мосаддыка изменило соотношение сил и сделало реальной возможность победы над реакцией.

Отношение Мосаддыка к демократическим силам страны, в частности к НПИ, стало подчеркнуто благожелательным и в последний период правления, когда перед ним вновь возникла необходимость искать их содействия и помощи, поскольку антиправительственные замыслы местных реакционных кругов и иностранных империалистов стали более чем явными, а он, как известно, потерял многих своих бывших единомышленников.

И, наконец, во взаимоотношениях правительства национальной буржуазии с НПИ в разное время решающую роль играли политические ошибки НПИ, являющиеся, преимущественно, следствием неверного восприятия ею сущности национальной буржуазии и непонимания ее места и роли в антиимпериалистической борьбе иранского народа¹⁵⁴, что в дальнейшем признали руководители партии на IV (расширенном) пленуме ЦК НПИ.

Не будучи в состоянии разграничить левое и правое направления в НФ, существенно отличающиеся своими взглядами, целями и политикой, НПИ довольно долгое время приписывала антинародную, прореакционную и проамериканскую деятельность представителей правого крыла НФ Баган, Макки, Кашани и др. Мосаддыку и его единомышленникам, представляя их на страницах своей печати предателями иранского народа и американскими агентами.

Помимо того, что такое положение дел настраивало Мосаддыка против НПИ и толкало его на ответные действия, в то же время оно послужило врагам иранского народа удобным поводом для углубления разногласий между правительством и НПИ, для пресечения их возможного союза.

Неумение отличить левое крыло НФ от проамериканского правого крыла Кия-Нури справедливо считает одной из основных ошибок, допущенных руководством НПИ в тот период¹⁵⁵.

В своей критике политики Мосаддыка в отношении США НПИ допустила явное преувеличение, что отразилось крайне негативно на исходе антиимпериалистической борьбы иранского народа. Как пишет Кия-Нури, этой своей «...неправильной и необъективной оценкой, являющейся результатом неопытности и молодости, НПИ совершила большую ошибку и не смогла на важном этапе современной истории нашей родины достойно выполнить свою историческую роль»¹⁵⁶. Это обстоятельство в большой мере явилось также результатом существования разногласий и противоречий среди руководства ЦК НПИ, как и сложившейся там по ряду причин атмосферы пессимизма и бездействия.

Неверная, подчеркнуто левацкая позиция НПИ в отношении национальной буржуазии и ее правительства приняла ярко выраженную форму накануне переворота и воспрепятствовала в этот решающий момент объединению национальных сил.

Отсутствие устойчивого сотрудничества между правительством национальной буржуазии и демократическими силами страны явилось, несомненно, одним из

главных факторов, облегчивших деятельность оппозиции и успешное осуществление антиправительственного заговора.

✱ ✱ ✱

19 августа 1953 г. (28 мордада 1322 г.) совместными усилиями местной реакции и иностранных империалистов было свергнуто правительство национальной буржуазии Ирана, возглавляемое лидером Национального фронта Мохаммедом Мосаддыком.

Попытка переворота 28 мордада не была беспрецедентной. Она, по выражению Мосаддыка, явилась последним звеном в цепи периодически организуемых внутренними и внешними врагами национально-освободительного движения Ирана антиправительственных заговоров и на этот раз завершилась победой¹⁵⁷.

Переворот 28 мордада был предопределен прогрессивными сдвигами в политике Мосаддыка в последний период его правления, в частности теми конкретными действиями, которые вызвали серьезную тревогу среди противников Мосаддыка в Иране и окончательно убедили Англию и США в невозможности сговора с ним.

Известно, что позиция Англии в отношении к правительству Мосаддыка с самого начала была откровенно враждебной. Уже в ноябре 1951 г. министр иностранных дел Англии А. Иден выражал надежду, что «если бы Мосаддык пал, то его место вполне могло бы занять более разумное правительство, с которым можно было бы заключить приемлемое соглашение»¹⁵⁸. То, что Англия долгое время воздерживалась от решительных действий против Ирана, было в большой мере результатом давления на нее со стороны США, которые упорно старались удержать Мосаддыка у власти, рассчитывая с его помощью добиться своих целей в Иране. К неизбежности отстранения Мосаддыка от власти США пришли гораздо позже, лишь убедившись окончательно в бесперспективности своей политики.

События, непосредственно предшествовавшие перевороту, и создавшаяся атмосфера свидетельствовали о том, что намерение внутренней реакции и англо-американских империалистов избавиться от Мосаддыка ста-

ло совершенно определенным и что ими ведется активная подготовка к заговору.

В апреле при непосредственном участии известного реакционера Ф. Захеда был похищен и убит лояльный Мосаддыку начальник тегеранской жандармерии бригадный генерал Афшартус¹⁵⁹, осуществлявший чистку армии от оппозиционных правительству элементов. Этот инцидент, свидетельствующий об оживлении в стране реакционных сил, предвещал возможность антиправительственных действий в скором времени, так как в стране создавались благоприятные для этого условия.

8 мая Госдепартамент США известил о намерении Даллеса посетить страны Ближнего Востока (с 11 по 29 мая)¹⁶⁰. Из его маршрута Иран демонстративно был изъят. Любопытно отметить, что этот вояж Даллеса был предпринят после его выступления на пресс-конференции в апреле, в котором он выразил свои сомнения по поводу возможности разрешения англо-иранского нефтяного конфликта путем непосредственных переговоров с иранским правительством¹⁶¹. Нетрудно предположить, что у официальных кругов США уже имелась конкретная замена Мосаддыку, причем вариант переворота не исключался.

В конце июня правительство США отклонило просьбу Мосаддыка о предоставлении Ирану помощи¹⁶². Французская газета «Трибюн де насьон» по этому поводу писала: «Недавнее решение американского правительства не предоставлять Ирану экономической помощи до тех пор, пока не будут удовлетворены английские требования в вопросе о нефти, в дипломатических кругах иранской столицы рассматривают как сигнал к решительному англо-американскому наступлению на Мосаддыка. Утверждают также, что это является непосредственным результатом переговоров Идена с Эйзенхауэром в марте текущего года в Вашингтоне, когда было достигнуто решение предпринять совместные усилия с целью исправить последствия политики Трумэна и Эттли, которая позволила осуществить национализацию иранской нефтяной промышленности»¹⁶³.

Почти одновременно участились встречи посла США в Иране Гендерсона с некоторыми враждебно на-

строенными к Мосаддыку политическими деятелями, чьи заговорщические цели были более чем явственны.¹⁶⁴

Для оправдания своих антиправительственных намерений в Иране американские империалисты сочли весьма удобным распространить версию, будто правительство Мосаддыка подпало под влияние коммунистов и что необходимо во что бы то ни стало предотвратить опасность распространения коммунизма на соседние страны. Во время одной пресс-конференции Эйзенхауэр заявил: «Необходимо, чтобы американское правительство в странах Азии, в частности в Иране, предприняло эффективные шаги против распространения коммунизма. Мы об этом приняли решение»¹⁶⁵.

Окончательную судьбу переворота предредила созванная в июле 1953 г. вашингтонская конференция американских, английских и французских представителей¹⁶⁶. Под предлогом встречи «со старыми друзьями»¹⁶⁷, но в действительности для того, чтобы скоординировать действия местных реакционных сил с силами иностранного империализма и руководить запланированным переворотом, в начале августа в Иран прибыл американский генерал Шварцкопф¹⁶⁸, который в 1942—1948 гг. был начальником жандармерии Ирана. Шах немедленно принял его и имел с ним тайную беседу. «Нашему народу грозит большая опасность,—выражала тревогу газета «Шахбаз»,—не случайно, что член американского шпионского управления генерал Шварцкопф уединился с шахом»¹⁶⁹.

Незадолго до приезда Шварцкопфа возвратилась в Иран известная своей постоянной антиправительственной деятельностью и связями с американскими империалистами сестра шаха—Ашраф Пехлеви¹⁷⁰, по понятным причинам вынужденно покинувшая страну после июльских событий 1952 г. По поводу тесной взаимосвязи названных визитов с заговором, «Шахбаз» в статье, озаглавленной «Встреча Шварцкопфа с шахом» ставит под серьезную угрозу победу иранского народа», писала: «История недавнего прошлого свидетельствует, что каждый раз, когда наша страна находилась на пороге какого-либо важного события политической и общественной жизни, начинались закулисные встречи между агентами колониальной политики в Иране. В

последнее время особенно участились встречи американских империалистов с шахом, за которыми последовали инциденты по всей стране... Не случайно, что в такое знаменательное время, когда иранский народ переживает один из важных моментов своей жизни, вдруг появляется Ашраф Пехлеви, эта авантюристка и склочница, встречается с шахом и, достигнув своей цели, возвращается обратно... Эти визиты и посещения... не случайны»¹⁷¹.

Следующей важной ступенью в процессе подготовки переворота явилось состоявшееся в Швейцарии свидание директора ЦРУ А. Даллеса, американского посла в Иране Л. Гендерсона и Ашраф Пехлеви. «Совещание на склонах Швейцарских Альп между начальником тайной полиции, политическим деятелем и иранской принцессой,—писала газета «Нейшн»,—показывает, что все рычаги сразу были введены в действие»¹⁷².

Надо отметить, что Мосаддык заблаговременно был информирован о предстоящем заговоре. 14 августа об этом предупреждала «Шоджаат». «В последние дни,—писала газета,—усилилась деятельность двора, направленная на осуществление задуманного с некоторых пор предательского переворота... Предатели намерены путем военного переворота... свергнуть правительство и создать военный режим, контролируемый империалистами»¹⁷³. Далее, перечислив главарей заговора, газета писала: «Мы требуем от правительства без малейшего замедления отстранить от должностей группу заговорщиков, привлечь их к судебной ответственности и наказать»¹⁷⁴. Тем не менее правительством не было предпринято никаких существенных мер для предотвращения переворота.

Непосредственным поводом для осуществления заговора послужило решение Мосаддыка распустить меджлис. Шах счел этот акт противозаконным и немедленно подписал два указа: о низложении Мосаддыка и о назначении на пост премьера генерала Ф. Захеи¹⁷⁵.

В ночь на 16 августа командир шахской гвардии полковник Н. Насири в сопровождении войск и бронемашин прибыл в резиденцию премьера—под предлогом вручения шахского указа. Однако охрана Мосаддыка

обезоружила и арестовала его¹⁷⁶. Таким образом, попытка переворота провалилась. В этот же день шах со своей рамсарской дачи (куда он заблаговременно удался) вместе с шахиней отбыл в Багдад, а оттуда—в Рим.

17 августа «Шоджаат» сообщала, что несмотря на неудачу, заговорщики «продолжают интенсивно действовать»¹⁷⁷, и требовала от правительства со всей строгостью наказать разоблаченных предателей. «...Любое проявление лояльности и снисходительности в этом деле,—писала газета,—будет бесспорным предательством антиколониальной борьбе иранского народа»¹⁷⁸. Однако Мосаддык ограничился лишь арестом нескольких активных участников заговора, что вовсе не устранило возможность повторения подобной попытки.

Действиям реакции весьма благоприятствовала также политическая атмосфера в стране, в частности разобщенность в тот момент национальных сил.

Воспользовавшись сложившейся в Иране подходящей обстановкой, реакция без промедления приступила к активным действиям.

19 августа на рассвете отступившие на время войска заговорщиков под руководством генерала Захеда вновь вошли в Тегеран. При поддержке антиправительственных сил им удалось после короткого рукопашного боя завладеть тегеранской радиостанцией и передать сообщение Захеда о захвате власти¹⁷⁹. Мосаддык и многие члены правительства были арестованы¹⁸⁰. Через три дня шах вернулся в Иран.

Шах и на этот раз, искажая самым грубым образом действительность, представляет ситуацию так, будто иранский народ ликовав по поводу падения Мосаддыка. Он не желает, естественно, вспоминать многочисленные демонстрации народных масс после неудачной попытки переворота 16 августа, направленные в защиту Мосаддыка и носившие антимонархический и антиимпериалистический характер¹⁸¹.

В результате переворота 19 августа в Иране был установлен реакционный режим генерала Захеда. Через некоторое время иранская нефть, возвращенная своим подлинным хозяевам ценой самоотверженной борьбы иранского народа, вновь попала в руки ино-

странных империалистов: с согласия правительства и шаха Ирана 28 октября 1954 г. добыча и обработка иранской нефти была предоставлена Международному консорциуму¹⁸².

* * *

Апологеты американской политики, стремясь отрицать какую-либо причастность США к перевороту 19 августа, стараются представить его как результат народного восстания¹⁸³. Такую же цель преследует и широко распространенная версия, согласно которой свержение правительства Мосаддыка было осуществлено лишь силами местной оппозиции¹⁸⁴.

Факты, однако, доказывают обратное. Они подтверждают неоспоримую, первенствующую роль американских империалистов, и в частности ЦРУ, в организации и совершении переворота.

Обращаясь к данной проблеме, журнал «Нейшн» писал: «...сочинено, будто Мосаддык был свергнут «самими иранцами». То, что произошло в Иране, является одним из проявлений нового метода действия американского разведывательного управления...»¹⁸⁵.

По свидетельству западногерманского еженедельника «Штерн», в июле 1953 г. в Иран проник один из агентов ЦРУ, известный среди друзей как «Ким»¹⁸⁶. Он обосновался в подвальном помещении одного из тегеранских домов, где, «...была подготовлена одна из самых успешных операций ЦРУ...»¹⁸⁷. «После тщательной подготовки,—пишет «Штерн»,—«Ким» осуществил эту операцию 19 августа 1953 г. В этот день утром он пригласил в свой подвал пятерых, посвященных в планы агентов иранской секретной службы и снабдил каждого объемистой пачкой банкнот. Эти деньги агенты раздали членам многочисленных тегеранских клубов силовых видов спорта. Около полудня улицы столицы заполнила устрашающая толпа боксеров, борцов, тяжелоатлетов и других спортсменов. К процессии присоединились полицейские и солдаты в штатской одежде—такой, какую обычно носят в Иране рабочие.

Лавина наемных «демонстрантов» неудержимо прокладывала себе путь к цели—к дому старого больного

человека (Мосаддыка.—А. С.). Согбенный старец вынужден был бежать в пижаме через потайной подземный ход.

Так был отстранен от власти премьер-министр Ирана Мохаммед Мосаддык...»¹⁸⁸.

Известны также данные, свидетельствующие о неоднократных попытках американских империалистов путем подкупов привлечь на свою сторону иранских должностных лиц, заставить их всячески содействовать осуществлению заговора.

При всем этом шах, склонный приписывать инициативу переворота иранским народным массам и отрицать участие в нем иностранного империализма, пишет: «То, что в тот день (28 мордада.—А. С.) совершили мои верные соотечественники, невозможно было принудить сделать за деньги. Это было внушено сугубо национальными и патриотическими чувствами иранцев...»¹⁸⁹.

Чрезвычайно активную роль США, и в частности ЦРУ, в августовских событиях нередко признают и американские авторы. В статье «Таинственные дела ЦРУ» Р. и Г. Харкнесс пишут: «Еще одним триумфом ЦРУ явилось успешное свержение в Иране летом 1953 г. старого диктатора, премьера Мохаммеда Мосаддыка и возвращение к власти друга этой страны (имеется в виду США.—А. С.) шаха Мохаммеда Реза Пехлеви»¹⁹⁰.

О том, что Мосаддык был низвержен с помощью «денег и влияния» ЦРУ, свидетельствуют также Д. Вайз и Т. Росс. «Деньги ЦРУ,—пишут они,—были использованы для образования волны демонстраций протеста на улицах, генерал Захе́ди вышел из укрытия, и англо-иранская нефть была спасена»¹⁹¹.

Не скрывая ведущей роли США в августовском перевороте, американские авторы при этом нередко стараются не только реабилитировать антимосаддыковские действия ЦРУ, но и преподнести их как действия, направленные якобы на спасение Ирана. Э. Хойт, к примеру, касаясь деятельности эмиссара ЦРУ Кермита (Кима) Рузвельта, представляет дело таким образом, будто пассивная политика Мосаддыка в отношении Тудэ толкала страну в объятия коммунистов, и США, которые не могли этого допустить в интересах

самого же Ирана, были вынуждены вмешаться в дело свержения Мосаддыка¹⁹².

Кермит Рузвельт—бывший шеф ближневосточного бюро ЦРУ, в интервью «Лос Анджелес Таймс» 3 мая 1979 г. впервые обстоятельно рассказал о роли ЦРУ в государственном перевороте в Иране, проводившемся под кодовым названием «операция Аякс» и осуществленном в тесном сотрудничестве шаха, США и Англии¹⁹³.

Активное участие в организации переворота США и Англии впервые признал и Мохаммед Реза Пехлеви незадолго до смерти в своих мемуарах, изданных в Париже¹⁹⁴. «В августе 1953 г., уверенный в поддержке Соединенных Штатов Америки и Англии,—пишет бывший шах,—которые, наконец, начали проводить общую политику, и после обсуждения вопроса с Кермитом Рузвельтом, представителем Центральной разведывательной службы Соединенных Штатов, я принял решение приступить к действию, для того, чтобы найти какой-нибудь выход из создавшегося положения»¹⁹⁵.

После всего этого весьма неубедительно звучит заверение Р. Сангви в том, что «...многое из сказанного о роли ЦРУ (в перевороте.—А. С.) является частью мифа о ЦРУ и не имеет фактической основы»¹⁹⁶.

Довольно распространена также тенденция объяснять чрезмерную активность американского империализма в организации и осуществлении переворота тем, будто Соединенные Штаты находились под влиянием политики Англии и действовали под ее диктовку. Известный американский судья Уильям Дуглас, касаясь упомянутой вашингтонской конференции, где крупные империалистические державы договорились о свержении правительства Мосаддыка, говорит: «Досадно, что американское правительство в своей внешней политике целиком подпало под влияние Лондона... Внешнюю политику Америки, в действительности, планирует и направляет Черчилль»¹⁹⁷. «Лондонские власти повернули дело так, что превратили Америку в орудие в своих руках...»,—писала «Америкэн Джорнэл»¹⁹⁸.

Большая роль Англии в организации переворота бесспорна. (Об этом, в частности, сообщает и Кермит Рузвельт в своих мемуарах под названием «Контрпереворот: борьба за контроль над Ираном»¹⁹⁹, где при-

водятся новые подробности об организации переворота в Иране. По его свидетельству, инициатива свержения правительства Мосаддыка первоначально исходила от английского правительства, а план операции был детально разработан Английской разведывательной службой)²⁰⁰. Тем не менее, более чем несерьезно и наивно объяснять действия США как следствие того, что они стали «орудием» в руках сравнительно слабой Англии. Тем более, что у американского империализма были свои собственные мотивы, определившие их заинтересованность в отстранении Мосаддыка от власти.

Не удивительно, что удовлетворенные исходом переворота 28 мордада и в доказательство большой симпатии к правительству Захеда, Соединенные Штаты не замедлили вручить новому премьеру 45 млн. долларов²⁰¹. Усилия США не пропали даром: 40% акций Международного консорциума принадлежали теперь американским компаниям²⁰².

Вследствие переворота 19 августа 1953 г. в Иране установилась неограниченная диктатура шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, просуществовавшая до 1979 г.

В течение всего этого периода благодаря антинародной, предательской политике шаха американский империализм получил возможность максимально усилить свои позиции и влияние во всех сферах экономической и политической жизни Ирана, что вызвало в стране всенародное возмущение и стало одной из важнейших причин иранской революции 1978—1979 гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внутренняя политика правительства национальной буржуазии Ирана была непосредственно обусловлена экономическими и политическими концепциями иранской национальной буржуазии и самого Мосаддыка.

Социально-экономические принципы Мосаддыка и проводимая им политика соответствовали в основном интересам средней части иранской национальной буржуазии. Мосаддык не добивался изменения социально-экономической структуры страны и радикальных преоб-

разований в какой-либо отрасли. Тем не менее ярко выраженный националистический, антиимпериалистический аспект его политики нашел горячий отклик среди самых разных классов и слоев иранской общественности и обеспечил Мосаддыку их поддержку.

В процессе развития внутренней политики Мосаддыка можно явственно проследить две, отличные по своему характеру стадии. На формирование особенностей внутренней политики Мосаддыка на разных ее стадиях повлияли в основном следующие факторы: направленность дипломатии и политики Англии и США в Иране, сложившаяся в стране конкретная социально-экономическая и политическая ситуация, взаимоотношения правительства с политическими силами страны и перемены в экономической и политической ориентации Мосаддыка.

На первой стадии правления (29 апреля 1951 г. — 17 июля 1952 г.) главной целью Мосаддыка было осуществление национализации нефти, с помощью доходов от которой он надеялся разрешить все актуальные внутренние проблемы и вывести страну из состояния кризиса. Однако затягивание англо-американской дипломатией разрешения нефтяного конфликта, ухудшение экономического положения страны и рост всеобщего недовольства последствиями политики правительства вынудили Мосаддыка изменить свой внутривнутриполитический курс.

Верный принципам «негативного равновесия», категорически отказываясь пойти на компромисс с иностранными империалистами в вопросе о нефти и упорно отвергая предложенные ими варианты «урегулирования» нефтяного конфликта, в то же время не желая продавать нефть социалистическим странам, Мосаддык начал искать иные пути приобретения необходимых средств для восстановления экономики страны.

Попытка правительства добиться финансовой помощи США оказалась безуспешной. Весьма безрезультатным был и выпуск правительством внутреннего займа. Общественно-политические слои, с помощью которых Мосаддык надеялся его реализовать, фактически в критический момент не поддержали его правительство и

не проявили особого энтузиазма в предоставлении в его распоряжение части своих доходов.

В сложившейся ситуации Мосаддык был вынужден увеличить косвенные налоги.

Вернувшись после июльских событий к власти благодаря поддержке демократических сил Ирана, Мосаддык на второй стадии правления (22 июля 1952 г.— 19 августа 1953 г.) принялся за практическое осуществление «экономики без нефти» и начал интенсивную внутриполитическую деятельность.

Заговор против правительства и попытка отстранить Мосаддыка от власти стали причиной изменения его позиции к шаху и к реакционным кругам страны. Мосаддык осуществил довольно смелые акции, направленные на ограничение их влияния. Однако, не будучи заинтересованным в дальнейшем ухудшении отношений с господствующими кругами страны, Мосаддык в целом проводил в отношении к ним умеренную политику. Это обстоятельство максимально благоприятствовало действиям реакционных сил и иностранных империалистов в Иране. Мосаддык не принимал решительных мер для пресечения их постоянной антиправительственной деятельности, что в значительной мере предопределило судьбу правительства национальной буржуазии.

На второй стадии правления национальной буржуазии наблюдается одновременно процесс ее сближения с демократическими силами Ирана, в частности с НПИ. Однако прекрасно сознавая большое значение поддержки демократических сил и охотно принимая их содействие, Мосаддык, тем не менее, отказался сотрудничать с ними.

Антишахские действия Мосаддыка объективно способствовали расширению в стране антимоноархического движения, и шах был вынужден бежать из страны. Однако Мосаддык опасался дальнейшего усиления и распространения всенародного демократического движения и всеми силами старался удержать его развитие.

Своей политикой лавирования между левыми и правыми силами страны Мосаддык лишился поддержки демократических сил и одновременно восстановил против

себя местные реакционные круги и иностранных империалистов, которые совместными усилиями свергли его правительство.

ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1 См.: А. В. Башкиров. Экспансия английских и американских империалистов в Иране (1941—1953 гг.). М., 1954; А. К. Лаврентьев. Империалистическая политика США и Англии в Иране. М., 1960; L. Hirszowicz. Iran 1951—1953. Nafta Imperialism Nationalizm. Warszawa, 1958; L. P. Etwell-Sutton. Persian Oil. A Study in Power Politics. L., 1955; A. W. Ford. The Anglo-Iranian Oil Dispute of 1951—1952. Berkeley-Los-Angeles, 1954; W. Lentz. Iran 1951/1952. Heidelberg, 1952; N. S. Fatemi. Oil Diplomacy. Powderkeg in Iran. N. Y., 1952. مصطفی فاتح،

پنججاه سال نفت ایران، تهران، ۱۳۳۵، عبدالحسین بهمنیا،
پرده‌های سیاست. نفت-نهضت-مصدق-زاهدی، تهران، ۱۹۵۶،
جهانبخش جمهری، اسرار ملی شدن نفت، تهران، ۱۹۵۳،
کاظم افشین، نفت و خوزستانیان، تهران، ۱۳۳۳، فواد روحانی،
تاریخ ملی شدن صنعت نفت ایران، تهران، ۱۳۵۲

2 См.: В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Полное собрание сочинений, т. 3, 1958.

3 نورالدین کیانوری، حزب توده ایران و دکتر محمد مصدق، نگاهی
از تاریخ حزب توده ایران، تهران، ۱۳۵۹، ف. م. جوانشیر،
تجربه ۲۸ مرداد. نظری به تاریخ جنبش ملی شدن نفت ایران،
تهران، ۱۳۵۹، عبدالمحمد کامبخش، نظری به جنبش کارگری
و کمونیستی در ایران، برلین، ۱۹۷۲، خیانت او بوطنش (حزب
توده ایران)، ۱۳۳۹

4 روشن، بورژوازی ملی در کشورهای مستعمره و نیمه مستعمره و
عقب افتاده، ۱۹۵۸

5 См.: «Проблемы мира и социализма», 1959, № 8.

6 М. С. Иванов. Новейшая история Ирана. М., 1977.

7 См. в коллективных исследованиях: Иран. Очерки новейшей истории. М., 1976; Проблемы развития стран современного Ближнего и Среднего Востока (Иран, Пакистан, Турция). М., 1981.

- 8 С. Л. Агаев. Иран в прошлом и настоящем (пути и формы революционного процесса). М., 1981.
- 9 Е. А. Орлов. Внешняя политика Ирана после второй мировой войны. М., 1975.
- 10 А. Г. Самеди. Экономическая политика правительства Мосаддыка. Дис. ...канд. эк. наук. М., 1965.
- 11 Д. Кандымов. Основные черты политики правительства Мосаддыка. Дис. ...канд. ист. наук. М., 1966.
- 12 Д. К. Белошапкин. Экономическая политика правящих кругов Ирана в военные и послевоенные годы (1941—1953 гг.). Дис. ...канд. эк. наук. М., 1954.
- 13 Р. А. Сеидов. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Иране (1950—1953 гг.). Баку, 1963; Ш. М. Бади. Аграрные отношения в современном Иране. М., 1959; Հ. Մ. Նզանյան, Գյուղատնտեսական զիջակը ժամանակակից Իրանում, Երևան, 1960.
- 14 А. Н. Шамиде. Рабочее и профсоюзное движение в Иране после второй мировой войны (1946—1953 гг.). Баку, 1965; Ш. М. Бади. Рабочий класс Ирана. М., 1965.
- 15 Р. А. Сеидов. Иранская буржуазия в конце XIX—начале XX века. М., 1974.
- 16 احمد ملكی، تاریخچهٔ جنبهٔ ملی، تهران، ۱۳۳۲، علی اصغر شمیم، ایران در دورهٔ سلطنت اعلیحضرت محمد رضا شاه پهلوی، تهران، ۱۳۶۵، احمد اکبری مازندرانی، نگاهی به زندگی رعایای دیروز و دهقانان امروز، گیلان، ۱۳۴۵، F. Sahebjam. L'Iran des Pahlavis. Paris, 1966. F. Sahebjam. Mohammed Reza Pahlavi, Shah d'Iran. Sa vie. Trente ans de regne (1941—1971). Paris 1971; F. Sahebjam. L'Iran vers l'an 2000. Document. Paris, 1977; F. Bahrapour. Iran: Emergence of a Middle Eastern Power, N. Y., 1970; J. Aramjani. Iran. New Jersey, 1972; Sh. Chubin and S. Zabih. The Foreign Relations of Iran. Berkeley-Los-Angeles, 1974; R. Ramazani. Iran's Foreign Policy 1941—1973. Charlottesville, 1975.
- 17 محمد رضا شاه پهلوی، مأموریت برای وطنم، تهران، ۱۳۴۵
- 18 F. Sahebjam. L'Iran vers... p. 205.
- 19 А. Шамим. Иран дар доуре-е салтанат-е алахазрат Мохаммед Реза шах-е Пехлеви. Техран, 1965, с. 67.
- 20 А. Бехния. Пардеха-е снасат. Нафт, нехзат, Мосадек, Захед. Техран, 1956, с. 70.
- 21 Ф. Рухани. Тарих-е мелли шодан-е санаат-е нафт-е Иран. Техран, 1352, с. 148.

- 22 Там же.
- 23 Там же, с. 149.
- 24 Там же, с. 148.
- 25 А. Малеки. Тарихче-е джебхе-е мелли. Техран, 1332, с. 29.
- 26 Там же, с. 63.
- 27 Там же, с. 31.
- 28 H. Arfa. Under Five Shahs. N. Y., 1965.
- 29 حسن ارسنجانی، یادداشت‌های سیاسی "سی‌ام تی‌و"، تهران، ۱۳۳۱.
- 30 D. N. Wilber. Contemporary Iran. N. Y., 1963; D. N. Wilber. Iran: Past and Present. Princeton, 1976; R. N. Frye. Iran. L. 1953; J. M. Upton. The History of Modern Iran. An Interpretation. Cambridge, 1961; L. Binder. Iran. Political Development in a Changing Society. Berkeley—Los—Angeles, 1962; R. W. Cottam. Nationalism in Iran. Pittsburgh, 1964; E. P. Hoyt. The Shah Mohammed Reza Pahlavi. The Glittering Story of Iran and its People. N. Y., 1975; G. Lenczowski. The Middle East in World Affairs. N. Y., 1962; Sh. Klebanooff. Middle East Oil and U. S. Foreign Policy. N. Y., 1974; S. N. Fisher. The Middle East. A History. L., 1971; J. Marlow. Iran. L., 1963; J. Marlow. The Persian Gulf in the Twentieth Century. L., 1962; P. Avery. Modern Iran. L., 1965; R. Graham. Iran. The Illusion of Power. L. 1978.
- 31 Не отличавшийся объективностью Ш. Клебаноф, однако, невольно признается, что «как только Великобритания порвала свои отношения с Ираном, правительство Соединенных Штатов активизировало свое вмешательство в нефтяные дела Ирана. Если дипломатические усилия США и не помогли аннулированию закона о национализации нефтяной промышленности и восстановлению АИНК своих бывших позиций в нефтяных операциях Ирана, то, без сомнения, сумели раскрыть двери перед американскими нефтяными компаниями для того, чтобы те могли иметь свою долю при эксплуатации иранских ресурсов». (Sh. Klebanooff, p. 86).
- 32 R. W. Cottam, p. 202.
- 33 L. Binder, p. 114.
- 34 D. N. Wilber. Contemporary Iran, p. 96
- 35 R. Graham, p. 35.
- 36 P. Avery, p. 416—439.

ГЛАВА 1

- 1 Экономика капиталистических стран после второй мировой войны. Статистический сборник. М., 1953, с. 173.
- 2 B. Cochran. Harry Truman and the Crisis Presidency. N. Y., 1973, p. 191—192.
- 3 Зарубежные страны. Политико-экономический справочник. М., 1957, с. 390.
- 4 Там же.
- 5 Там же.
- 6 احمد كسروی، تاریخ پانصد ساله خوزستان، تهران، ۱۳۳۱، ص ۱۵۹.
- 7 A. Kasravi. Tarix-e pansad sal-e Xuzestan. Tehran, 1331, c. 159.
- 8 S. H. Longrigg. Oil in the Middle East. Its Discovery and Development. L., 1955, p. 19.
- 9 H. B. Sharabi. Governments and Politics of the Middle East in the Twentieth Century. N. Y., 1962, p. 98.
- 10 R. N. Gupta. Iran an Economic Study. New Dehli, 1947, p. 95.
- 11 A. K. Лаврентьев, с. 7.
12. A. W. Ford, p. 17.
- 13 Текст договора см.: «اسناد نفت، جلد اول، تهران، ۱۳۳۰» ص ۱۱-۱۲.
- 14 Аснад-е нафт. Джелд-е аввал, Техран, 1330, с. 12.
- 15 Dj. Tavalloli. Le parlement iranien. Lausanne, 1954, p. 130.
- 16 N. S. Fatemi, p. 41—45.
- 17 Там же, с. 51.
- 18 М. Фатех, с. 433.
- 19 См.: «Вопросы истории», № 5, 1952, с. 110.
- 20 «Эттелаат», 3 мая 1951 г.
- 21 «Эттелаат», 27, 28 и 29 апреля 1951 г.
- 22 «Эттелаат», 29 апреля 1951 г.
- 23 حسین پیرنیا، ده سال کوشش در راه حفظ و بسط حقوق ایران در نفت ۱۳۳۰-۱۳۳۱، تهران، ۱۳۳۱، ص ۲۳-۲۴.
- 24 G. Lenczowski. Oil and State in the Middle East. N. Y., 1960, p. 312.
- 25 F. Sahebjam. L'Iran des Pahlavis, p. 245.
- 26 ابوالفضل لسانی، طلای سیاه یا بلای ایران، تهران، ۱۳۵۰، ص ۱۳۳.
- 27 L. Hirszowicz, s. 63.

- 28 Iran Today. Land of Art, History and Culture. N. Y., 1957, p. 66.
- 29 S. N. Longrigg, p. 150.
- 30 М. Фатех, с. 320.
- 31 А. В. Башкиров, с. 150.
- 32 L. Hirszowicz, s. 28.
- 33 Там же.
- 34 Текст договора см.: К. Афшин. Нафт ва Хузестаниян, с. 73—79. С английской стороны договор подписал один из директоров управления АИНК Гесс, а с иранской стороны—министр финансов правительства Саеда-Гольшаян.
- 35 Dj. Tavalloli, p. 146.
- 36 Е. А. Орлов, с. 84.
- 37 Аснад-е нафт, с. 33.
- 38 US and Soviet Policy in the Middle East 1945—56. N. Y., 1972, p. 32.
- 39 United States of America. Congressional Record. First Session, vol. 95, part. 10. Sept. 2, 1949 to Oct. 4, 1949. Washington, 1949, p. 13022.
- 40 Текст соглашения см.: United Nations Treaty Series. Treaties and International Agreements Registered or Filed and Recorded with the Secretariat of the United Nations. Vol. 11, Geneva, 1947, p. 303—323.
- 41 Там же.
- 42 Report of a Study of United States Foreign Aid in Ten Middle Eastern and African Countries. Washington, 1963, p. 27.
- 43 Там же.
- 44 L. V. Thomas and R. N. Frye. The United States and Turkey and Iran. Cambridge, 1952, p. 250.
- 45 М. Фатех, с. 495.
- 46 См.: Report on Program for the Development of Iran. Prepared by International Engineering Company INC. San Francisco, For Morrison Knudsen International Company, July, 1947.
- 47 R. Shafaq. The Iranian Seven Year Development Plan („The Middle East Journal“, January, 1950, vol. 4, № 1, p. 101).
- 48 Там же.
- 49 Report on Program for the Development of Iran ..., p. 21.
- 50 Там же, с. 3.
- 51 „The Middle East Journal“, January, 1950, vol. 4, № 1, p. 105.

- 52 F. C. Mason. Iran. Economic and Commercial Conditions in Iran. L., August 1957, p. 101.
- 53 Summary of Recent Economic Developments in the Middle-East 1952—53. N. Y., 1954, p. 35.
- 54 А. В. Баширов, с. 167.
- 55 «Эттелаат», 25 января 1950 г.
- 56 «Эттелаат», 24 января 1950 г.
- 57 S. N. Fisher, p. 527.
- 58 „The Middle East Journal“, Spring, 1951, vol. 5, № 2, p. 226.
- 59 «Эттелаат», 20 февраля 1950 г.
- 60 «Маджале-йе банк-е мелли-йе Иран», мордад, 1330, № 113, с. 467.
- 61 Там же, с. 484.
- 62 „Summary of Recent Economic Developments in the Middle-East 1950—51“. N. Y., 1952, p. 55.
- 63 В 1950 г. общее число рабочих Ирана, занятых в промышленных предприятиях, в строительстве, транспорте и в кустарно-ремесленной промышленности, составило 300—400 тыс. (см.: Economic Developments in the Middle East 1945—1954. N. Y., 1955, p. 65).
- 64 Ш. М. Бади. Рабочий класс Ирана, с. 50.
- 65 «Донья», 1344, № 3, с. 54.
- 66 Iran, Publication du centre national du commerce exterieur. Paris, 19me 0, p. 21.
- 67 Там же, с. 7.
- 68 В французской и западной историографии предпочитается персидское сокращенное название Народной партии Ирана—Тудэ (Хезб-е тудэ-е Иран).
- 69 تاریخ برنامه و اساسنامه و مرامنامه حزب توده ایران، ص ۵.
- 70 «Специальный бюллетень», № 3 (85). М., 1968, с. 39.
- 71 Абдолсамад Камбахш. Назари бе джонбеш-е каргари ва коммунисти дар Иран. Берлин, 1972, с. 132.
- 72 «Донья», 1343, № 3, с. 14.
- 73 S. Zabih. The Communist Movement in Iran. Berkeley-Los-Angeles, 1966, p. 163.
- 74 Հ. Մ. Աղայան, с. 12.
- 75 Зарубежные страны, с. 389.
- 76 «Эттелаат», 18 января 1950 г.
- 77 Зарубежные страны, с. 390.
- 78 В Иране самым распространенным способом раздела урожая являлась феодальная пятичленная система, согласно которой

урожай делился на пять частей и распределялся соответственно собственности на землю, воду, семена, тягловую и рабочую силу. Так как арендатор-крестьянин обычно не располагал ни одним из упомянутых компонентов, кроме собственной рабочей силы, следовательно, ему преподала лишь 1/5 часть урожая.

79 А. Мазандарани, с. 57.

80 А. К. Lambton. *Landlord and Peasant in Persia*. L., 1953, p. 391.

81 Там же, с. 263.

82 «Эттелаат», 31 января 1950 г.

83 L. V. Thomas and R. W. Frye, p. 184.

84 А. К. Lambton, p. 390.

85 «Эттелаат», 17 января 1950 г.; О положении крестьян и о крестьянском движении в Иране в послевоенные годы см.: Р. А. Сеидов. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Иране (1950—1953 гг.); Զ. Մ. Եղանյան. Գյուղատնտեսական շարժումը Իրանում; Ш. М. Бади. Аграрные отношения в современном Иране.

86 Изучение вопросов, связанных с национально-освободительным движением иранского народа в 1949—1953 гг., позволяет согласиться с точкой зрения С. Алиева о руководящей роли национальной буржуазии в антиимпериалистическом движении. Как справедливо пишет С. Алиев, отрицать эту роль «...значит допустить не совсем верный подход к решению важных проблем освободительного и демократического движения 1949—1953 гг». (См.: С. М. Алиев. Антиимпериалистическое и демократическое движение 1949—1953 гг. В кн.: Иран. Очерки новейшей истории. М., 1976, с. 250).

87 Роушан причисляет к национальной буржуазии колониальных, полуколониальных и слаборазвитых стран, в том числе и Ирана, тех крупных капиталистов, преобладающая часть капиталов которых внедрена в сферу национального производства.

88 Там же, с. 24.

(См.: روشن، ص ۲۲)

89 Там же.

90 Там же, с. 17.

91 Мосаддык родился в 1879 г. в богатой дворянской семье. Отец, Мирза Хедаят, занимал высокий государственный пост, мать принадлежала к дворянскому роду Каджаров. В 1906 г. Мосаддык едет в Париж, где в течение двух лет проходит обучение на экономическом факультете, затем продолжает образование в Швейцарии, в Невшателе. В 1914 г. ему присуждается ученая степень доктора права. Возвратившись на роди-

ну, Мосаддык активно выступает на страницах печати как сторонник прогрессивных преобразований в области правосудия и финансов. В 1915 г. Мосаддык избирается депутатом меджлиса третьего созыва и становится членом комиссии, контролирующей государственные финансы Ирана. В 1917 г. ему доверяются высокие посты в министерстве финансов, а затем в министерстве юстиции. В 1918 г. Мосаддык вновь едет в Европу, а спустя два года назначается генерал-губернатором провинции Фарс. В 1921 г. Мосаддык занимает пост министра финансов в правительстве Кавама эс-Салтане. Затем он назначается генерал-губернатором Азербайджана, а позже — министром иностранных дел во втором правительстве Кавама. В 1923 г. Мосаддык избирается депутатом меджлиса пятого созыва от города Тегерана.

В 1940 г. по приказу Реза-шаха Мосаддык без видимых причин был заключен в тюрьму города Бирджанд, а через некоторое время переведен под домашний арест в свое поместье Совуджулак. К политической жизни Мосаддык вернулся лишь после падения режима Реза-шаха. Он был вновь избран от города Тегерана депутатом меджлиса 14-го созыва, где и развернул широкую политическую деятельность. В октябре 1944 г. Мосаддык выступил в меджлисе с просторной речью, направленной в основном против АИНК, и впервые изложил свою политическую концепцию «негативного равновесия». В противовес проводившемуся шахом и господствующими классами антипатриотическому, прозападному политическому курсу, подчинявшему страну империалистическим державам, политика «негативного равновесия» была принципиально против какого-либо иностранного вмешательства во внутренние дела страны и стремилась к сохранению независимости Ирана.

92 А. Малеки, с. 7.

93 L. Binder, p. 210.

94 D. N. Wilber. Contemporary Iran, p. 90.

95 «Специальный бюллетень», № 3 (85), М., 1968, с. 51.

96 "The Middle East Journal", Summer, 1951, vol. 5, № 3, p. 343.

97 D. N. Wilber. Contemporary Iran, p. 93.

98 J. M. Upton, p. 111.

99 R. N. Frye, p. 90.

100 Аснад-е нафт, с. 33.

101 L. P. Elwell-Sutton, p. 104.

102 A. W. Ford, p. 51.

- 103 B. Shwadrان. The Anglo-Iranian Oil Dispute („Middle Eastern Affairs“, June-July, 1954, vol. 5, Nos 6—7, p. 196).
- 104 Там же.
- 105 Текст закона о национализации нефтяной промышленности см.: Аснад-е нафт, с. 68—69.
- 106 Ф. Рухани, с. 118.
- 107 Там же.
- 108 „The Middle East Journal“, Summer, 1951, vol. 5, № 3, p. 343.

ГЛАВА 2

- 1 «Эттелаат», 3 мая 1951 г.
- 2 Аснад-е нафт, с. 255.
- 3 Там же, с. 126.
- 4 Там же, с. 91.
- 5 М. Фатех, с. 523.
- 6 Там же, с. 517—523.
- 7 S. N. Fisher, p. 530.
- 8 Background. Office of Public Affairs. Department of State. Washington, June, 1951, p. 8.
- 9 Documents on American Foreign Relations 1951. Vol. XIII, N. Y., 1953, p. 588.
- 10 О. Э. Туганова. Политика США и Англии на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1960, с. 47.
- 11 А. Шамим, с. 61.
- 12 N. S. Fatemi, p. 350.
- 13 „The Middle East Journal“, Autumn, 1952, vol. 6, № 4, p. 458.
- 14 „The Middle East Journal“, Spring, 1953, vol. 7, № 2, p. 201.
- 15 „The New York Times“, 26 июня 1951 г.
- 16 „The Middle East Journal“, Winter, 1952, vol. 6, № 1, p. 75.
- 17 Ф. Рухани, с. 129.
- 18 «Эттелаат», 28 апреля 1951 г.
- 19 „The Middle East Journal“, Autumn, 1951, vol. 5, № 4, p. 486.
- 20 B. Shwadrان. The Middle East Oil and the Great Powers. N. Y., 1955, p. 125.
- 21 Там же.
- 22 R. Sanghvi. Aryamehr: The Shah of Iran. A Political Biography. L., 1969, p. 191.
- 23 Documents on American Foreign Relations 1951. Vol. XIII, N. Y., 1953, p. 586.
- 24 S. N. Fisher, p. 532.

- 25 Iran Today, p. 66.
- 26 Современный Иран. Справочник. М., 1957, с. 187.
- 27 «Бесу-йе аянде», 30 января 1952 г.
- 28 «Бесу-йе аянде», 2 марта 1952 г.
- 29 «Бесу-йе аянде», 5 февраля 1952 г.
- 30 «Бесу-йе аянде», 22 января 1952 г.
- 31 «Бесу-йе аянде», 22 февраля 1952 г.
- 32 Расчеты сделаны по: Iran Today, p. 67.
- 33 „Summary of Recent Economic Developments in the Middle East 1950—51“. N. Y., 1952, p. 52.
- 34 «Бесу-йе аянде», 27 февраля 1952 г.
- 35 „Bank Melli Iran Bulletin“, January, 1952, № 18, p. 253.
- 36 „Bank Melli Iran Bulletin“, July, 1952, № 124, p. 396.
- 37 Внешняя торговля капиталистических стран. М., 1953, с. 119.
- 38 Там же, с. 120.
- 39 „Review of Economic Conditions in the Middle East 1951—52“. N. Y., March, 1953, p. 93.
- 40 На внешнюю торговлю Ирана была установлена государственная монополия еще в 30-е годы, однако в дальнейшем она была ликвидирована.
- 41 «Бесу-йе аянде», 29 января 1952 г.
- 42 Правительству Ирана удалось продать незначительное количество нефти лишь некоторым фирмам Италии, Японии и Западной Германии.
- 43 «Бесу-йе аянде», 31 января 1952 г.
- 44 Современный Иран. Справочник. М., 1975, с. 166.
- 45 United States of America. Congressional Record Debats of the 83^d Congress, vol. 99, part. 10, March 23, 1953, to May 18, 1953, Washington, 1953, p. A 2097.
- 46 Report of a Study of United States Foreign Aid..., p. 27.
- 47 Background of the Middle East. Ithaca, N. Y., October, 1952, p. 182.
- 48 Там же.
- 49 «Донья», 1340, № 3, с. 18.
- 50 J. Bharier. Economic Development in Iran 1900—1970. L., 1971, p. 67.
- 51 «Эттелаат», 3 августа 1952 г.
- 52 „Bank Melli Iran Bulletin“, January, 1953, № 130, p. 12.
- 53 «Эттелаат», 31 января 1952 г.
- 54 L. P. Elwell-Sutton, p. 290.
- 55 R. N. Frye, p. 100.

- 56 «Эттелаат», 13 июля 1952 г.
- 57 Там же.
- 58 Там же; „Summary of Recent Economic Developments in the Middle East 1950—51“. N. Y., 1952, p. 55.
- 59 Documents on American Foreign Relations 1951. N. Y., 1953, vol. XIII, p. 593.
- 60 W. A. Williams. America and the Middle East open Door Imperialism or Enlightened Leadership? N. Y., 1958, p. 53.
- 61 „The Middle East Journal“, January, 1952, vol. 4, № 1, p. 102.
- 62 «Эттелаат», 31 июля 1952 г.
- 63 «Эттелаат», 14 августа 1952 г.
- 64 Там же.
- 65 «Эттелаат», 2 августа 1952 г.
- 66 «Эттелаат», 22 июля 1952 г.
- 67 «Бахтар-е эмруз», 12 апреля 1952 г.
- 68 عبدالحسين دانشپور، نيرنگبازان نفت يا علل شکست
ميسيون گارنر، تهران، ۱۳۳۱، ص ۵۹
- 69 Там же.
- 70 По подсчетам экспертов иранская национальная компания была в состоянии обеспечить около 10 млн. т нефти в год. (А. Данешпур. Нейрангбазан-е нафт..., с. 45).
- 71 «Эттелаат», 27 июля 1952 г.
- 72 Там же.
- 73 «Эттелаат», 11 августа 1952 г.
- 74 М. Фатех, с. 631—632.
- 75 Р. Палм-Датт. Кризис Британии и Британской империи. М., 1953, с. 414.
- 76 Там же.
- 77 «Эттелаат», 25 августа 1953 г.
- 78 Там же.
- 79 «Эттелаат», 5 мая 1953 г.
- 80 «Эттелаат», 16 августа 1952 г.
- 81 «Эттелаат», 25 августа 1952 г.
- 82 «Рузнаме-йе расми-йе кешвар-е шахеншахи-йе Иран», 1 апреля 1953 г.
- 83 مرتضی حسینی تهرانی، اصول علم مالیه و قوانین مالی ایران،
تهران، ۱۳۳۴، ص ۱۲۰
- 84 «Рузнаме-йе расми-йе кешвар-е шахеншахи-йе Иран», 29 декабря 1952 г.
- 85 М. Техрани. Осул-е элм-е малне ва гаванин-е мали, с. 120.
- 86 „Economic Developments in the Middle East 1954—1955“. N. Y., 1956, p. 33.

- 87 «Эттелаат», 14 июля 1951 г.
- 88 «Эттелаат», 28 июля 1952 г.
- 89 «Эттелаат», 13 августа 1952 г.
- 90 «Кейхан», 14 и 16 августа 1952 г.
- 91 С. М. Алиев справедливо считает, что именно эти законы Мосаддыка «...вызывали обостренные классовые противоречия в деревне и усиление выступлений крестьян». (См.: С. М. Алиев. Антиимпериалистическое и демократическое движение (1949—1953 гг. В кн.: Иран. Очерки новейшей истории, с. 231).
- 92 «Эттелаат», 14 августа 1952 г.
- 93 При оценке аграрной политики Мосаддыка Р. Коттам необоснованно преувеличивает ее значение. «В действительности, если бы программа аграрной реформы Мосаддыка стала распространяться и осуществляться после его свержения, иранское сельское хозяйство и иранская деревня испытали бы сейчас большой прогресс»,—пишет он. (R. W. Cottam, p. 217).
- 94 Р. А. Сеидов. Иранская буржуазия в конце XIX—начале XX века, с. 155.
- 95 Кия-Нури. Национальная буржуазия, ее характер и политика. («Проблемы мира и социализма», 1959, № 8, с. 67).
- 96 Подробно об аграрных законах Мосаддыка см.: Р. А. Сеидов. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Иране, с. 154—162;
Հ. Մ. Էդաթյան. Գյուղացիական զիջակը ժամանակակից Իրանում, с. 74—83.
- 97 «Рузнаме-йе расми-йе кешвар-е шахеншахи-йе Иран», 1 июля 1953 г.
- 98 «Эттелаат», 19 августа 1952 г.
- 99 «Эттелаат», 27 августа 1952 г.
- 100 «Эттелаат», 7 сентября 1952 г.
- 101 «Эттелаат», 23 августа 1952 г.
- 102 «Эттелаат», 25 августа 1952 г.
- 103 „Economic Developments in the Middle East 1954—1955“. N. Y., 1956, p. 140.
- 104 «Рузнаме-йе расми-йе кешвар-е шахеншахи-йе Иран», 25 декабря 1952 г.; مجموعه قوانین تجاری، تهران، بهمن ماه، ۱۳۳۰
ص ۱۴۳—۱۳۹
- 105 «Рузнаме-йе расми-йе кешвар-е шахеншахи-йе Иран», 1 января, 1953 г.; Маджмуэ-йе гаванин-е тоджари, с. 184—191.
- 106 Там же.
- 107 «Эттелаат», 25 августа 1952 г.
- 108 «Эттелаат», 2 августа 1952 г.

- 109 «Рангин кеман», 28 июня 1952 г.
- 110 Текст закона см.: „Bank Melll Iran Bulletin“, August, 1953, № 137, p. 201—204.
- 111 „Bank Melll Iran Bulletin“, May, 1953, № 134, p. 125.
- 112 «Бахтар-е эмуруз», 10 июня 1953 г.
- 113 «Правда», 18 июня 1953 г.
- 114 «Правда», 14 июня 1953 г.
- 115 «Правда», 18 июня 1953 г.
- 116 «Кейхан», 13 июня 1953 г.
- 117 «Эттелаат», 10 августа 1952 г.
- 118 «Эттелаат», 3 августа 1952 г.
- 119 Современный Иран. Справочник. М., 1957, с. 233.
- 120 Там же.
- 121 U. S. and Soviet Policy in the Middle East 1945—56, p. 110.
- 122 «Донья», 1342, № № 1—2, с. 42.
- 123 «Эттелаат», 17 июля 1952 г.
- 124 «Правда», 15 января 1953 г.
- 125 «Эттелаат», 14 августа 1952 г.
- 126 «Эттелаат», 17 декабря 1952 г.
- 127 A. Malek-Mahdavi. Le parlement iranien. Newchatel, 1954, p. 68.
- 128 «Эттелаат», 17 декабря 1952 г.
- 129 Dj. Tavalloli, p. 185.
- 130 «Эттелаат», 6 сентября 1952 г.
- 131 «Эттелаат», 20 сентября 1952 г.
- 132 „The Middle East Journal“, Winter, 1953, vol. 7, № 1, p. 63.
- 133 «Эттелаат», 20 сентября 1952 г.
- 134 Согласно статье 76 Дополнения к основному закону, все судебные заседания должны были быть публичными, «за исключением тех случаев, когда гласность разбирательства может причинить вред общественному порядку или нравственности». (См.: مجموعه مصوبات مجلس شورای ملی در چهار دوره تقنينيه (اول-دوم-سوم-چهارم)، متمم قانون اساسی، ص ۱۳۱).
- 135 «Эттелаат», 16 ноября 1952 г.
- 136 «Эттелаат», 20 ноября 1952 г.
- 137 «Эттелаат», 19 ноября 1952 г.
- 138 «Эттелаат», 30 октября 1952 г.
- 139 «Рузнаме-йе расми-йе кешвар-е шахеншахи-йе Иран», 7 марта 1953 г.
- 140 Там же. Этот закон продолжал оставаться в силе и после свержения правительства Мосаддыка 19 августа 1953 г.

- 141 «Эттелаат», 25 августа 1952 г. В Иране были широко распространены малярия, туберкулез, трахома, тиф, венерические и другие заболевания. По данным Госдепартамента США, в 1951 г. в Иране имелось лишь 2 500 больничных коек, половина из них в Тегеране. (Background. Office of Public Affairs. Department of State. Washington, June, 1951, p. 6.).
- 142 «Эттелаат», 12 ноября 1952 г.
- 143 «Эттелаат», 28 ноября 1952 г.
- 144 «Бахтар-е эмруз», 27 и 28 мая 1953 г.
- 145 «Эттелаат», 21 января 1953 г.
- 146 «Эттелаат», 11 мая 1953 г.
- 147 «Эттелаат», 21 июня 1953 г.
- 148 «Эттелаат», 20 декабря 1952 г.
- 149 «Эттелаат», 2 февраля 1953 г.
- 150 Там же.
- 151 «Эттелаат», 15 февраля 1953 г.; «Рузнаме-йе расми-йе кешвар-е шахеншахи-йе Иран», 17 февраля 1953 г.
- 152 «Эттелаат», 15 февраля 1953 г.
- 153 M. Ganji and A. Milani. Iran: Developments During the Last 50 Years (Iran: Past, Present and Future. Aspen Institute Persepolis Symposium. N. Y., 1976, p. 46—47).
- 154 Там же.
- 155 Расчеты сделаны по данным таблиц, приведенных в: M. Ganji and A. Milani. Developments During..., p. 46—47.

ГЛАВА 3

- 1 А. Бехния, с. 66.
- 2 А. Аванесян. За ширмой «позитивного национализма» («Проблемы мира и социализма», 1962, № 9 (49), с. 79).
- 3 L. Binder, p. 78.
- 4 R. K. Karanja. The Mind of a Monarch Mohammad Reza Pahlavi. L., 1977, p. 144—145.
- 5 Iran Under the Pahlavis. N. Y., 1978, p. XXI.
- 11 Мохаммед Реза шах-е Пехлеви. Мамурнят..., с. 116; R. K. Karanja, p. 144.
- 7 E. P. Hoyt, p. 119.
- 8 محمد رضا پهلوی، پاسخ به تاریخ، کانا، ۱۹۸۰، ص ۷۹
- 9 R. W. Cottam, p. 284.
- 10 R. Sanghvi, p. 188.
- 11 Мохаммед Реза шах-е Пехлеви. Мамурнят..., с. 116.
- 12 R. K. Karanja, p. 127.

- 13 Мохаммед Реза шах-е Пехлеви. Мамурият..., с. 162.
- 14 Там же, с. 143.
- 15 Там же, с. 117.
- 16 F. Sahebjam. L'Iran des Pahlavis, p. 269.
- 17 R. Sanghvi, p. 181.
- 18 Там же, с. 213.
- 19 R. Sanghvi, p. 212—213.
- 20 Там же, с. 168.
- 21 Мохаммед Реза шах-е Пехлеви. Мамурият..., с. 109.
- 22 Там же, с. 123.
- 23 D. N. Wilber. Contemporary Iran, p. 113.
- 24 L. Binder. Iran's Potential as a Regional Power, (In: Political Dynamics in the Middle East. N. Y., 1972, p. 361).
- 25 L. Binder. Iran. Political Development ..., p. 94.
- 26 A. K. Lambton, p. 257.
- 27 F. C. Mason, p. 43.
- 28 „Middle Eastern Affairs“, October, 1954, vol. 5, № 10, p. 314.
- 29 Iran Today, p. 24.
- 30 Мохаммед Реза шах-е Пехлеви. Мамурият..., с. 108; R. K. Karanja, p. 117.
- 31 Iran Today, p. 26.
- 32 A. Мазандарани, с. 74.
- 33 R. Frye, p. 99.
- 34 W. E. Warne. Mission for Peace. Point 4 in Iran. N. Y., 1956 p. 18.
- 35 „Middle Eastern Affairs“, October, 1954, vol. 5, № 10, p. 314.
- 36 «Бесу-йе аянде», 21 июля 1952 г.
- 37 L. P. Elwell-Sutton, p. 309.
- 38 «Эттелаат», 17 июля 1952 г.
- 39 Кавам эс-Салтане (Ахмед Кавам) в 1921, 1942 и 1956 гг. занимал пост премьер-министра, имел проамериканскую ориентацию и своей деятельностью постоянно содействовал упрочению позиций и влияния американского империализма в Иране. Он являлся непримиримым врагом национально-освободительного движения иранского народа и сыграл большую роль в подавлении освободительного движения Ирана в послевоенные годы.
- 40 «Эттелаат», 17 июля 1952 г.
- 41 Там же.
- 42 Там же.
- 43 Маджмуэ-йе мосавебат-е маджлес-е шоура-йе мелли дар чехар

- доуре-йе тагниние (аввал-доввом-севвом-чехаром), с. 5.
- 44 *F. Sahebjam. Mohammed Reza Pahlavi...*, p. 123.
- 45 *E. P. Hoyt*, p. 121.
- 46 «Эттелаат», 19 июля 1952 г.
- 47 Там же.
- 48 *Х. Арсанджани*. Яддаштха-е сияси-е «сийом-е тир». Техран, 1331, с. 38.
- 49 Там же, с. 43.
- 50 «Джарас», 21 июня 1952 г.
- 51 Там же.
- 52 «Эттелаат», 20 июля 1952 г.
- 53 «Эттелаат», «Кейхан», 18—21 июля 1952 г.
- 54 Там же.
- 55 «Эттелаат», 22 июля 1952 г.
- 56 «Эттелаат», 23 июля 1952 г.
- 57 Там же. Опубликование 22 июля решения Международного суда (в связи с жалобой Англии) в пользу Ирана во многом способствовало в то время возрастанию престижа и популярности Мосаддыка, помогло ему вернуться к власти и обеспечило дальнейшую поддержку народных масс.
- 58 *Мохаммед Реза шах-е Пехлеви*. Мамурият..., с. 120.
- 59 Там же.
- 60 «Эттелаат», 26 июля 1952 г.
- 61 *J. M. Upton*, p. 101.
- 62 «Сетаре», 4 августа 1952 г.
- 63 «Шахбаз», 28 февраля 1953 г.
- 64 «Эттелаат», 7 апреля 1953 г., см.: Текст обращения премьер-министра Мосаддыка к иранскому народу по радио.
- 65 «Эттелаат», 22 октября 1952 г.
66. *A. Malek-Mahdavi*, p. 80.
- 67 «Эттелаат», 8 января 1953 г.
- 68 «Эттелаат», 20 января 1953 г.
- 69 «Эттелаат», 23 февраля 1953 г.
- 70 «Эттелаат», 25 февраля 1953 г.
- 71 «Эттелаат», „*Journal de Téhéran*“, 28 февраля—5 марта 1953 г.
- 72 «Эттелаат», 29 февраля 1953 г.
- 73 «Эттелаат», 28 февраля 1953 г.
- 74 Там же.
- 75 «Бесу-йе аянде», «Бахтар-е эмруз», «Кейхан», «Эттелаат», 28 февраля—5 марта 1953 г.

- 76 «Эттелаат», 3 марта 1953 г.
- 77 Там же.
- 78 «Эттелаат», 26 февраля 1953 г.
- 79 «Эттелаат», 4 марта 1953 г.
- 80 U. S. and Soviet Policy in the Middle East 1945—56, p. 109.
- 81 «Эттелаат», 5 марта 1953 г. В состав комиссии входили Макки, Ганджен, Хаерн-заде, Маджид-заде, Моаземи, Баган, Рафай, Санджаби.
- 82 «Эттелаат», 12 марта 1953 г.
- 83 Маджмуэ-йе мосавебат-е маджлес-е шоура-е мелли..., с. 26.
- 84 «Эттелаат», 12 марта 1953 г.
- 85 Там же.
- 86 «Бахтар-е эмруз», 24 мая 1953 г.
- 87 Там же.
- 88 *Dj. Tavalloli*, p. 146.
- 89 *А. Малеки*, с. 38.
- 90 Там же.
- 91 Не излишне упомянуть, что в 1949 г. группа оппозиционных правительству общественных деятелей во главе с Мосаддыком сели в бест в знак протеста против вмешательства правительства на выборах.
- 92 *А. Шамим*, с. 65.
- 93 *R. W. Cottam*, p. 276—277.
- 94 «Эттелаат», 13 июля 1952 г.
- 95 Там же.
- 96 Из опубликованных в иранской прессе материалов обсуждения в меджлисе и в сенате требования Мосаддыка шестимесячных чрезвычайный полномочий.
- 97 «Эттелаат», 31 июля 1952 г.
- 98 «Эттелаат», 9 августа 1952 г.
- 99 Там же.
- 100 Там же.
- 101 «Эттелаат», 9 августа 1952 г.
- 102 «Эттелаат», 15 октября 1952 г.
- 103 «Эттелаат», 1 декабря 1952 г.
- 104 Там же.
- 105 «Эттелаат», 10 января 1953 г.
- 106 Фракция Нехзат-е мелли (Национальное движение) представляла в меджлисе ИФ.
- 107 «Эттелаат», 15 января 1953 г.
- 108 Там же.
- 109 «Эттелаат», 8 и 15 января 1953 г.

- 110 «Эттелаат», 10 января 1953 г.
- 111 Там же.
- 112 «Эттелаат», 20 января 1953 г.
- 113 Из опубликованных в иранской прессе материалов обсуждения в меджлисе требования Мосаддыка о продлении на один год чрезвычайных полномочий.
- 114 «Эттелаат», 15 января 1953 г.
- 115 «Эттелаат», 20 января 1953 г.
- 116 «Эттелаат», 18 января 1953 г.
- 117 Из опубликованных в иранской прессе материалов заседаний меджлиса.
- 118 А. Малеки, с. 115.
- 119 Из опубликованных в иранской прессе материалов заседаний меджлиса.
- 120 22 октября 1952 г. иранское правительство официально объявило о расторжении дипломатических отношений с Англией.
- 121 Из опубликованных в иранской прессе материалов заседаний меджлиса.
- 122 Н. Кия-Нури. Хезб-е тудэ-е Иран ва доктор Мохаммед Мосадек. Негахи аз тарих-е хезб-е тудэ-е Иран. Техран, 1359, с. 21.
- 123 «Специальный бюллетень», № 3 (85). М., 1968, с. 51.
- 124 «Правда», 9 августа 1953 г.
- 125 Мемуары А. Идена () «Международная жизнь», 1960, № 4, с. 133.
- 126 «Правда», 9 августа 1953 г.
- 127 «Эттелаат», 13 июля 1953 г.
- 128 «Эттелаат», 15 июля 1953 г.
- 129 Там же.
- 130 „The Middle East Journal“, Autumn, 1953, vol. 7, № 4, p. 509.
- 131 «Эттелаат», 15 июля 1953 г.
- 132 «Эттелаат», 16 июля 1953 г.
- 133 «Эттелаат», 19 июля 1953 г.
- 134 «Бахтар-е эмруз», 27 июля 1953 г.
- 135 Там же.
- 136 Там же.
- 137 «Эттелаат», 29 июля 1953 г.
- 138 Там же.
- 139 Там же.
- 140 Там же.
- 141 «Бахтар-е эмруз», 4 августа 1953 г.
- 142 «Бахтар-е эмруз», 2 августа 1953 г.
- 143 D. N. Wilber. Contemporary Iran, p. 99.

- 144 Мохаммед Реза Пехлеви в своем интервью Р. Каранджия заявил: «У офицеров-тудэистов был план убить Мосаддыка, после того как им была бы свергнута Пехлевийская династия». (*R. Karanjia*, p. 139).
- 145 «Бесу-йе аянде», 15 января 1952 г.
- 146 «Бесу-йе аянде», 22 января 1952 г.
- 147 «Эттелаат», 25 октября 1952 г.
- 148 Там же.
- 149 Там же.
- 150 «Рузнаме-йе расми-йе кешвар-е шахеншахи-йе Иран», 15 декабря 1952 г.
- 151 Там же.
- 152 «Бесу-йе аянде», 8 мая 1951 г.
- 153 А. Н. Шамиде, с. 151.
- 154 عبدالصمد کامبخش، حزب توده ایران در مبارزه برای تشکیل جبهه واحد ملی و دموکراتیک (دذیاء، ۱۳۴۳، شماره ۳، ص ۱۵).
- 155 Н. Кия-Нури. Хезб-е тудэ-е Иран ва доктор Мохаммед Мосаддек..., с. 32.
- 156 Там же, с. 11.
- 157 «Донья», 1341, № 2, с. 18.
- 158 Мемуары А. Идена, там же, с. 131.
- 159 B. Nirumand. Iran. The New Imperialism in Action. Berlin, 1972, p. 127.
- 160 „The Department of State Bulletin“, vol. 28, № 725, May 18, 1953, Washington, p. 707.
- 161 Ф. Рухани, с. 367—368.
- 162 W. A. Williams, p. 53.
- 163 «Правда», 9 августа 1953 г.
- 164 Там же.
- 165 М. Фатех, с. 663.
- 166 جهانگیر عظیمی، جنبش ملی ایران، ۱۳۳۸، ص ۱
- 167 „The New York Times“, 9 августа 1953 г.
- 168 «Бахтар-е эмруз», 5 августа 1953 г.
- 169 «Шахбаз», 9 августа 1953 г.
- 170 «Джарас», 26 июля 1953 г.
- 171 «Шахбаз», 9 августа 1953 г.
- 172 «Донья», 1341, № 2, с. 15.
- 173 «Шоджаат», 14 августа 1953 г.
- 174 Там же.
- 175 Мохаммед Реза шах-е Пехлеви. Мамурният..., с. 126.
- 176 «Бахтар-е эмруз», 16 августа 1953 г.

- 177 «Шоджаат», 16 августа 1953 г.
- 178 Там же.
- 179 «Правда», 20 августа 1953 г.
- 180 «Правда», 20, 21, 22 августа 1953 г.
- 181 Мохаммед Реза шах-е Пехлеви. Мамурият..., с. 130.
- 182 G. Lenczowski. Oil and State in the Middle East. N. Y., 1960, p. 10.
- 183 Мохаммед Реза шах-е Пехлеви. Мамурият..., с. 135; Н. Агга, р. 409.; А. Мазандарани, с. 112; А. Шамим, с. 79; А. Бехния, с. 89 и др.
- 184 F. Sahebjam. L'Iran des Pahlavis, p. 268; F. Bahrapour, p. 41; Sh. Chubin and S. Zabih, p. 3.
- 185 Цит. по: «Донья», 1342, № 2, с. 19.
- 186 По всей вероятности это был небезызвестный эмиссар ЦРУ Кермит (Ким) Рузвельт, внук бывшего президента США Т. Рузвельта.
- 187 Цит. по: «За рубежом», 1974, № 18, с. 17.
- 188 Там же.
- 189 Мохаммед Реза шах-е Пехлеви. Мамурият..., с. 134.
- 190 Цит. по: R. W. Cottam, p. 227.
- 191 Цит. по: U. S. and Soviet Policy in the Middle East 1945—56, p. 112.
- 192 E. P. Hoyt, p. 134.
- 193 «За рубежом», 1979, № 18, с. 15.
- 194 Мохаммед Реза Пехлеви. Пасох бе тарих; с. 198.
- 195 Там же, с. 73.
- 196 R. Sanghvi, p. 210.
- 197 Цит. по: Дж. Азима, с. 1.
- 198 Там же.
- 199 K. Roosevelt. Counter coup: the Struggle for the Control of Iran. N. Y., 1979.
- 200 Там же, с. 1, 3.
- 201 R. P. Stibbens. The United States in World Affairs 1953. N. Y., 1955, p. 307.
- 202 Остальные 40% принадлежали АИНК, 14%—Англо-голландскому нефтяному тресту и 6%—французской нефтяной компании.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Социально-экономическое и политическое положение Ирана в канун прихода национальной бур- жуазии к власти	18
ГЛАВА ВТОРАЯ. Основные аспекты и тенденции развития внутренней политики правительства национальной бур- жуазии	53
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Политика правительства национальной бур- жуазии в отношении шаха и политических сил страны.	73
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	113
ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ	116

АНУШ ГЕВОРКОВНА СТАМБОЛЦЯН

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА
НАЦИОНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ ИРАНА
(1951—1953 гг.)

Редактор издательства Ж. В. НАЛЧАДЖЯН
Художник Ю. А. АРАКЕЛЯН
Худож. редактор Г. Н. ГОРЦАКАЛЯН
Тех. редактор А. М. МАНУЧАРЯН
Корректор Л. А. ХАЧАТРЯН

ИБ № 560

Сдано в набор 5.04.1984 г. Подписано к печати 3.10.1984 г.
ВФ 06097. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Шрифт «Лат.»,
высокая печать. Печ. л. 8,5. Усл. печ. л. 7,22. Учетно-изд. л. 7,1.
Тираж 1000 Зак. № 284. Изд. № 6182. Цена 1 р. 10 коп.

Издательство АН АрмССР, 375019, Ереван, пр. Маршала
Баграмяна, 24-г.

Типография Издательства АН АрмССР, 378310, г. Эчмиадзин

ԳԱԱ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.

FL0168411

1 р. 10 к.

Р. " 532 192